ISSN 2949-463X

СОЦИОЛОГИЯ

4М

МЕТОДОЛОГИЯ
МЕТОДЫ
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ

Т. 35
№ 3 (64)

Социология:

методология, методы, математическое моделирование

Научный журнал
Российской
академии наук

Основан в 1991 году

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3
EDN: TPYJQF

Т. 35. № 3 (64)
2026

ISSN: 2949-463X

Sociology:

Methodology, Methods, Mathematical Modeling

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3
EDN: TPYJQF

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: +7 (993) 957-91-75. **E-mail:** sociology.4m@gmail.com

Главный редактор

Н.С. Бабич
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Редакционный совет

О.Б. Божков *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*

Е.Е. Горяченко *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*

А.С. Готлиб *Самарский государственный университет (Самара)*

П.М. Козырева *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)*

В.А. Мансуров *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

А.Ю. Мягков *Ивановский государственный энергетический университет (Иваново)*

А.И. Орлов *МИРУ им. Н.Э. Баумана (Москва)*

А.П. Петров *Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН*

Г.И. Саганенко *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*

Г.А. Сатаров *Фонд ИНДЕМ (Москва)*

Г.Г. Татарова *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

Т.Ю. Черкашина *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственныйуниверситет (Новосибирск)*

В.А. Шведовский *МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Ответственный редактор – *Н.В. Иващенкова*
Ответственный секретарь – *А.А. Михайлов*
Редактор – *В.А. Иванова*

Editor-in-Chief

Nikolay S. Babich
Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)

Editorial Board

Oleg B. Bozhkov	*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
Elizaveta E. Goryachenko	*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
Anna S. Gotlib	*Samara State University (Samara)*
Polina M. Kozyreva	*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow)*
Valeriy A. Mansurov	*Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
Alexander Yu. Myagkov	*Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)*
Alexander I. Orlov	*Bauman University (Moscow)*
Alexander P. Petrov	*Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS*
Galina I. Saganenko	*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
Georgy A. Satarov	*Foundationfor Information on Democracy (Moscow)*
Galina G. Tatarova	*Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
Tatyana Yu. Cherkashina	*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
Vyacheslav A. Shvedovsky	*LomonosovMoscow State University (Moscow)*

Managing Editor – *Natalia Ivashchenkova*
Executive Secretary – *Alexey Mikhailov*
Copy Editor – *Vera Ivanova*

СОДЕРЖАНИЕ

Общие вопросы методологии и методики социологических исследований

Кученкова А. В. Типологический метод, типологические исследования, типологический анализ: к вопросу о концептуализации «мышления типами» в социологии 9

Теория и история методов

Григорьева Е. А. Сравнительно-исторический метод в социологии: от классических стратегий поиска причинности к качественному сравнительному анализу (QCA) 34

Опыт практического применения современных методов социологических исследований

Демьяненко В. И., Шилова В. А., Быков К. В., Гусейнова К. Э. Баланс унификации и разнообразия в пространственном развитии городов: адаптация технологии прогнозного социального проектирования к задачам мастер-планирования 74

Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е., Бобриков Д. Д., Бондарьков С. В., Бочаров Т. Ю., Гегельман А. С., Дмитриева А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Леденев В. В., Османов Т. Э., Скугаревский Д. А, Ходжаева Е. А. Виктимизация в России: Методологические аспекты исследования 110

Гребенюк А. А., Волкова И. С. Методологические и методические особенности исследования образа будущего государства 220

Методический эксперимент

Оганян А. А., Девятко И. Ф. Влияние социального сравнения на изменение моральных суждений: апробация экспериментального подхода к оценке.....254

Измерения в социологии

Григорьев А. В. Разработка и валидизация индекса воцерковленности как предиктора участия в выборах в России.....292

К сведению авторов.....314

CONTENTS

General issues of methodology and methods of sociological research

Kuchenkova A.V. Typological method, typological research, typological analysis: on the conceptualization of "thinking in types" in sociology 9

Theory and history of methods

Grigoreva E.A. The Comparative-Historical Method in Sociology: From Classical Causal Strategies to Qualitative Comparative Analysis (QCA) 34

Experience in the practical application of modern methods of sociological research

Demyanenko V.I., Shilova V.A., Bykov K.V., Guseynova K.E. Balancing unification and diversity in urban spatial development: adapting predictive social design technology for master planning 74

Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E., Bobrikov D.D., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu., Gegelman A.S., Dzmitryieva A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Ledenev V.V., Osmanov T.En., Skougarevskiy D.A., Khodzhaeva E.A. Victimization in Russia. Survey methodology 110

Grebenyuk A.A., Volkova I.S. Methodology and methods for studying the image of the future state 220

Methodological experiment

Oganyan A.A., Devyatko I.F. Social Comparison Influence on Moral Judgement Change: Test of the Experimental Design 254

Measurements in sociology

Grigorev A.V. Development and Validation of the Index of Church Membership as a Predictor of Election Participation in Russia 292

Information for authors.....314

© Социология: 4М. 2026. Т. 35. № 3 (64).

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.1
EDN: TUFOQD

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД, ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «МЫШЛЕНИЯ ТИПАМИ» В СОЦИОЛОГИИ

Кученкова Анна Владимировна
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: a.v.kuchenkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5554-7009

Для цитирования: Кученкова А. В. Типологический метод, типологические исследования, типологический анализ: к вопросу о концептуализации «мышления типами» в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 9-33. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.1. EDN: TUFOQD.

Статья посвящена «мышлению типами» – исследовательской стратегии, реализуемой в процессе научного познания и подразумевающей использование концепта «тип» в явном или неявном виде для выстраивания системы целеполагания, а также обособлению «мышления типами» как особой исследовательской оптики в эмпирических исследованиях и специфической метаметодики анализа данных, в т.ч. посредством противопоставления «корреляционному мышлению».

Предлагается вариант «размежевания» трёх понятий – «типологический метод», «типологическое исследование» и «типологический анализ», – задающих методологические и эпистемологические рамки

всевозможным типологизациям и классификациям в социологии, служащих для указания на использование «мышления типами» в научном исследовании, позволяющих структурировать практики его реализации. Рассмотрение их соотношения позволяет заключить, что они не являются понятиями одного ряда или уровня, скорее, наблюдается некоторое сужение области покрываемых ими значений при переходе от первого к последнему.

«Типологический метод» является наиболее общим по отношению к остальным, охватывает разнообразные ситуации типологических обобщений и описаний, как на теоретическом, так и эмпирическом уровне, включая построение концептуальных типологий, логическое разделение понятий и др., и подразумевает обращение к типам как инструментальным средствам познания. Для очерчивания области применения типологического метода в эмпирических исследованиях вводится понятие «типологические исследования», понимаемое как особый вид эмпирических исследований, направленных на выявление и изучение социальных типов. Если под последними понимаются социально значимые, однородные, латентные группы, для обнаружения которых используются инструменты математической формализации, то можно говорить о реализации особой методологической процедуры – «типологического анализа».

Ключевые слова: типологический метод, типологическое исследование, типологический анализ, тип, социальный тип

Объективные обстоятельства производства научного знания сопряжены с отсутствием, как правило, общепризнанных теоретических и эмпирических интерпретаций ключевых понятий, междисциплинарными заимствованиями, понятийным и методическим эклектизмом, мозаичностью знания, и в конечном счёте – «подвижностью, множественной обусловленностью социологических категоризаций, даже если таковые основаны на больших эмпирических массивах и стройном теоретизировании» [1, с. 872]. Безусловно, это относится и к понятиям, входящим в поле «типологической» проблематики.

Как правило, научные публикации методологического профиля, затрагивающие так или иначе типологии и классификации в социологии, не обходятся без упоминания о многозначности используемых терминов, неоднозначного их использования и трудностях отмежевания друг от друга. Так, например, среди основных проблем типологического метода отмечают «теоретическую перегруженность» понятий (поскольку привлечение б*о*льшего количества их трактовок не способствует прояснению смысла и содержания, а наоборот только повышает неопределённость) и «метаязыковое смешение» (разное понимание терминов в повседневном языке, языке социологии и языке социологической методологии) [2, с. 14], а при реализации типологического анализа возникновение различного рода «методологических ловушек» [3, с. 128-142].

Несмотря на указанные трудности, обращение к типам, типологиям, типологизациям остаётся востребованным в практике социологических исследований [4], что, в свою очередь, актуализирует потребность в структурировании и систематизации накопленного в этой области опыта. Цель статьи – показать, как «мышление типами» осмысляется и концептуализируется в методологии социологических исследований, а также структурировать многообразие практик его реализации посредством обращения к трём понятиям: «типологический метод», «типологическое исследование» и «типологический анализ». Для этого сначала раскрывается значимость «мышления типами» для социальных наук и его обособление как отдельной исследовательской оптики в эмпирических исследованиях (в т.ч. посредством противопоставления «корреляционному мышлению»), затем предлагается вариант «размежевания» трёх вышеупомянутых базовых понятий, задающих методологические и эпистемологические рамки всевозможным типологизациям и классификациям в социологии.

О «мышлении типами» как особой исследовательской оптике в социальных науках

«Мышление типами» является неотъемлемой частью не только повседневных взаимодействий, но и процесса научного поиска, в рамках которого значимость и частоту обращения к классификациям, типологиям трудно переоценить. С одной стороны, они выступают «естественной», универсальной формой познания, связанной в силу «типологической» природы языка с возможностью конструирования понятий (обобщающих категорий, выступающих результатом абстрагирования и идеализации). С другой, классификации и типологии позволяют изучать внутреннюю структуру и дифференциацию совокупности объектов, проявлений того или иного феномена и выступают самостоятельным методом научного познания, интерес к которому возник ещё у древнегреческих философов, рассматривавших классификацию как особую логическую процедуру деления понятий (подробнее см., напр.: [5]).

В ряде естественнонаучных дисциплин и областей знания широкое применение нашли классификации, выступающие в качестве основного метода познания и формы представления теоретических знаний (периодическая система химических элементов, биологическая систематика и др.). В таких случаях процесс развития научного знания может быть представлен как история совершенствования классификации исследуемых объектов (подробнее см. [6]). Вместе с тем, классификационная проблематика осмыслялась через определённые категории и вопросы, специфические для каждой из наук. Например, проблемы периодизаций в истории, статистических группировок в экономике, районирования в экономической географии и др.

В гуманитарных и социальных науках особо важную роль сыграли *типологии*. Отчасти в связи с тем, что формирование

научных конструктов является одним из направлений использования «мышления типами» в процессе научного социального познания. А в социально-гуманитарных науках особенно очевидно, что «здесь мы не сможем увидеть и наблюдать объекты до того, как их помыслим. Ибо большинство объектов социальной науки, а может быть, и все ее объекты – это объекты абстрактные, теоретические конструкции. … Эти объекты, эти теоретические конструкции, используемые в интерпретации нашего опыта, являются результатом построения определенных моделей» [7, с. 156]. В случае научной интерпретации человеческих действий речь идёт об использовании конструктов научного мышления, которые, по А. Шюцу, являются конструктами второго порядка по отношению к конструктам повседневного, обыденного мышления [8, с. 41]. Потенциал типологических построений для задачи формирования понятий вариативен: от формально-логического деления понятий, выделения частей целого как необходимой составляющей раскрытия его содержания до обобщений «типологического порядка» (формирование так называемых типов-понятий / type-concept), позволяющих зафиксировать в научных понятиях плавные, переходящие свойства объектов, их текучесть и изменчивость, выявив устойчивые, качественные состояния [9].

«Мышлении типами» в процессе научного социального познания выражается в использовании типов как аналитических инструментов при постановке и решении задач, связанных не только с типизирующим образованием понятий, но и с *поиском знаний о типах социального*. В философской литературе для обозначения подобного подхода встречаются схожие наименования: «типологическая ориентация» и даже «типологическая парадигма» (подробнее см. [10, с. 13, 24]), а также подчёркивается, что «мышление, направленное на образование типов … является очень древним, ибо оно соответствует стремлению созна-

ния к сжатому, краткому изложению мыслей, к прегнантности[1], и связывает наглядность с общезначимостью» [11, с. 443-444].

В рамках *эмпирических исследований* «мышление типами» может рассматриваться как одна из метаметодик / метастратегий анализа данных – типологический анализ (наряду с причинным, факторным), нацеленный на поиск знаний о типах и имеющий особую, специфическую совокупность языковых конструктов и логику реализации на практике, позволяющие выстраивать архитектонику исследования [12].

В социальных науках обособление «мышления типами» как особой стратегии *анализа жёсткоформализованных данных* обозначается и артикулируется в т.ч. посредством его противопоставления так называемому «корреляционному мышлению» [13]. Под последним понимают определённую исследовательскую оптику, опирающуюся преимущественно на логику корреляционного анализа, первоочередное внимание к оценке взаимосвязи между признаками на «глобальном» уровне – поиску «универсальных» связей, наблюдаемых для всей совокупности объектов («усреднённых закономерностей») – а также, оценке вклада потенциальной детерминанты в вариацию значений целевого признака при контроле значений других характеристик (реализации квазиэкспериментов посредством применения различных статистических методов), ориентации на построение аддитивных моделей взаимосвязи между признаками (выпускающими из вида контекстуальность, ситуативность, вариативность характера взаимосвязей в разных условиях) и др. Приводящих в совокупности к взгляду на изучаемые явления и процессы как на «общую (генерализованную) линейную реальность» [14], что не всегда корректно отображает наблюдаемые закономерности.

«Типологическое мышление» рассматривается в качестве одной из возможных альтернатив «корреляционному»,

[1] Структурированию наиболее простым и наглядным образом.

поскольку позволяет фокусироваться на систематизации и упорядочивании элементов изучаемого явления [15], обладает высоким эвристическим потенциалом в области конструирования и уточнения концептов и теоретических типологий [16], а также возможностями учёта неоднородности и дифференцированности изучаемых явлений (в т.ч. посредством рассмотрения в качестве объясняющего фактора не изолированные эффекты отдельных признаков, а сочетание их значений (взаимодействия переменных), описывающих принадлежность объекта к тому или иному типу [17]).

Оппозиция «корреляционное vs типологическое» отчасти воспроизводится и в области методологии сравнительных исследований при противопоставлении так называемых «признак-ориентированного» / «объект-ориентированного» подходов (variable-oriented / case-oriented) [18].[2] В основе их различения помимо таких критериев, как количество объектов (большие выборки / анализ нескольких случаев), количества признаков (небольшое для анализа взаимосвязи между ними / максимально возможное для более подробного описания каждого объекта) лежит также и разная целевая установка (поиск обобщённых закономерностей о взаимосвязях между признаками / углублённое описание объектов, характеризуемых комплексными сочетаниями признаков, выявление отличий между объектами и изучение их разнообразия). В результате подход, «ориентированный» на объекты / наблюдения / кейсы, оказывается в большей степени «предрасположен» к «мышлению типами», вниманию к дифференцированности и неоднородности объектов, возможности выявления среди них однотипных.

Для «мышления типами» основополагающим и центральным понятием является *тип*. В свою очередь поиск знаний

[2] В психологии схожим образом противопоставляют «личностно-ориентированный» и «признак-ориентированный» подходы. См. [19].

о типах относят к одной из базовых задач эмпирической социологии, а понятие тип (наряду с такими как «фактор», «причина») – к понятиям-инвариантам [20], возникающим практически в каждом прикладном социологическом исследовании (вне зависимости от используемых методов сбора данных и практик их анализа) при постановке задачи и интерпретации результатов.

Несмотря на широкую распространённость и привычность, «тип», «типология» не имеют строгих общепринятых определений и используются зачастую как интуитивно-понятные и общеизвестные. В специализированных социологических словарях, энциклопедиях если и присутствует термин «тип», то, как правило, приводится его определение в общенаучном смысле (как образца, модели группы объектов, единицы членения в типологии) или толкование в естественно-научных дисциплинах (как систематической категории, объединяющей родственные классы животных или компоненты природной среды), без учёта социологической специфики. Одновременно, в подобной справочной профильной литературе практически не встречается термин «социальный тип» (за исключением [21; 22]), но могут быть другие: возможно, наиболее часто упоминается «идеальный тип»; реже – «реальный» и «конструированный», а также «типизация», «типологизация», «типология», «классификация» и «группировка», «стереотипы», «архетипы», «повседневные типизации» (см. напр. [23; 24]).

Если типы используются в явном или неявном виде для выстраивания системы целеполагания исследования, то можно говорить о реализации «мышления типами», оперирование которым в свою очередь выражают посредством разных понятий, к рассмотрению которых переходим в следующем разделе.

Соотношение понятий «типологический метод», «типологические исследования», «типологический анализ»

Для исследований, посвященных разного рода классификациям, группировкам, типологизациям, основными понятиями, задающими методологические и эпистемологические рамки, можно считать следующие три: *типологический метод познания*, *типологические исследования* и *типологический анализ* (их краткое представление дано на рис. 1). Первое – *типологический метод* – носит междисциплинарный статус и имеет давнюю историю, получив своё признание в качестве самостоятельного метода научного поиска в истории, археологии, языкознании и др. Третье (*типологический анализ*) введено в научный оборот в социологии во второй половине XX в. в качестве понятия меньшего объёма, относится к области методологии анализа данных, играя ключевую роль в применении типологического метода в эмпирических исследованиях, обеспечивая возможность выстраивания логики и технологии анализа. Второе из рассматриваемых понятий – *типологические исследования* – пока не используется в качестве устоявшегося термина, его смысловое наполнение и соотношение с двумя другими обсудим ниже.

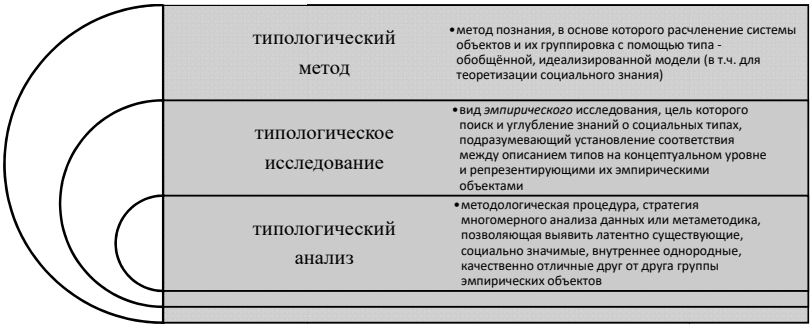

Рис. 1. Соотношение понятий

«Типологический метод познания» – наиболее широкое, общее и обобщающее по отношению к остальным, оно покрывает всевозможные ситуации типологических обобщений и описаний (в основе которых расчленение системы объектов и их группировка с помощью типа – обобщённой, идеализированной модели [25]), как на теоретическом, так и эмпирическом уровне, включая построение теоретических (концептуальных) типологий, логическое разделение понятий и многое др. Пожалуй, наибольшую известность и резонанс получила концепция «идеальных типов» М. Вебера [26], без которой, не обходится ни одно обсуждение типологического метода в социальных науках. Вместе с тем, рассматривая развитие типологического метода в Западной социологии XX в., Н. С. Бабич выделяет 15 различных концепций и вариантов реализации типологического метода [2], в т.ч. «идеальные типы» М. Вебера, Л. Мизеса, А. Шюца, У. Герхардт, У. Кукартц, «конструктивные типы» Г. Беккера, Д. Маккини, типологический метод Ж. Гурвича, концепцию типологических операций П. Лазарсфельда, концептуальные разработки К. Гемпеля, П. Оппенгейма и др.

Если трактовать типологический метод познания предельно широко и независимо от внутридисциплинарного контекста, то под ним понимают *совокупность способов* поиска общего в особенном [2, с. 9]. Вместе с тем, чрезмерное расширение дефиниции таит риск размывания содержания и ухода в беспредметность. В этой связи представляется целесообразным говорить о реализации в социологическом исследовании типологического метода познания, если в явном или неявном виде используется концепт «тип» в качестве *инструмента* теоретизирования, обобщения, осмысления ускользающей в своём многообразии и мозаичности социальной реальности. Например, идёт речь о построении теоретической (концептуальной) типологии, о введении в научный оборот нового понятия, призванного отразить тенденции развития и ключевые, отличительные черты некого феномена,

осмысляются и концептуализируются с опорой на выявленные эмпирические закономерности варианты проявления изучаемого феномена и т.п.

Вместе с тем, «тип» может выступать не только *инструментальным средством*, но и *предметом* социального познания.[3] Если говорить о роли «типологического мышления» не только в теоретическом конструировании понятий, но и в исследованиях, опирающихся на эмпирические данные, то определение и содержательное наполнение типологического метода может быть сведено к способам поиска знаний о *типах социального* (дифференциации вариантов проявления изучаемого феномена) и *социальных типах* (как особых феноменах социальной сферы общественной жизни). Выявление, изучение, описание последних является отдельным, самостоятельным направлением исследований в социологии. В этом случае можно сказать, что «мышление типами» трансформируется в «*мышление социальными типами*».

Руководствуясь потребностью в конкретизации возможностей реализации типологического метода познания в *эмпирических* социологических исследованиях, представляется целесообразным ввести понятие «*типологические исследования*». Под которым будем понимать *особый вид эмпирического социологического исследования, направленный на поиск знаний о социальных типах* (индивидов, организаций, территориальных единиц, обществ, культур, и т.д.), подразумевающий установление соответствия между описанием типов на концептуальном уровне и репрезентирующими их эмпирическими объектами, реализуемое посредством различных исследовательских стратегий (движения либо от выявленных эмпирических закономерностей, описы-

[3] По аналогии с выделенными Г. Г. Татаровой функциями социальных типов как целей и средств познания [21, с. 281-283]. Именно эти две функции являются одними из основных и, как было показано в [27], задают континуум для других возможных функций.

вающих группы схожих объектов, к обоснованию возможности рассматривать их как носителей разных типов, либо от теоретически сконструированных типов, метафорических образов к их эмпирической валидации).

Подчеркнём, понятие «типологические исследования» относится уже только к эмпирическим исследованиям, подразумевая в том или ином виде опору на эмпирические данные в процессе поиска знаний о социальных типах. Такие исследования могут существенно варьироваться в зависимости от понимания *социальных типов* [28]: либо как образов, порожденных в массовом сознании для обозначения некой неформальной социальной роли, наименование которой фиксируется в языке посредством ярлыка («ковид-скептики», «ковид-диссиденты», «яжемать» и т.п.), а носителями выступают индивиды, демонстрирующие особый, распознаваемый другими в повседневных взаимодействиях паттерн в поведении, установках, внешнем виде; либо как образов, целенаправленно сконструированных исследователем и требующих эмпирической валидации (поиска объектов, репрезентирующих социальные типы, операциональное описание которых позволяет распределять наблюдаемые объекты по соответствующим предзаданным группам); либо социальные типы трактуются как латентные группы, обладающие схожими социально-значимыми чертами, обнаружение которых осуществляется посредством изучения внутренней структуры совокупности объектов (например, при изучении дифференциации работников по характеру их трудовой мотивации, стратегиям трудового поведения и адаптации к изменениям на работе, субъективному благополучию на работе, характеру занятости и др. [29]).

Так или иначе, одним из оснований для дифференциации и различения понятий «типологический метод» и «типологическое исследование» может выступать функциональная роль типа. В первом случае он служит инструментальным средством познания, с помощью которого могут изучаться самые разнообразные

феномены, во втором выступает, скорее, целью, причём в центре внимания оказываются уже не любые типы, а именно социальные. Безусловно, такое различение является в некоторой мере условным, но в то же время позволяет подчеркнуть, что проблематика, связанная с «типологическим методом» сфокусирована в большей степени на том, как эффективно использовать концепт «тип» в процессе познания, а для «типологических исследований» акцент смещается в сторону вопроса – что понимать под социальными типами, выступающими предметом исследования.

Наконец, обратимся к третьему ключевому понятию. *«Типологический анализ»* представляет собой стратегию реализации типологического исследования с опорой на математические методы многомерного анализа, т.е. методологическую процедуру, подразумевающую не только логическую, но и математическую формализацию процесса поиска знаний о социальных типах. Это понятие было введено в научный оборот Г. Г. Татаровой, с течением времени формулировки определения уточнялись. В первой монографии, посвящённой типологическому анализу, были введены две основных его трактовки: (1) «*исследовательская стратегия* по реализации типологического метода познания социальных явлений»; (2) «*совокупность методов* изучения социальных объектов (или явлений), позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы объектов (или явлений), характеризующиеся типообразующими признаками, природа которых различна, и интерпретируемых как носители различных типов явлений» [30, с. 13-14]. Развитие данной области методологического знания привело к уточнению, в последствии типологический анализ был определён как «*метаметодика анализа данных*» (методика конструирования в частной исследовательской ситуации конкретной, частной, локальной методики) и особый язык анализа данных, а также предложено рассматривать его в разных контекстах [31, с. 71-72], в т.ч. как *методологическую процедуру*

в эмпирической социологии, *исследовательскую стратегию* анализа социальных феноменов, а также класс задач, логическая схема решения которых одинакова.

Позже добавилась ещё одна трактовка типологического анализа как *диагностической процедуры* – «вида технологии сбора и анализа данных для целей социологической экспертизы состояния изучаемой «ситуации» и выявления механизмов воздействия на её изменение» [3, с. 143-144] на основе реконструкции социальных типов как объектов социального управления и контроля. Подобное определение позволяет соотносить типологический анализ и с процедурами измерения (типологического), а также интерпретировать его как инструмент социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений, средство социологической диагностики и экспертизы состояния, как отдельных общностей, организаций, так и общества в целом.

Понятию «типологический анализ» присущи многозначность и многовариантность трактовок. Но основной и наиболее актуальной является следующая: «типологический анализ – исследовательская стратегия многомерного анализа данных или метаметодика анализа данных со специфической языковой и логической структурой. Это методологический инструмент, позволяющий выявить латентно существующие, социально значимые, внутреннее однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов по характеристикам, природа которых различна. Группы интерпретируются как носители различных социальных типов» [3, с. 136].

Принимая во внимание приведённую дефиницию, понятие типологический анализ выступает более «узким» по отношению к «типологическому исследованию», как минимум, по двум причинам. Во-первых, оно в большей степени сфокусировано на инструментальных, методических аспектах, относящихся к области методологии анализа данных. Во-вторых, исходя из определения, типологический анализ подразумевает поиск латентных

групп объектов и использование математических методов многомерного анализа, применение которых встречается не во всех эмпирических исследованиях, относимых к типологическим. Так, например, применение методов многомерного анализа необходимо для анализа неоднородности совокупности объектов, поиска и выделения групп схожих объектов, являющихся носителями предположительно разных типов, а также возможно для проверки существования эмпирических объектов, репрезентирующих теоретически сконструированные, гипотетические типы. Обе ситуации предполагают опору на схожий подход к пониманию социальных типов, когда последние носят латентный характер, об их существовании до проведения исследования неизвестно. В других случаях тип может быть заранее известен из повседневной жизнедеятельности или научных изысканий и будет требоваться углублённое его описание, объяснение причин возникновения, особенностей существования. Такое исследование может быть реализовано в рамках качественной стратегии с опорой на слабоформализованные данные (например, для уточнения содержания и состава «типообразующих» признаков того или иного социального типа) и без обращения к математическим методам многомерного анализа, в полной мере попадая под определение «типологического исследования».

Заключение

Соотнесение рассматриваемого трио понятий – типологический метод, типологические исследования, типологический анализ – позволяет заключить, что каждое из них, обозначая «мышление типами» в научном исследовании, представляет самостоятельный интерес. Нельзя сказать, что они являются понятиями одного ряда или уровня. Скорее, наблюдается некоторое сужение области покрываемых ими значений при переходе от первого к последнему. Хотя, безусловно, это одна из воз-

можных трактовок. Как правило, научные концепты и категории отличаются многовариантностью интерпретаций (когда ни одно определение не охватывает полностью его содержания и не отражает полностью его сущности), каждая из которых оказывается контекстуальной. Это в целом свойства языка, в котором любой речевой акт контекстуален, что является не недостатком, а напротив, условием эффективного использования, очерчиванием чётких границ и закладываемого смысла. Данное утверждение справедливо и применительно к научным концептам: «создание категорий должно быть конкретизировано или контекстуально ориентировано. Только в этом случае можно надеяться на сближение категориального пространства с конкретным объектом, или, иными словами, на референциальность как самого исследования, так и его результатов» [32, с. 15-16].

Несмотря на отмеченные трудности по прояснению научного аппарата в «типологической» области, предложенная интерпретация трёх рассмотренных выше понятий позволила очертить контекст их употребления и решить, как минимум две задачи. Во-первых, в некоторой мере структурировать многообразие практик реализации «мышления типами» в научных исследованиях с помощью нескольких критериев: уровень анализа (теоретический / эмпирический), функциональная роль типа (как средства или цели познания), использование / неиспользование математической формализации в ходе анализа данных. Во-вторых, выделить в отдельный вид эмпирических социологических исследований («типологические») те, что связаны с изучением социальных типов. И тогда накопленный опыт эмпирических социологических исследований (опирающихся в том или ином виде на «мышление типами») можно рассматривать и далее систематизировать с точки зрения понимания феномена «социальный тип» и представлений о способах, инструментах его изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троцук И.В.* Компендиум по типам «типологического» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024, т. 24, № 3. С. 868–877. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-868-877. EDN: HVQGJO.

2. *Бабич Н.С.* Эволюция типологического метода в западной социологии XX века. Дис. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. М., 2010. 161 с. EDN: QEPKGD.

3. *Татарова Г.Г., Бабич Н.С., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В.* Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Под ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с. ISBN 978-5-89697-408-6. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023. EDN: LSRSFV.

4. *Татарова Г.Г., Кученкова А.В.* Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии // Социологические исследования. 2022, № 7. С. 28-40. DOI: 10.31857/S013216250019758-6. EDN: BTXERQ.

5. *Субботин А.Л.* Классификация. М., 2001. 94 с. ISBN 5-201-02046-1. EDN: SUPFFB.

6. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 223 с.

7. *Поппер К.Р.* Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс»; VIA, 1993. 187 с. ISBN 5-01-003881-1.

8. *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Под ред. С. Я. Левита. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 7-50. ISBN 5-8243-0513-7. EDN: QWHEJL.

9. *Матросова Н.К.* Место понятия «тип» в системе сложившихся и складывающихся универсалий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014, т. 2, № 3. С. 83-92. EDN: TEWHIT.

10. *Москвитин А.Ю.* Типология в социальном познании: философско-методологический анализ. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2013. 131 с. ISBN 978-5-228-00661-4. EDN: UIAYFH.

11. Тип // Философский словарь: основан Г. Шмидтом. 22-е изд. / Под ред. Г. Шишкоффа, В. А. Малининой; пер. с нем. М.: Республика, 2003. С. 443-444. ISBN 5-250-01794-0. EDN: QWEVGZ.

12. *Татарова Г.Г.* Метаметодики анализа данных как средства концептуализации // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / Под ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 75-92. ISBN 5-89697-081-1. EDN: PEOBUF.

13. *Delbridge R., Fiss P.C.* Editors' comments: Styles of theorizing and the social organization of knowledge // Academy of Management Review. 2013, vol. 38, № 3. P. 325-331. DOI: 10.5465/amr.2013.0085.

14. *Abbott A.* Transcending General Linear Reality // Sociological Theory. 1988, vol. 6, № 2. P. 169-186. DOI: 10.2307/202114.

15. *Snow Ch.C., Ketchen Jr. D.J.* Typology-Driven Theorizing: A Response to Delbridge and Fiss // The Academy of Management Review. 2014, vol. 39, № 2. P. 231-233. DOI: 10.5465/amr.2013.0388.

16. *Collier D., LaPorte J., Seawright J.* Putting Typologies to Work: Concept Formation, Measurement, and Analytic Rigor // Political Research Quarterly. 2012, vol. 65, № 1. P. 217-232. DOI: 10.1177/1065912912437162.

17. *Bergman L.R., Vargha A., Kövi Zs.* Revitalizing the typological approach: Some methods for finding types // Scandinavian Society for Person-Oriented Research. 2017, vol. 3, № 1. P. 49-62. DOI: 10.17505/jpor.2017.04.

18. *Della Porta D.* Comparative Analysis: Case-oriented versus Variable-oriented Research // Approaches and Methodologies in the Social Sciences / Ed. by D. Della Porta, M. Keating. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 198–222. ISBN 13 978-0-521-88322-1.

19. *Bergman L.R., Trost K.* The person-oriented versus the variable-oriented approach: Are they complementary, opposites, or exploring different worlds? // Merrill-Palmer Quarterly. 2006, vol. 52, № 3. P. 601-631. DOI: 10.1353/mpq.2006.0023.

20. *Татарова Г.Г.* О понятиях-инвариантах в структуре языка анализа социологических данных // Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2012. С. 25-40. EDN: UHZZGV.

21. *Татарова Г.Г.* Социальный тип // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 281-283. EDN: REYWCF.

22. *Silver D.* Social type (Simmel) // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / Ed. by G Ritzer. New York: Wiley, 2008. ISBN 1-4051-2433-4. DOI: 10.1002/9781405165518.wbeoss320.

23. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова, А. В. Кабыща. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с. ISBN 5-89123-162-X. EDN: REKHQF.

24. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Издательская группа ИНФРА М; НОРМА, 1998. 488 с. ISBN 5-89123-162-X.

25. *Филатов В.П., Огурцов А.П., Федотова В.Г., Перлов А.М.* Обсуждаем тему «Типологический метод» // Эпистемология и философия науки. 2007, т. 11, № 1. С. 157-168. EDN: NCOXXJ.

26. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 360-412. ISBN 5-01-001584-6. EDN: SGUYOR.

27. *Бабич Н.С.* Функции типологического метода в социологии // Теория и практика общественного развития. 2012, № 11. С. 84-89. EDN: PIIBPH.

28. *Кученкова А.В.* Об основании для дифференциации типологических исследований // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: сборник материалов VII Всероссийского социологического конгресса (Москва, 12–14 ноября 2025 г.) / Под ред. В. А. Мансурова, Е. Ю. Ивановой. М.: РОС, 2025. С. 1901-1907. EDN: FSRITS.

29. *Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г.* Социальные типы российских работников: к теории и практике изучения // Социологическая наука и социальная практика. 2025, т. 13, № 3. С. 156–177. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8. EDN: QLAHMJ.

30. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993. 101 с. ISBN 5-02-008208-2. EDN: TFKHUX.

31. *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях: учебное пособие. М.: Изд. дом «Высшее образование и наука», 2007. 206 с. ISBN 978-5-94084-043-5. EDN: QOGTDB.

32. *Черныш М.Ф.* Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025, т. 31, № 2. С. 9-28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1. EDN: LOMLVS.

Сведения об авторе

Кученкова Анна Владимировна

Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

AuthorID: 617102

SPIN-код: 8603-7421

Researcher ID: Q-5861-2016

Scopus Author ID: 55907762000

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026 г.

Статья принята к публикации: 15.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.1

TYPOLOGICAL METHOD, TYPOLOGICAL RESEARCH, TYPOLOGICAL ANALYSIS: ON THE CONCEPTUALIZATION OF "THINKING IN TYPES" IN SOCIOLOGY

Kuchenkova AnnaV.
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia
a.v.kuchenkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5554-7009

For citation: Kuchenkova A.V. Typological method, typological research, typological analysis: on the conceptualization of "thinking in types" in sociology. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 9-33. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.1.

Abstract. This article examines "thinking in types" – a research strategy implemented in the process of scientific inquiry and involving the explicit or implicit use of the concept of "type" to construct a goal-setting system. It also identifies "thinking in types" as a distinct research lens in empirical research and a specific meta-methodology for data analysis, including through contrast with "correlation thinking".

A methodological distinction is proposed between three concepts – "typological method", "typological research", and "typological analysis" – that provide the methodological and epistemological framework for various typologies and classifications in sociology. These concepts serve to indicate the use of "thinking in types" in scientific research and help structure the practices of its implementation. An examination of their relationship allows us to conclude that they are not concepts of a single series or level; rather, there is a certain narrowing of the scope of meanings they cover as we move from the former to the latter.

The "typological method" is the most general of the others, encompassing a variety of situations of typological generalizations and descriptions, both at the theoretical and empirical levels, including the construction of conceptual typologies, the logical separation of concepts, etc., and implies

an appeal to types as instrumental means of cognition. To outline the scope of the typological method in empirical research, the concept of "typological research" is introduced, understood as a special type of empirical research aimed at identifying and studying social types. If the latter are understood as socially significant, homogeneous, latent groups, for the detection of which tools of mathematical formalization are used, then we can speak of the implementation of a special methodological procedure – "typological analysis".
Keywords: typological method, typological research, typological analysis, type, social type.

References:

1. Trotsuk I.V. Compendium of types of the "typological" in sociology (in Russian), *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2024, vol. 24, no. 3, p. 868–877. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-868-877.
2. Babich N.S. *Evolyuciya tipologicheskogo metoda v zapadnoj sociologii XX veka [The Evolution of the Typological Method in 20th-Century Western Sociology]* (in Russian). Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2010. 161 p.
3. Tatarova G.G., Babich N.S., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure* (in Russian), ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: FCTAS RAS, 2023. 358 p. ISBN 978-5-89697-408-6. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-408-6.2023.
4. Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. The demand for the "typological turn" in empirical sociology (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2022, no. 7, p. 28-40. DOI: 10.31857/S013216250019758-6. EDN: BTXERQ.
5. Subbotin A.L. *Klassifikaciya [Classification]* (in Russian). Moscow, 2001. 94 p. ISBN 5-201-02046-1.
6. Rozova S.S. *Klassifikacionnaya problema v sovremennoj nauke [The classification problem in modern science]* (in Russian). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1986. 223 p.
7. Popper K.R. *The Poverty Of Historicism* (in Russian). Moscow: "Progress" Publishing Group; VIA, 1993. 187 p. ISBN 5-01-003881-1.

8. Schutz A. "Obydennaya i nauchnaya interpretaciya chelovecheskogo dejstviya [Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action]" (in Russian), in: *Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom [Selected Works: A World Glowing with Meaning],* ed. by S. Ya. Levit. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004, p. 7-50. ISBN 5-8243-0513-7.
9. Matrosova N.K. The notion "type" in the system of existing and emerging universalia (in Russian), *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, vol. 2, no. 3, p. 83-92.
10. Moskvitin A.Yu. *Tipologiya v social'nom poznanii: filosofsko-metodologicheskij analiz [Typology in Social Cognition: A Philosophical-Methodological Analysis]* (in Russian). St. Petersburg: SPbGUSE Publishing House, 2013. 131 p. ISBN 978-5-228-00661-4.
11. "Tip [Type]" (in Russian), in: *Filosofskij slovar': osnovan G. SHmidtom. 22-e izd. [Philosophical Dictionary: Founded by H. Schmidt. 22nd ed.]*, ed. by G. Schischkoff, V.A. Malinin. Moscow: Respublika, 2003, p. 443-444. ISBN 5-250-01794-0.
12. Tatarova G.G. "Metametodiki analiza dannyh kak sredstva konceptualizacii [Meta-methodologies of data analysis as tools for conceptualization]" (in Russian), in: *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2003 [Russia in Reform: Yearbook-2003]*, ed. by L.M. Drobizhev. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2003, p. 75-92. ISBN 5-89697-081-1.
13. Delbridge R., Fiss P.C. Editors' comments: Styles of theorizing and the social organization of knowledge, *Academy of Management Review*, 2013, vol. 38, no. 3, p. 325-331. DOI: 10.5465/amr.2013.0085.
14. Abbott A. Transcending General Linear Reality, *Sociological Theory*, 1988, vol. 6, no. 2, p. 169-186. DOI: 10.2307/202114.
15. Snow Ch.C., Ketchen Jr. D.J. Typology-Driven Theorizing: A Response to Delbridge and Fiss, *The Academy of Management Review*, 2014, vol. 39, no. 2, p. 231-233. DOI: 10.5465/amr.2013.0388.
16. Collier D., LaPorte J., Seawright J. Putting Typologies to Work: Concept Formation, Measurement, and Analytic Rigor, *Political Research Quarterly*, 2012, vol. 65, no. 1, p. 217-232. DOI: 10.1177/1065912912437162.
17. Bergman L.R., Vargha A., Kövi Zs. Revitalizing the typological approach: Some methods for finding types, *Scandinavian Society for*

Person-Oriented Research, 2017, vol. 3, no. 1, p. 49-62. DOI: 10.17505/jpor.2017.04.

18. Della Porta D. "Comparative Analysis: Case-oriented versus Variable-oriented Research", in: *Approaches and Methodologies in the Social Sciences,* ed. by D. Della Porta, M. Keating. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, p. 198–222. ISBN-13 978-0-521-88322-1.
19. Bergman L.R., Trost K. The person-oriented versus the variable-oriented approach: Are they complementary, opposites, or exploring different worlds? *Merrill-Palmer Quarterly*, 2006, vol. 52, no. 3, p. 601-631. DOI: 10.1353/mpq.2006.0023.
20. Tatarova G.G. "O ponyatiyah-invariantah v strukture yazyka analiza sociologicheskih dannyh [On invariant concepts in the structure of the language for analyzing sociological data]" (in Russian), in: *Sociologiya vchera, segodnya, zavtra. V Sociologicheskie chteniya pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta [Sociology yesterday, today, tomorrow. V Sociological readings in memory of Valery Borisovich Golofast],* ed. by O. B. Bozhkov. St. Petersburg: Ejdos, 2012, p. 25-40.
21. Tatarova G.G. "Social'nyj tip [Social Type]" (in Russian), in: *Tezaurus sociologii. Kn. 2. Metodologiya i metody sociologicheskih issledovanij: temat. slov.-sprav. [Sociology Thesaurus. Book 2: Methodology and Methods of Sociological Research: Thematic Dictionary-Reference Book],* ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: YUNITI-DANA, 2013, p. 281-283.
22. Silver D. "Social type (Simmel)", in: *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*, ed. by G Ritzer. New York: Wiley, 2008. ISBN 1-4051-2433-4. DOI: 10.1002/9781405165518.wbeoss320.
23. *Enciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [Encyclopedic Sociological Dictionary]* (in Russian), ed. by G.V. Osipov, A.V. Kabyshch. Moscow: ISPI RAS, 1995. 939 p. ISBN 5-89123-162-X.
24. *Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'. Na russkom, anglijskom, nemeckom, francuzskom i cheshskom yazykah [Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French, and Czech]* (in Russian), ed. by G.V. Osipov. Moscow: INFRA-M; NORMA Publishing Group, 1998. 488 p. ISBN 5-89123-162-X.
25. Filatov V.P., Ogurtsov A.P., Fedotova V.G., Perlov A.M. Obsuzhdaem temu «Tipologicheskij metod» [Discussing the Topic "The Typological

Method"] (in Russian), *Epistemology & Philosophy of Science*, 2007, vol. 11, no. 1, p. 157-168.
26. Weber M. "Objectivity" in Social Science and Social Policy" (in Russian), in: *Weber M. Selected Works.* Moscow: Progress, 1990, p. 360-412. ISBN 5-01-001584-6.
27. Babich N.S. Functions of typological method in social science (in Russian), *Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 11, p. 84-89.
28. Kuchenkova A.V. " Ob osnovanii dlya differenciacii tipologicheskih issledovanij [On the Basis for Differentiating Typological Studies]" (in Riussian), in: *Sociologiya i obshchestvo: formirovanie i funkcionirovanie obshchestvennoj pamyati: sbornik materialov VII Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (Moskva, 12–14 noyabrya 2025 g.) [Sociology and Society: Formation and Functioning of Public Memory: Proceedings of the VII All-Russian Sociological Congress (Moscow, November 12–14, 2025)],* ed. by V.A. Mansurov, E.Yu. Ivanova. Moscow: ROS, 2025, p. 1901-1907.
29. Bessokirnaya G.P., Tatarova G.G. Social types of russian workers: on theory and practice of study (in Russian), *Sociological Science and Social Practice*, 2025, vol. 13, no. 3, p. 156–177. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8.
30. Tatarova G.G. *Tipologicheskij analiz v sociologii [Typological analysis in sociology]* (in Russian). Moscow: Nauka, 1993. 101 p. ISBN 5-02-008208-2.
31. Tatarova G.G. *Osnovy tipologicheskogo analiza v sociologicheskih issledovaniyah: uchebnoe posobie [Fundamentals of Typological Analysis in Sociological Research: A Textbook]* (in Russian). Moscow: Higher Education and Science Publishing House, 2007. 206 p. ISBN 978-5-94084-043-5.
32. Chernysh M.F. Categorization as a form of theorizing in sociology (in Russian), *Sociological Journal*, 2025, vol. 31, no. 2, p. 9-28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1.

Information about the author

Anna V. Kuchenkova
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Researcher ID: Q-5861-2016
Scopus Author ID: 55907762000

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.2
EDN: EIJGTU

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПОИСКА ПРИЧИННОСТИ К КАЧЕСТВЕННОМУ СРАВНИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ (QCA)

Григорьева Екатерина Александровна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия
Эл. почта: yreewda@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0313-3437

Для цитирования: *Григорьева Е. А.* Сравнительно-исторический метод в социологии: от классических стратегий поиска причинности к качественному сравнительному анализу (QCA) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 34-73. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.2. EDN: EIJGTU.

Анализ социальных изменений в их исторической и сравнительной перспективе является одной из самых давних устоявшихся стратегий социологического исследования. Целью работы является освещение ключевых особенностей применения сравнительно-исторического метода и последовательности этапов реализации компаративного исследования в социологии с опорой на методологические достижения Дж.С. Милля и Ч. Тилли. Детализируются процедуры отбора случаев, кодирования и построения матрицы данных на примере фундаментального сравнительно-исторического исследования Б. Мура. Освещаются ключевые преимущества метода, такие как способность к объяснению долгосрочных макросоциальных процессов и выявление конфигурационной причинности. Одновременно рассматриваются методологические ограничения, включая трудности интерпретации данных, огра-

ниченную генерализуемость выводов и продолжающиеся дебаты о его статусе. Особое внимание уделяется новейшим достижениям в области сравнительной методологии – качественному сравнительному анализу (QCA) и методу нечетких множеств (fsQCA) Ч. Рагина, позволяющим повысить аналитическую строгость и воспроизводимость исследований. Подтверждается эвристическая сила метода и его актуальность для анализа современных социальных феноменов. Изучая социальные явления в их сравнительной перспективе и историческом контексте, исследователи могут получить более глубокое представление о силах, формирующих современные общества.

Ключевые слова: сравнительно-исторический метод, сравнительно-историческое исследование, историческая социология, качественный сравнительный анализ, компаративистика, сравнительная методология

О методе

Изучение развития социальных явлений и процессов в социально-историческом контексте всегда представляло особый интерес для представителей социологической науки. Одним из ключевых инструментов, позволяющих глубоко анализировать социальные процессы, выявлять их причинно-следственные связи и понимать уникальность или общность культурно-исторических траекторий является сравнительно-исторический метод. В общем смысле применение данного метода означает логическое сопоставление аспектов небольшого числа случаев [1, p. 379] с целью выявления сходств и различий между социальными явлениями, институтами, процессами или обществами, рассматриваемыми в их историческом развитии. Исследования же, основанные на применении сравнительно-исторического метода, способны внести вклад в понимание общих закономерностей и универсальных принципов, лежащих в основе социальных изменений. Применение сравнительно-исторического метода позволяет осуществлять обоснованные обобщения о многих значимых

явлениях, не игнорируя при этом социально-исторические контекстуальные особенности [2, p. 414]. Значение сравнительно-исторического метода, как замечал классик отечественной социологии М.М. Ковалевский, состоит не в открытии новых фактов или данных, а в научном объяснении уже найденных [3, с. 23]. С его помощью обнаруживаются параллелизмы в развитии культурных состояний и форм, которые, в свою очередь, скрывают под собою эволюционные законосообразности [4]. Не случайно сравнительно-исторический анализ занимает центральное место в методологическом аппарате Э. Дюркгейма и М. Вебера, поскольку он позволяет решить одну из основополагающих проблем социологической науки: согласовать зачастую конкурирующие требования сложности и общности в социальных исследованиях [5, p. 732]. Применение метода позволяет осуществить как синхронный (сравнение в один момент времени), так и диахронный (сравнение во времени) анализ.

Область применения, уровни и единицы анализа

Область применения сравнительно-исторического метода, безусловно, выходит далеко за рамки социологической науки. Он глубоко востребован в рамках политических, антропологических, этнографических, исторических, культурологических, филологических, литературоведческих исследований. М.М. Ковалевский утверждал, что первым описал сравнительно-исторический метод подробно, несмотря на то, что история его применения начинается значительно раньше – представители гуманитарных и социальных наук «действовали методологично, но не писали о методе» [3, с. 71]. Обращение к сравнительно-историческому методу возможно в широком спектре социологических дисциплин, позволяя осуществлять исследования как на макро, так и на микроуровне.

История применения сравнительно-исторического метода восходит к трудам Ш.Л. Монтескье и А. Смита, а в социологической науке начинается с фундаментальных исследований классиков социологической мысли, в которых основными единицами анализа и сравнения становятся форма производственных отношений (К. Маркс), идеальные типы (М. Вебер), типы социальной солидарности (Э. Дюркгейм) и др. К этим исследованиям, направленным в первую очередь на концептуализацию современности и осмысление исторической самобытности Запада, восходит своими корнями целый корпус более поздних работ, оформившийся в отдельное направление, известное как историческая социология (Б. Мур, Т. Скочпол, Ч. Тилли, Р. Бендикс и др.). Интеллектуальные усилия представителей данного направления были сфокусированы на применении сравнительно-исторического метода к изучению возникновения и эволюции крупномасштабных социальных институтов и процессов. Именно историческая социология второй половины XX в. стала наиболее плодотворной областью применения метода – наиболее известные исследования были посвящены анализу социальных истоков диктатуры и демократии (Б. Мур); общих закономерностей и уникальных особенностей революционных процессов (Т. Скочпол); мировой капиталистической системы и ее структуры в исторической перспективе (И. Валлерстайн); исторически меняющихся форм коллективных действий в современной европейской истории (Ч. Тилли); демографических и институциональных предпосылок английской революции в сравнительной перспективе (Дж. Голдстоун); вклада пуританских и пиетистских религиозных движений в борьбу за абсолютистские монархии и против них в Пруссии (М. Фулбрук) и др. В рамках исторической социологии исследовательские программы заметно расширились и обратились к другим эпохам, территориям, а также подняли новые темы, отличные от тех, что были в центре внимания классиков социологической мысли.

Сегодня метод не теряет своей актуальности и эвристической силы. Современная историческая социология, которую часто называют «третьей волной», главным образом представлена следующими исследованиями с применением сравнительно-исторического метода: «Переделывая современность: Политика, история и социология» Дж. Адамс, Э. Клеменс и Э. Орлофф [6]; «Консервативные партии и рождение демократии» Д. Зиблатт [7]; «Рабство и социальная смерть: сравнительное исследование с новым предисловием» О. Паттерсона [8]; «Нациестроительство: Почему одни страны собираются вместе, а другие распадаются» А. Виммер [9] и др.

Сравнительно-исторический метод, безусловно, востребован не только на Западе, но и в отечественной социологической практике, о чем свидетельствует большое количество исследований, выполненных с применением данного метода за последнее десятилетие. В первую очередь, он закономерно применяется для сравнения состояний того или иного социального явления в исторической перспективе [10; 11; 12; 13; 14]. Кроме того, присутствует небольшой пласт работ, идейно восходящих к особому социологическому жанру «социология социологии» и освещающих результаты применения сравнительно-исторического метода к анализу трансформации практики изучения и понимания того или иного социального феномена [15; 16; 17].

Широта области применения сравнительно-исторического метода открывает большие возможности для исследователя. И хотя традиционно метод ассоциируется с анализом на макроуровне, так как классические и широко известные сравнительно-исторические исследования (таких социологов, как М. Вебер, Б. Мур, Т. Скочпол) были сфокусированы на крупномасштабных структурах и процессах, стоит подчеркнуть, что ряд исследователей успешно применяет данный метод для изучения влияния «макроуровневых» изменений на «микроуровневую» повседневную жизнь. В этом смысле сравнительно-исторический метод

предстает как уникальный инструмент, позволяющий исследователю преодолевать традиционное разделение между макро- и микроуровнями анализа, связывая их воедино. Например, исследование Л. Стоун показывает, как макроструктурные изменения английского общества (реформация, развитие капитализма) привели к изменению семейных отношений [18]. Открывая возможности для изучения влияния структурных процессов на повседневную жизнь и наоборот, сравнительно-исторический метод становится важнейшим методологическим инструментом преодоления разрыва между структурой и действием.

При этом, выделение единиц анализа в сравнительно-исторических исследованиях обладает своей спецификой. Так, например, И. Валлерстайн в своих работах утверждает, что «отверг идею сделать искомой единицей анализа как суверенное государство, так и еще более смутное понятие национальной общности […], они не являются примерами социальных систем. Поскольку говорить о социальном изменении можно только применительно к социальным системам, единственной социальной системой в этой схеме оказывалась мир-система» [19, с. 7]. Однако при внимательном рассмотрении можно обнаружить, что рассуждения И. Валлерстайна о современной мировой системе изобилуют обращениями как к специфике национальных государств, ее образующих, так и к сравнениям различных характеристик основных и периферийных стран. Это, на первый взгляд, «несоответствие» объясняется спецификой применения сравнительно-исторического метода – как и в случае фундаментальной работы И. Валлерстайна, в подавляющем большинстве сравнительно-исторических исследований анализ проводится на одном уровне (например, институциональном), а объяснение дается на другом уровне (чаще всего на уровне общества). Данное обстоятельство обусловило возникновение определенной путаницы среди исследователей и методологов в вопросе о выделении единиц анализа в сравнительно-исторических исследова-

ниях. В этой связи Э. Шойх и, позднее, Ч. Рагин предложили различать единицы наблюдения (*units of observation*) и единицы объяснения (*units of inference*) [20; 21].

Способы применения сравнительно-исторического метода

Из вышесказанного следует, что исследователи, прибегающие к сравнительно-историческому методу, используют его для различных исследовательских целей. В этом смысле Т. Скочпол предложила разделять три стратегии анализа: создание общей теоретической модели, объясняющей один или множество случаев; интерпретирующую историческую социологию, при которой сравнительно-исторический метод используется в основном для уточнения частных описаний отдельных явлений; аналитическую историческую социологию, ориентированную на исследование или установление причинно-следственных связей [1, p. 360].

В отношении различных способов проведения исследований с применением сравнительно-исторического метода американский социолог Ч. Тилли предложил следующую типологию данных способов, которая представляется автором в виде схемы в таблице 1.

Таблица 1

ТИПОЛОГИЯ СПОСОБОВ ПРОВЕДЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА) ПО Ч. ТИЛЛИ [22, p. 81]

	Одна форма	**Множество форм**
Один случай	Индивидуализирующие сравнения	Охватывающие сравнения

Окончание табл. 1

	Одна форма	**Множество форм**
Множество случаев	Универсализирующие сравнения	Сравнения, выявляющие вариации

В данном случае форма предстает как способ теоретического описания, таким образом каждый случай может быть рассмотрен с точки зрения одной формы (понятия, концепции или теории) или нескольких. В то же время весь анализируемый материал может быть рассмотрен как множество отдельных случаев (множество случаев), либо как части одного и того же единичного случая (один случай). Таким образом, содержательная сторона утверждений, полученных в результате применения сравнительно-исторического метода может варьироваться от правильного определения и подробного описания характеристик единичного случая до правильного определения и подробного описания характеристик всех случаев описываемого явления.

При анализе множества случаев применение метода позволяет проводить универсализирующие сравнения (все случаи явления обладают общими свойствами) и сравнения, выявляющие вариации (существует множество форм явления). Если универсализирующие сравнения направлены на выявление общих закономерностей или принципов, которые применимы к широкому кругу явлений, то при сравнении, выявляющем вариации, исследователь, наоборот, стремится найти систематические различия между группами случаев и объяснить эти различия через конкретные факторы. При обращении к логике индивидуализирующих сравнений один случай рассматривается как одна форма, в то время как любые другие случаи если и участвуют в анализе, то выступают как контрпримеры, позволяющие уточнить специфические свойства изучаемого случая. Поскольку целью подобного исследования является выявление уникальных осо-

бенностей отдельного случая, сравнение выступает в виде «контекстуализирующего» инструмента, который помогает увидеть уникальность каждого феномена, поместив его в широкий контекст. В свою очередь охватывающие сравнения предполагают выделение множества форм в рамках одного случая, то есть рассмотрение частей одного и того же случая [22, p. 81-83]. Интерес исследователя в данном случае направлен на понимание того, как взаимодействия внутри одного случая (например, мировой экономики) влияют на развитие его отдельных частей. При таком сравнении исследователь исходит из того, что уникальность каждой части изучаемого случая объясняется его положением внутри этого случая.

Выделение данных способов обращения к сравнительно-историческому методу является аналитическим, идеально-типическим, и, как признает сам Ч. Тилли, на практике данные способы не воплощаются в чистом виде. Вместо этого возникают различные модификации и сочетания обозначенных способов.

Этапы применения сравнительно-исторического метода

Применение сравнительно-исторического метода в социологических исследованиях представляет собой последовательный процесс, который можно разделить на четыре основных этапа.

(1) *Методологический этап*. Прежде чем приступить к непосредственному обоснованию и применению метода, как и в любом исследовании, необходимо осуществить следующие методологические процедуры: постановка проблемы, определение объекта и предмета исследования, определение теоретической рамки исследования, уточнение основных понятий и их концептуализация, формулировка исследовательского вопроса и выдвижение гипотез. Классический исследовательский вопрос, ответ на который следует искать с помощью сравнительно-

исторического метода: «Почему в одних странах произошло X, а в других – нет?».

На данном этапе исследователь определяет, какое явление он хочет объяснить и почему оно является уникальным или, наоборот, универсальным. От этого зависит цель сравнения и, соответственно, отбор случаев для сравнения. В этом отношении начинающему исследователю может быть полезно обращение к рассмотренной выше типологии способов проведения сравнительно-исторического исследования, предложенной Ч. Тилли. Стоит отметить, что для каждого из обозначенных способов процедура отбора случаев будет иметь свои особенности. При обращении к индивидуализирующим сравнениям, анализируемые случаи выбираются исходя из их теоретической или исторической значимости – исследователь отбирает уникальные, «иконические» случаи, которые представляют особый исследовательский интерес сами по себе. Для целей универсализирующего сравнения процедура отбора направлена на поиск случаев, которые должны представлять как можно более широкий и разнообразный набор условий. При этом все они объединены общим результатом или общей характеристикой, которые исследователь и стремится объяснить. Поскольку сравнение, выявляющее вариации, направлено на поиск ответа на вопрос, почему одно и то же явление принимает разные формы или приводит к разным результатам, в рамках процедуры отбора исследователь останавливается на случаях либо очень похожих по многим ключевым параметрам, но имеющим разный исход, либо, наоборот, имеющих одинаковый исход, но сильно отличающихся по иным параметрам. Наконец, охватывающее сравнение предполагает отбор случаев, которые являются различными частями одного явления или структуры.

(2) *Методический этап*. Методический этап работы со сравнительно-историческим методом включает в себя три основные процедуры: сбор данных, критический анализ источников

и кодирование данных. Поскольку в сравнительно-историческом исследовании исследователь, как правило, опирается на различные исторические источники (архивные записи, периодическая печать, исторические монографии и др.), важно учитывать, что такого рода данные никогда не бывают полными. Они отражают лишь часть событий, более того, в них могут умалчиваться «неудобные» исторические факты. В этой связи задача исследователя не упускать из виду данное методологическое ограничение как при сборе данных, так и при их дальнейшей интерпретации. Определенные затруднения в процессе сбора данных может вызвать и, так называемый, «информационный шум» – изобилие второстепенной и некачественной информации, отвлекающей исследователя. Таким образом, сбор данных в сравнительно-историческом исследовании неизбежно сопровождается критическим анализом подобранных источников и, при необходимости, повторным обращением к процедуре сбора данных.

Наконец, процедура кодирования данных позволяет преобразовать неструктурированную, нарративную историческую информацию в систематизированный формат, пригодный для сравнительного анализа. Иными словами, это перевод хаотичного потока исторических событий и описаний в строгие аналитические категории (переменные), которые поддаются сравнению между собой. Данная процедура проводится в соответствии с теоретической рамкой исследования. После концептуального кодирования исследователь может прибегнуть к организации данных в виде матрицы данных, где по строкам расположены анализируемые кейсы (страны, периоды), а по столбцам – выделенные аналитические категории (переменные) и исход (результат). Представление собранных исторических данных в таком виде позволяет упростить процедуру логического сравнения случаев и проверки гипотез.

С целью иллюстрации результатов процедур кодирования и построения матрицы данных, обратимся к новаторскому для

своего времени сравнительно-историческому исследованию Б. Мура «Социальные истоки диктатуры и демократии» (1966). Исследовательский интерес Б. Мура был направлен на анализ трех разных путей в модерн (демократический, коммунистический и фашистский), который автор считал необходимым начинать с изучения предшествовавшего модернизации социального устройства, в первую очередь – классовых отношений [23]. В соответствии с этим, в качестве анализируемых кейсов выступили следующие страны – Англия, Франция, США (демократический путь в модерн); Россия, Китай (коммунистический путь в модерн); Германия, Япония (фашистский путь в модерн). В качестве уникального анализируемого случая, не вписывающегося в данную типологию путей в модерн, автор выбрал Индию, проверяя тем самым пределы своей теории. В качестве переменных, определивших политический исход, и, одновременно, путь в модерн для каждой из анализируемых стран, выступили характеристики классов и отношения между ними, описывающие состояние обществ до прихода модерна. Ниже предпринята попытка реконструкции матрицы данных, которой мог руководствоваться Б. Мур, отражающей основные переменные и их значения в его исследовании. Каждая ячейка содержит концептуальное описание, которое автор выводил из своего анализа исторических данных.

Внимательное изучение данной матрицы (таблица 2) позволяет найти логические подтверждения основным тезисам исследования Б. Мура, в общем смысле укладывающимся в следующую формулу – судьба крестьянства и характер союза между землевладельческой элитой и буржуазией являются ключевыми факторами, определяющими политическую траекторию общества на пути к современности [23, с. 14].

(3) *Аналитический этап*. На данном этапе исследователь обращается непосредственно к сравнению, поиску и обоснованию причинности. Выбранные единицы анализа изучаются во

Таблица 2

МАТРИЦА ДАННЫХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Б. МУРА (СОСТАВЛЕНА АВТОРОМ)

Государство	**Положение землевладельческой элиты**	**Положение буржуазии**	**Положение крестьянства**	**Наличие коалиции между классами**	**Политический исход**	**Путь в модерн**
Англия	Переход к капиталистическому фермерству	Сильное, независимое от государства	Слабое, вытесненное из общинных земель	Коалиция землевладельческой элиты и буржуазии	Буржуазная революция	Демократия
Франция	Сохранение феодальных черт, зависимость от государства	Сильное, но нереволюционное	Сохранился доступ к земле	Конфликт землевладельческой элиты и буржуазии	Буржуазно-крестьянская революция	Демократия
США	Колонисты-фермеры, отсутствие сильной землевладельческой элиты	Сильное, экономически независимое	Слабое, без феодальных пережитков	Коалиция буржуазии и мелких фермеров	Гражданская война	Демократия
Германия	Старая землевладельческая элита, зависимая от государства	Слабое, зависимое от землевладельческой элиты	Пассивное, покорное	Коалиция между землевладельческими элитами и относительно слабым восходящим промышленным классом	Консервативная революция сверху	Фашизм

Окончание табл. 2

Государство	**Положение землевладельческой элиты**	**Положение буржуазии**	**Положение крестьянства**	**Наличие коалиции между классами**	**Политический исход**	**Путь в модерн**
Япония	Консервативная самурайская аристократия, зависимая от государства	Слабое, зависимое от государства	Пассивное, покорное	Коалиция военных, промышленников и землевладельческой элиты	Консервативная революция сверху	Фашизм
Россия	Сильное, консервативное и негибкое	Слабое, позднее развитие	Сильное, с сохранением общинной структуры	Отсутствие союза, конфликт всех классов	Крестьянская революция	Коммунизм
Китай	Сильное, консервативное и негибкое	Слабое, зависимое от внешних сил	Сильное, с сохранением общинной структуры	Конфликт элит, гражданская война	Крестьянская революция	Коммунизм
Индия	Зависимое от колонизатора	Слабое, без политического веса	Сильное, с традиционной общинной структурой	Отсутствие коалиции, господство колонизаторов	Ненасильственный путь	Демократия

времени, соответственно, их состояние, значимые характеристики и свойства анализируется исторически последовательно. Применение метода предполагает проведение последовательного, систематического и контекстуализированного сравнения сходных и различных случаев. Останавливаясь на методологических аспектах установления причинно-следственных связей в сравнительно-историческом исследовании, важно обратиться к двум исследовательским схемам, предложенным Дж.С. Миллем. В своей работе «Система логики» он описывает метод сходства *(the Method of Agreement)*, который состоит в сопоставлении тех отличных один от другого случаев, в которых данное явление имеет место, и метод отличия *(the Method of Difference)*, суть которого в сравнении таких случаев, где это явление присутствует, со сходными в других отношениях случаями, где этого явления нет [24, с. 310]. Оба эти метода по сути своей являются методами исключения. Для метода сходства Дж.С. Милль определяет в качестве руководящего принципа следующий: «Если два или более случаев подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство – в котором только и согласуются все эти случаи – есть причина (или следствие) данного явления» [24, с. 312]. В то время как для метода отличия руководящим принципом является следующий: «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одном только и разнятся эти два случая, есть следствие, или причина, или необходимая часть причины явления» [24, с. 312]. Наглядно визуализировала данные индуктивные подходы к установлению причинности Т. Скочпол, которая полагала (как и сам Дж.С. Милль), что метод различия обладает большей объяснительной силой [1, p. 378]:

Случай 1	**Случай 2**	**Случай 3**	
a	*d*	*g*	Общие отличия
b	*e*	*h*	
c	*f*	*i*	
x	***x***	***x***	Значимое сходство
y	***y***	***y***	

x – переменная причины (или следствия)
y – явление, требующее объяснения

Рис. 1. Метод сходства (Дж.С. Милль)

Случай, в котором исследуемое явление наступает	**Случай, в котором исследуемое явление не наступает**	
a	*a*	Общие сходства
b	*b*	
c	*c*	
x	**не *x***	Значимое отличие
y	**не *y***	

x – переменная причины (или следствия)
y – явление, требующее объяснения

Рис. 2. Метод отличия (Дж.С. Милль)

С опорой на построенную на предыдущем этапе исследования матрицу данных исследователь может приступить к применению методов сходства и различия. На данном этапе становится очевидно, что установление причинности в ходе сравнительно-исторического исследования подразумевает под собой изучение конфигурации условий, «ответственных» за наступление конкретных социальных явлений. Методы сходства и отличия могут быть объединены и применены в одном исследовании, как, например, это сделал в своем исследовании Б. Мур. Как уже отмечалось ранее, автор использовал несколько позитивных примеров (Англия, Франция, США, Германия, Япония, Россия, Китай) наряду с подходящими негативными примерами в качестве контраста (Индия). Подобным образом Т. Скочпол в своей работе «Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая» (1979) выстраивала противопоставления при сравнении так, чтобы максимизировать сходство негативного примера (или примеров) с позитивным примером (примерами) в каждом предположительно релевантном отношении, за исключением той причинно-следственной цепочки, которую это противопоставление должно обосновать. Так, например, неудавшаяся русская революция 1905 г. сопоставлена с удавшейся революцией 1917 г. для того, чтобы обосновать доводы о критической важности для успеха социальной революции в России военных процессов, которые привели к краху репрессивного потенциала государства [25, с. 85-86].

Важно отметить, что методы сходства и различия, по мнению самого Дж.С. Милля, неприменимы к анализу социальных явлений: «В этой области множественность причин почти беспредельна, и следствия по большей части неотделимо переплетены друг с другом» [24, с. 355-356]. В соответствии с этим, мыслитель полагал, что данные методы должны применяться только в науках экспериментальных, где может быть предпринят контроль над вариацией. Однако многие авторитетные

социологи, начиная с Э. Дюркгейма [26, с. 517], предпочли не разделять данный тезис, а методы сходства и различия получили широкое применение в сравнительно-исторических исследованиях. Тем не менее, отмеченная Дж.С. Миллем специфика предмета социологической науки, безусловно, накладывает определенные ограничения и сложности на поиск причинности в сравнительно-исторических исследованиях, о чем пойдет речь в следующем разделе.

(4) *Заключительный этап*. Итак, на данном этапе исследователю предстоит интерпретировать полученные данные и сформулировать объяснительную модель. Для этого необходимо обращение к исходным гипотезам исследования и выбранной теоретической рамке. Возвращаясь вновь к фундаментальному исследованию Б. Мура, на данном этапе, помимо описания специфики трех анализируемых им путей в модерн, автор заключает, что необходимым условием модернизации является революционный разрыв с прошлым. Чем раньше такой разрыв происходит, тем лучше для демократических институтов, чем позднее, тем более прочной является власть землевладельческой аристократии и центрального правительства, оказывающего очень жесткое сопротивление преобразованиям [23]. Наконец, на данном этапе крайне желательно указать на ограничения проведенного исследования, его сильные и слабые стороны, а также на перспективы для дальнейших научных изысканий по теме.

Преимущества и ограничения сравнительно-исторического метода

Вопрос о том, к какой группе социологических методов – качественных или количественных – должен быть отнесен сравнительно-исторический метод, не имеет однозначного ответа. Данный метод занимает уникальное, промежуточное положение и может применяться в обеих стратегиях. Рассмотрим особенно-

сти сравнительно-исторического метода, сравнив его с традиционными количественными и качественными методами.[1]

Как следует из таблицы 3, сравнительно-исторический метод обладает рядом серьезных преимуществ. Его главной отличительной чертой и силой является способность к объяснению долгосрочных макросоциальных процессов, разворачивающихся на протяжении десятилетий и столетий. Ориентация на глубокое каузальное объяснение через конфигурационную причинность позволяет выявлять сложные, взаимосвязанные наборы факторов, которые в своем уникальном сочетании приводят к определенному результату. Сравнительно-исторический метод предстает как метод логического анализа, а не статистический метод – его объяснения носят конфигурационный логический характер, а не вероятностный [27, p. 3]. В то время как в традиционном количественном макроанализе исследователи выявляют статистическую связь между переменными, рассматривая отдельные институты и государства как «наблюдения» в ряду многих других, сравнительно-исторический метод предлагает погружение в уникальную историю каждой страны, стремясь объяснить, почему те или иные события произошли именно в этом месте и в это время. «Если не применять его механически, то он может способствовать расширению и переформулировке теории, с одной стороны, и появлению новых перспектив видения конкретных исторических случаев – с другой» [25, с. 90].

Однако применение метода сопряжено с серьезными методологическими вызовами и ограничениями. В первую очередь, речь идет об определенных трудностях в поиске и интерпретации данных. Источники, на которые опираются исследователи, могут быть неполными, труднодоступными, предвзятыми, и,

[1] Стоит отдельно отметить, что в данном сравнении намеренно используется упрощенное и обобщенное понимание количественной и качественной методологии в целях наглядной демонстрации особенностей сравнительно-исторического метода.

Таблица 3

ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Критерий сравнения	**Сравнительно-исторический метод**	**Количественные методы**	**Качественные методы**
Количество наблюдений	«Малая N» (small N): небольшое количество случаев, но каждый из них изучается очень глубоко	«Большая N» (large N): большое количество наблюдений, но глубина анализа каждого случая ограничена	«Малая N» (small N): небольшое количество случаев, но каждый из них изучается очень глубоко.
Уровень анализа	Макро- и микроуровень: фокус на крупных структурах и процессах в их исторической динамике, в том числе их влиянии на повседневную жизнь людей	Микро- и макроуровень: анализ социальных явлений как на индивидуальном и групповом уровне, так и на уровне социальных систем	Микроуровень: фокус на повседневной жизни, взаимодействиях, смыслах и переживаниях индивидов
Временной горизонт	Длительный период: изучение процессов, которые разворачиваются на протяжении десятилетий и веков	Короткий период (синхронный/кросс-секционный анализ) или ограниченный период (лонгитюдный анализ, может длиться десятилетия)	Ограниченный период: изучение явления в течение месяцев или нескольких лет
Эпистемологическая логика	Индуктивная: выявление и объяснение сложных причинно-следственных цепочек, которые привели к уникальному историческому исходу, движение от детального анализа случаев к формулированию общих теорий	Дедуктивная, подтверждающая: проверка гипотез с целью установления статистически значимых корреляций и причинно-следственных связей между переменными, а также проверка теоретических предположений на больших массивах данных	Индуктивная, интерпретативная: «обоснованная теория» (grounded theory) и «нарративное объяснение» с целью глубокого понимания смыслов, мотивов и субъективного опыта в конкретном случае, а также создания новых концептов

Окончание табл. 2

Критерий сравнения	**Сравнительно-исторический метод**	**Количественные методы**	**Качественные методы**
Тип причинности	Конфигурационная причинность: сочетание множества факторов, которые в особой конфигурации приводят к определенному результату, акцент на необходимых и достаточных условиях возникновения события	Вероятностная причинность: статистическая связь между переменными, акцент на выявлении «чистого» эффекта одной переменной на другую при прочих равных условиях	Нарративная, или процессуальная, причинность: последовательность событий и действий, которые имеют смысл для акторов, фокус на раскрытии логики и мотивов, стоящих за событиями в конкретном случае
Тип данных	Смешанные данные: неструктурированные и субъективные (исторические документы, газеты и периодическая печать, архивы, мемуары, литературные источники, исторические монографии); структурированные и стандартизированные (статистические данные)	Структурированные и стандартизированные (статистические данные, анкеты респондентов)	Неструктурированные и субъективные (первичные данные, собранные исследователем в «поле»; исторические документы, мемуары, дневники, литературные источники и т.д.)

кроме того, принимая во внимание временной диапазон отдельных исследований, несопоставимыми, а их интерпретация – субъективной. Кроме того, сам поиск исторических кейсов, необходимых для определенной компаративистской логики, бывает достаточно затруднителен. В этом отношении известна широкая критика, развернувшаяся в свое время вокруг рассмотренной ранее работы Б. Мура – сомнение и несогласие критиков вызывала авторская интерпретация отдельных страниц истории анализируемых государств [28]. Серьезные вопросы со стороны критиков вызвало и исследование Т. Скочпол, во многом построенное на анализе материала монографий, написанных в основном на родном для автора английском языке, в то время как анализируемые кейсы (социальные революции во Франции, России и Китае) предполагают обращение к французским, русским и китайским историческим документам и монографиям. Помимо амбициозной претензии на анализ истории государств, языками которых автор не владеет (что, соответственно, существенно ограничивает источниковую базу исследования), Т. Скочпол упрекали за «карикатурное изображение» отдельных теоретиков и их работ, искажение их точек зрения на отдельные исторические события [29]. Данные упреки напрямую обязаны своим происхождением методологическими трудностями, вызванными спецификой типа данных и сложностью их интерпретации.

Во-вторых, обозначенная проблема порождает новую – проблему перехода от фиксации закономерностей к причинному объяснению. Иными словами, исследование может установить связь между определенными причинами и результатом, но при этом не раскрыть механизм, который связывает их воедино. Вся внутренняя логика и последовательность событий, ведущие от причины к следствию, остаются, таким образом, скрыты внутри «черного ящика» [30]. Вместе с тем, ряд исследователей полагает, что изучение причин, поиск причинно-следственных связей и их тщательная проверка является центральной частью сравнительно-

исторического анализа, а применение самого метода без поиска каузальных связей не имеет смысла [31, p. 11]. Недостаточная же детализация каузальных механизмов указывает на слабость сравнительно-исторического исследования. В этом смысле перед исследователем открывается широкое пространство для реконструкции механизмов связи между причиной и следствием, которая неизбежно будет укоренена в рамках его теоретических предпочтений: «приходится делать стратегические предположения о том, каковы, вероятно, реальные причины, – то есть какие из них действительно могут или не могут повлиять на объект исследования. В результате всегда остаются неизученные особенности контекста исторических случаев» [25, с. 88]. Это обстоятельство вновь обращает внимание на проблему субъективности и сложности в интерпретации данных в сравнительно-исторических исследованиях.

Кроме того, отдельного внимания заслуживают сложности в изучении причин, которые являются общими для ряда сходных случаев [32, p. 19]. Это сходство в общем виде объясняется общностью культурных условий и прохождением одинаковых стадий развития; но может быть также результатом унаследования от общего «предка» или плодом прямого заимствования [33, с. 166]. «Сравнительно-исторический анализ с необходимостью исходит из допущения (как любая многомерная логика), что сопоставляемые единицы независимы друг от друга. Но в реальности это допущение редко (если вообще когда-либо) является полностью обоснованным для макрофеноменов» [25, с. 89].

В-третьих, наконец, ввиду малого числа исследуемых случаев и исследовательского фокуса на уникальных конфигурациях, выводы, полученные в ходе применения сравнительно-исторического метода, имеют ограниченную генерализуемость. Полученные закономерности могут быть применимы к схожим по структуре случаям, но весьма затруднительной представляется их экстраполяция на всю совокупность явлений. Исследова-

тель в данном случае не обладает той статистической уверенностью, которой сопровождаются исследования в количественной методологии.

Данные ограничения породили как множество попыток выработки способов и приемов их преодоления со стороны исследователей, так и методологические споры.

Метод, подход или перспектива?

На фоне критики отдельных исследований, обнаживших специфику и проблемы применения сравнительно-исторического метода, его статус стал предметом оживленных дебатов в методологических дискуссиях конца XX – начала XXI в. Традиционно, особенно в классических работах основателей социологии и их интеллектуальных последователей (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Б. Мур, Т. Скочпол и др.), сравнительно-исторический метод рассматривался как полноценный метод исследования, обладающий специфическими процедурами сбора и анализа данных. Однако в дальнейшем исследователи стали склоняться к более гибкой интерпретации, предпочитая говорить о «сравнительной перспективе» *(comparative perspective)* [34; 35; 36; 37], «сравнительном подходе» *(comparative approach)* [38] или даже «сравнительном воображении» *(comparative imagination)* [39]. Тем самым предлагается рассматривать сравнение как мета-методологический принцип, своего рода способ мышления и организации исследования, нежели единый, жестко фиксированный набор техник.

Такого рода положение обусловлено главным образом двумя обстоятельствами. Во-первых, ряд авторов утверждает, что все исследования социальной реальности так или иначе являются исследованиями сравнительными [40, p. 44; 27, p. 1]. Сравнение обеспечивает основу для выводов об эмпирических закономерностях; для оценки и интерпретации конкретных случаев в соответствии с отдельными теоретическими положени-

ями; для понимания специфики того или иного случая. Кроме того, сравнение часто выполняет эвристическую функцию, и, в этом смысле, представляет собой скорее когнитивный инструмент, «перспективу», позволяющую увидеть общее в разном и уникальное в общем: «Мышление без сравнения немыслимо. А в отсутствие сравнения невозможна любая научная мысль и научные исследования» [41, p. 145]. Во-вторых, не существует однозначного и исчерпывающего описания набора процедур, которые необходимо совершить исследователю, осуществляя сравнение в исторической перспективе. Каждый компаративист конструирует свой собственный путь для каждой конкретной исследовательской цели. Кроме того, обращаясь к сравнительно-историческому методу исследователь не всегда может осуществить строгую операционализацию понятий. Довольно часто она может быть невозможна или нежелательна, поскольку концепты, с которыми работает исследователь, зачастую имеют принципиально несопоставимые значения и проявления в разных исторических контекстах. Необходима постоянная адаптация и «чувствительность» к социально-историческим условиям анализируемых случаев.

И хотя берущая начало в конце XX в. полемика о статусе сравнительно-исторического метода до сих пор продолжается, усилия отдельных исследователей позволили укрепить его статус как метода и повысить его методологическую строгость, что будет освещено далее.

Новейшие достижения в области сравнительно-исторической методологии

Обладая большой историей применения сравнительно-исторический метод не теряет своей актуальности и сегодня, занимая центральное место в корпусе социологических методов. Это обстоятельство побуждает исследователей на поиски

возможностей для преодоления существующих методологических ограничений. В этом отношении большого успеха достиг современный американский социолог Ч. Рагин. Он предложил две новые стратегии применения сравнительно-исторического метода – качественный сравнительный анализ *(QCA – Qualitative Comparative Analysis)* и, чуть позднее, метод нечетких множеств для качественного сравнительного анализа *(fsQCA – Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis)*. По мнению исследователя, применение в компаративистских исследованиях теории множеств позволит «преодолеть ограничения конвенциональных количественных и качественных методов» [42, p. 2], а также решить традиционные для сравнительно-исторического метода проблемы. Методология качественного сравнительного анализа Ч. Рагина основана на следующих ключевых положениях:

(1) *Логика теории множеств*. Исследователя должно интересовать изучение отношений между множествами, то есть, теоретико-множественная связь *(Set-Theoretic Connections)*, а не установление корреляции. Для этих целей все переменные и исходы должны концептуализироваться как множества. Каждый исход – это множество потенциальных условий его наступления (переменных). В качестве примера предположим, что среди стран третьей волны демократизации все те, которые приняли парламентское правление, вскоре потерпели неудачу. Таким образом, демократии третьей волны с парламентскими правительствами образуют подмножество несостоявшихся демократий третьего мира. Задача исследователя состоит в том, чтобы объяснить, были ли эти неудачи просто невезением, совпадением, или же между демократиями третьей волны, принявшими парламентскую форму правления, и их последующим крахом существовала причинно-следственная связь [42, p. 14].

(2) *Теоретико-множественная связь является асимметричной (Asymmetric Set-Theoretic Connections).* Причины, ведущие к наличию результата (например, к успеху), могут быть совер-

шенно иными, нежели причины, ведущие к его отсутствию (неуспеху). То, что является причиной успеха, не обязательно является причиной отсутствия неуспеха. Возвращаясь к рассматриваемому примеру, предположим, что теоретико-множественные данные подтверждают, что принимающие парламентское правление демократии третьей волны являются подмножеством несостоявшихся демократий третьей волны. Несмотря на эту четкую связь, корреляция между «парламентской формой правления» и «провалом» все еще может быть относительно слабой, поскольку существует множество других путей к провалу и, следовательно, есть примеры несостоявшихся демократий с президентской формой правления [42, p. 15].

(3) *Допущение эквифинальности (Equifinality).* Один и тот же результат может быть достигнут разными путями или комбинациями причинных факторов. Вновь возвращаясь к примеру, допустим, что исследование подтверждает, что первым и достаточным путем к неудаче среди стран третьей волны демократизации является принятие парламентского правления. Однако дальнейшее изучение демократических стран третьей волны показало, что среди стран, которые приняли президентскую форму правления, к неудаче пришли те, в которых президентский режим сочетался с высокой степенью коррупции и мощным влиянием армии. Следовательно, комбинация этих факторов также является достаточным условием для краха демократии. С точки зрения теории множеств, это выражается следующим образом: (Парламентское правление) ИЛИ (Президентское правление И Коррупция И Армия) является достаточным условием для несостоявшейся демократии третьей волны.

Будучи укорененным в данных положениях, качественный сравнительный анализ направлен на то, чтобы обнаружить и изучить совокупность факторов, необходимых, достаточных или, одновременно, необходимых и достаточных для определенного результата (например, для того, чтобы страна оказалась полно-

ценной демократией). Используя законы логики и теорию множеств, исследователь сокращает количество условий и длину комбинации до минимально возможных.

Наконец, Ч. Рагин предложил использовать метод нечетких множеств *(fsQCA – Fuzzy Set Qualitative Comparative Analysis)*, суть которого заключается в том, что для каждого случая определяется степень членства в определяемом множестве. Вместо бинарных значений (0 или 1) исследователь использует значения от 0 до 1, где 0 – полная непринадлежность, 1 – полная принадлежность, а 0.5 – порог, по которому можно сказать «скорее да, чем нет» [42, p. 29-44]. Данный метод повышает аналитическую строгость процедуры сравнения: калибровка при обращении к методу нечетких множеств (процесс присвоения значений от 0 до 1) вынуждает исследователя четко и эксплицитно обосновывать критерии принадлежности к множеству, что позволяет повысить прозрачность процедуры.

Предложенные Ч. Рагином методологические стратегии позволяют преодолеть субъективность, в которой часто обвинялись компаративисты, и делают процедуру алгоритмизированной, что обуславливает воспроизводимость процесса поиска причинных конфигураций. В то же время фокус на эквифинальности позволяет обернуть критику классической сравнительно-исторической методологии в отношении «Малой N» в преимущество, так как каждый кейс может представлять собой уникальный, но не менее важный причинный путь. Качественный сравнительный анализ направлен именно на выявление всех возможных путей к определенному исходу, даже если каждый из них представлен всего одним или двумя кейсами. Благодаря усилиям Ч. Рагина, методология качественного сравнительного анализа и метода нечетких множеств активно применяется на практике, особенно в сравнительной политологии [43].

Помимо обращения к методологическим достижениям Ч. Рагина, повысить качество и надежность выводов

сравнительно-исторического исследования позволяет систематический обзор литературы *(Systematic review) [*44], представляющий собой строгий, воспроизводимый процесс с четкими протоколами поиска, отбора, оценки и синтеза литературы. Данная процедура позволяет минимизировать предвзятость при подборе исторических документов для анализа. Наконец, удаленный доступ к оцифрованным архивам, базам данных и историческим документам, как и развитие инструментов анализа больших данных, серьезным образом преумножают возможности современного исследователя-компаративиста.

Заключение

Сравнительно-исторический метод представляет собой фундаментальный инструмент для глубокого каузального объяснения сложных макросоциальных процессов, разворачивающихся на протяжении десятилетий и столетий. Спектр применения сравнительно-исторического метода в современной социологии крайне широк. Несмотря на продолжающиеся дебаты о его статусе как метода, подхода или перспективы, новейшие достижения Ч. Рагина и других исследователей существенно укрепили его как полноценный методологический инструментарий, обладающий специфическими процедурами и высокой степенью аналитической строгости. Это демонстрирует динамичное развитие метода и его адаптацию к вызовам современной науки. Сравнительно-исторический метод может обеспечить значительное приращение знания в таких традиционных для социологической науки направлениях исследования, как изучение институциональных изменений; реконструкция эволюции стратификационных систем, классовых структур и социальных иерархий; анализ исторического развития политических систем и режимов; изучение культурных норм и ценностей различных обществ и эпох и др.

Наряду с этим, сравнительно-исторический метод может быть полезен и в таких новых для социологии темах, как трансформация повседневных практик в контексте широкого внедрения технологий искусственного интеллекта; развитие цифровых неравенств; эволюция экологической культуры горожан различных городов мира и др. Изучение данных аспектов социальной реальности именно в сравнительно-исторической логике позволит серьезным образом расширить социологическое знание, позволив, например: выявить конфигурационные причины различий в принятии технологий искусственного интеллекта в разных обществах, с учетом их культурных ценностей, социальных норм, образовательных систем и т.д.; проследить диахронную перспективу развития цифрового неравенства в различных обществах в контексте их экономических реалий и социальной политики; и др. Круг актуальных исследовательских вопросов, на которые можно ответить в рамках сравнительно-исторической методологии, действительно широк.

Принимая во внимание большую эвристическую ценность данного метода, необходимо приращение корпуса соответствующих методологических публикаций, особенно в русскоязычном научном пространстве. Это будет способствовать дальнейшему углублению теоретического понимания и расширению практического применения сравнительно-исторических исследований для решения наиболее острых проблем современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Skocpol T.* Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology // Vision and method in historical sociology. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 356-385. ISBN 9780511621567.

2. *Skocpol T.* Doubly engaged social science: the promise of comparative historical analysis // Comparative historical analysis in the social sciences / ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1968. P. 407-429. ISBN 0-521-81610-6.

3. *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М.: Типография О.Б. Мюллера, 1880. 73 с.

4. *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии // Социологическое обозрение. 2017, т. 16, № 3. С. 327-365. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365. EDN: YTHMKJ.

5. *Ragin C., Zaret D.* Theory and method in comparative research: Two strategies // Social forces. 1983, vol. 61, № 3. P. 731-754. DOI:10.1093/SF/61.3.731.

6. *Adams J., Clemens E.S., Orloff A.S.* Remaking modernity: Politics, history, and sociology. Duke University Press, 2005. 627 p. DOI: 10.2307/j.ctv11smmq3.

7. *Ziblatt D.* Conservative parties and the birth of democracy. Cambridge University Press, 2017. 433 p. DOI: 10.1017/9781139030335.

8. Patterson O. Slavery and social death: A comparative study, with a new preface. Harvard University Press, 2018. 560 p. ISBN 0-674-81082-1.

9. *Wimmer A.* Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart. Princeton: Princeton University Press, 2018. 376 p. ISBN 691177380.

10. *Захарова Е.Ю., Порш Л.А.* Феминизация российского образования: этапы становления // Гуманитарный вектор. 2016, т. 11. № 1. С. 58-62. EDN: VSUFNH.

11. *Канарш Г.Ю.* Социальное государство: исторический генезис и современные модели // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 128-142. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.10. EDN: RTLAED.

12. *Шедий М.В.* Коррупция как социальное явление: социологический анализ: специальность 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” / Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Москва, 2015. 393 с.

13. *Воробьева О.Д., Субботин А.А.* Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России // Уровень жизни населения регионов России. 2021, т. 17, № 1. С. 32-41. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.3. EDN: MZJJEC.

14. *Трубицын Д.В.* Ресурсные и территориальные факторы модернизации восточных обществ: сравнительно-исторический анализ // Социологические исследования. 2014, № 6. С. 21-32. EDN: SHWXOZ.

15. *Филько А.* Изучение феномена города и городского пространства в современных социальных исследованиях (историографический обзор) // Социодинамика. 2015, № 7. С. 51-64. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.7.15933. EDN: UBIHWB.

16. *Колесник М.А.* Социологические исследования воображения в 30-е – 80-е гг. XX века // NB: Проблемы общества и политики. 2014, № 11. С. 45-61. EDN: SXREPR.

17. *Митин И.И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017, т. 2, № 3(8). С. 64-79. DOI: 10.17323/usp23201764-79. EDN: OSOLLG.

18. *Stone L.* The family, sex and marriage in England 1500-1800. New York: Harper & Row, 1979. 446 p. ISBN 0060907355.

19. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с. ISBN 978-5-91244-096-0.

20. *Scheuch E.K.* Cross-national comparisons using aggregate data: Some substantive and methodological problems // Comparing Nations. The Use of Quantitative Data in Cross-National Research / ed. by R. L. Merritt, S. Rokkan. New Haven-London: Yale University, 1966. P. 131-167. ISBN 059824803X.

21. *Ragin C.C.* Comparative sociology and the comparative method // Comparative Sociological Research in the 1960s and 1970s. Brill, 1982. P. 102-121. ISBN 978-90-04-06487-4.

22. *Tilly C.* Big structures, large processes, huge comparisons. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 188 p. ISBN 9780871548801.

23. *Мур-младший Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 488 с. ISBN 978-57598-1004-9.

24. *Милль Дж.С.* Система логики. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с. ISBN 978-5-9710-0181-2.

25. *Скочпол Т.* Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с. ISBN 978-5-9325-5491-3.

26. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991 С. 391-533. ISBN 5-02-013399-X.

27. *Ragin C.C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Univ of California Press, 2014. 218 p. ISBN 0520909240.

28. *Wiener J.M.* The Barrington Moore thesis and its critics // Theory and Society. 1975, vol. 2, № 1. P. 301-330. DOI: 10.1007/BF00212740.

29. *Domhoff G.W.* Class, Power, and Parties in the New Deal: A Critique of Skocpol's State Autonomy Theory // Berkeley Journal of Sociology. 1991, vol. 36. P. 1-49.

30. *Goldthorpe J.* Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science. 1997, vol. 16. P. 1-26.

31. *Mahoney J.* Comparative historical analysis // Comparative historical analysis in the social sciences / ed. by D. Rueschemeyer. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1968. P. 3-38. DOI: 10.1017/CBO9780511803963.002.

32. *Lange M.* Comparative-historical methods. Sage Publications Ltd, 2012. 208 p. DOI: 10.4135/9781473914223. ISBN 9781849206280.

33. *Ковалевский М.М.* Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2011. 688 с. ISBN 978-5-88812-430-7.

34. *Hamilton M.B*. The sociology of religion: An introduction to theoretical and comparative perspectives. Routledge, 2002. DOI: 10.4324/9780203008614.

35. *Daloz J.* The sociology of elite distinction: From theoretical to comparative perspectives. Springer, 2009. DOI:10.1057/9780230246836. ISBN 9781349305872.

36. *Voříšek M.* The reform generation: 1960s Czechoslovak sociology from a comparative perspective. Prague: Kalich, 2012. ISBN 978-80-7017-166-0.

37. *Barkey K., Parikh S.* Comparative perspectives on the state // Annual Review of Sociology. 1991, vol. 17, № 1. P. 523-549. DOI: 10.1146/ANNUREV.SO.17.080191.002515.

38. *Dobbin F.* Comparative and historical approaches to economic sociology // The handbook of economic sociology / ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. 2005, vol. 2. P. 26-48.

39. *Fredrickson G.M.* The comparative imagination: On the history of racism, nationalism, and social movements. Berkeley: University of California Press, 1997. 241 p. ISBN 0520925475.

40. *Lieberson S.* Maiking It Count: The Improvement of social research and theory. Berkeley: University of California Press. 1985. 272 p. ISBN 9780520908420.

41. *Swanson G.* Frameworks for comparative research: structural anthropology and the theory of action // Comparative Methods in Sociology / ed. by I. Vallier. Berkeley: University of California Press, 1971. P. 141-203. ISBN 9780520306936.

42. *Ragin C.C.* Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 2008. 240 p. ISBN 978-0-226-70273-5.

43. *Kuehn D., Croissant A., Kamerling J., Lueders H., Strecker A.* Conditions of civilian control in new democracies: an empirical analysis of 28 “third wave” democracies // European Political Science Review. 2017, vol. 9, № 3. P. 425-447.

44. *Victor L.* Systematic reviewing in the social sciences: Outcomes and explanation // Enquire. 2008, vol. 1, № 1. P. 32-46.

Сведения об авторе

Григорьева Екатерина Александровна
Младший научный сотрудник Институт социологии ФНИСЦ РАН
AuthorID: 1023716
SPIN-код: 8692-0489

Статья поступила в редакцию: 04.12.2024г.
Статья принята к публикации: 19.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.2

THE COMPARATIVE-HISTORICAL METHOD IN SOCIOLOGY: FROM CLASSICAL CAUSAL STRATEGIES TO QUALITATIVE COMPARATIVE ANALYSIS (QCA)

Grigoreva Ekaterina A.
Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia
yreewda@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0313-3437

For citation: Grigoreva E. A. The Comparative-Historical Method in Sociology: From Classical Causal Strategies to Qualitative Comparative Analysis (QCA). *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 34-73. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.2.

Abstract. The analysis of social change from a historical and comparative perspective is one of sociology's oldest and most established research strategies. This paper outlines the key features and sequential stages of the comparative-historical method (CHM) in sociology, drawing on the methodological insights of John Stuart Mill and Charles Tilly. We detail the procedures of case selection, coding, and data matrix construction, exemplified by Barrington Moore Jr.'s foundational comparative-historical study.

The paper highlights the method's core strengths, such as its ability to explain long-term macrosocial processes and identify configurational causality. Concurrently, it addresses methodological limitations, including challenges in data interpretation, the limited generalizability of findings, and ongoing debates about the method's status. Special attention is paid to recent advancements in comparative methodology—specifically, Charles Ragin's Qualitative Comparative Analysis (QCA) and the fuzzy-set approach (fsQCA)—which enhance analytical rigor and research reproducibility.

Ultimately, the paper affirms the method's heuristic power and continued relevance for analyzing contemporary social phenomena. By studying social dynamics through a comparative and historical lens, researchers can gain a deeper understanding of the forces that shape modern societies.

Keywords: comparative-historical method, comparative-historical research, historical sociology, qualitative comparative analysis, comparativism, comparative methodology

References

1. Skocpol T. "Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology", in: *Vision and method in historical sociology*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1984, p. 356-385. ISBN 9780511621567.
2. Skocpol T. "Doubly engaged social science: the promise of comparative historical analysis", in: *Comparative historical analysis in the social sciences*, ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1968, p. 407-429. ISBN 0-521-81610-6.
3. Kovalevsky M.M. *Istoriko-sravnitel'nyy metod v yurisprudentsii i priyemy izucheniya istorii prava [The historical-comparative method in jurisprudence and techniques for studying the history of law]* (in Russian). Moscow: Tipografiya O.B. Myullera, 1880. 73 p.
4. Kareev N.I. Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk. Glava 2. Logicheskie predposylki vsyakoy metodologii [General Methodology of the Humanities. Chapter 2. Logical Prerequisites of Any Methodology] (in Russian), *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2017, vol. 16, no. 3, p. 327-365. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365.
5. Ragin C., Zaret D. Theory and method in comparative research: Two strategies, *Social forces*, 1983, vol. 61, no. 3, p. 731-754. DOI: 10.1093/SF/61.3.731.
6. Adams J., Clemens E.S., Orloff A.S. *Remaking modernity: Politics, history, and sociology*. Duke University Press, 2005. 627 p. DOI: 10.2307/j.ctv11smmq3.
7. Ziblatt D. *Conservative parties and the birth of democracy*. Cambridge University Press, 2017. 433 p. DOI: 10.1017/9781139030335.
8. Patterson O. *Slavery and social death: A comparative study, with a new preface*. Harvard University Press, 2018. 560 p. ISBN 0-674-81082-1.
9. Wimmer A. *Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 376 p. ISBN 691177380.
10. Zakharova E.Yu., Porsh L.A. Feminizatsiya rossiyskogo obrazovaniya: etapy stanovleniya [The Feminization of Russian Education: Stages of

Development] (in Russian), *Gumanitarnyy vektor*, 2016, vol. 11, no. 1, p. 58-62.
11. Kanarsh G.Yu. Social state: historical genesis and contemporary models (in Russian), *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2018, no. 1, p. 128-142. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.10.
12. Shediy M.V. *Korrutsiya kak sotsial'noye yavleniye: sotsiologicheskiy analiz [Corruption as a Social Phenomenon: A Sociological Analysis]* (in Russian). Dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. Moscow, 2015. 393 p.
13. Vorobyeva O.D., Subbotin A.A. Historical aspects and modern features of internal migration in Russia (in Russian), *Living Standarts of the Population in The Regions of Russia*, 2021, vol. 17, no. 1, p. 32-41. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.3.
14. Trubitsyn D.V. Resursnyye i territorial'nyye faktory modernizatsii vostochnykh obshchestv: sravnitel'no-istoricheskiy analiz [Resource and Territorial Factors in the Modernization of Eastern Societies: A Comparative-Historical Analysis] (in Russian), *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2014, no. 6, p. 21-32.
15. Fil'ko A. Izucheniye fenomena goroda i gorodskogo prostranstva v sovremennykh sotsial'nykh issledovaniyakh (istoriograficheskiy obzor) [The Study of the Phenomenon of the City and Urban Space in Contemporary Social Research (A Historiographical Overview)] (in Russian), *Sotsiodinamika*, 2015, no. 7, p. 51-64. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.7.15933.
16. Kolesnik M.A. Sotsiologicheskiye issledovaniya voobrazheniya v 30-ye – 80-ye gg. XX veka [Sociological studies of imagination from the 1930s to the 1980s] (in Russian), *NB: Problemy obshchestva i politiki*, 2014, no. 11, p. 45-61.
17. Mitin I.I. Urban mental maps: history of the term and the diversity of approaches (in Russian), *Gorodskiye issledovaniya i praktiki*, 2017, vol. 2, no. 3(8), p. 64-79. DOI: 10.17323/usp23201764-79.
18. Stone L. *The family, sex and marriage in England 1500-1800*. New York: Harper & Row, 1979. 446 p. ISBN 0060907355.
19. Wallerstein I. *Mir-sistema moderna. Tom I. Kapitalisticheskoye sel'skoye khozyaystvo i istoki yevropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The Modern World-System. Volume I. Capitalist Agriculture and the Origins*

of the European World-Economy in the Sixteenth Century] (in Russian). Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 p. ISBN 978-5-91244-096-0.
20. Scheuch E.K. "Cross-national comparisons using aggregate data: Some substantive and methodological problems", in: *Comparing Nations. The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*, ed. by R.L. Merritt, S. Rokkan. New Haven-London: Yale University, 1966, p. 131-167. ISBN 059824803X.
21. Ragin C.C. "Comparative sociology and the comparative method", in: *Comparative Sociological Research in the 1960s and 1970s*. Brill, 1982, p. 102-121. ISBN 978-90-04-06487-4.
22. Tilly C. *Big structures, large processes, huge comparisons.* New York: Russell Sage Foundation, 1984. 188 p. ISBN 9780871548801.
23. Moore B. Jr. *Sotsial'nyye istoki diktatury i demokratii: Rol' pomeshchika i krest'yanina v sozdanii sovremennogo mira [Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World]* (in Russian). Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. 488 p. ISBN 978-57598-1004-9.
24. Mill J.S. *Sistema logiki [System of logic]* (in Russian). Moscow: LENAND, 2011. 832 p. ISBN 978-5-9710-0181-2.
25. Skocpol T. *Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii. Sravnitel'nyy analiz Frantsii, Rossii i Kitaya [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]* (in Russian). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2017. 552 p. ISBN 978-5-9325-5491-3.
26. Durkheim É. "Metod sotsiologii [The method of sociology]" (in Russian), in: *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]*. Moscow, 1991, p. 391-533. ISBN 5-02-013399-X.
27. Ragin C.C. *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. Univ. of California Press, 2014. 218 p. ISBN 0520909240.
28. Wiener J.M. The Barrington Moore thesis and its critics, *Theory and Society*, 1975, vol. 2, no. 1, p. 301-330. DOI: 10.1007/BF00212740.
29. Domhoff G.W. Class, Power, and Parties in the New Deal: A Critique of Skocpol's State Autonomy Theory, *Berkeley Journal of Sociology*, 1991, vol. 36, p. 1-49.

30. Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues, *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*, 1997, vol. 16, p. 1-26.
31. Mahoney J. "Comparative historical analysis", in: *Comparative historical analysis in the social sciences*, ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1968, p. 3-38. DOI: 10.1017/CBO9780511803963.002.
32. Lange M. *Comparative-historical methods*. Sage Publications Ltd, 2012. 208 p. DOI: 10.4135/9781473914223. ISBN 9781849206280.
33. Kovalevsky M.M. *Sotsiologiya. Teoretiko-metodologicheskiye i istoriko-sotsiologicheskiye raboty [Sociology: Theoretical-Methodological and Historical-Sociological Works]* (in Russian). St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2011. 688 p. ISBN 978-5-88812-430-7.
34. Hamilton M.B. *The sociology of religion: An introduction to theoretical and comparative perspectives*. Routledge, 2002. DOI: 10.4324/9780203008614.
35. Daloz J. *The sociology of elite distinction: From theoretical to comparative perspectives*. Springer, 2009. DOI:10.1057/9780230246836. ISBN 9781349305872.
36. Voříšek M. *The reform generation: 1960s Czechoslovak sociology from a comparative perspective*. Prague: Kalich, 2012. ISBN 978-80-7017-166-0.
37. Barkey K., Parikh S. Comparative perspectives on the state, *Annual Review of Sociology*, 1991, vol. 17, no. 1, p. 523-549. DOI: 10.1146/ANNUREV.SO.17.080191.002515.
38. Dobbin F. "Comparative and historical approaches to economic sociology", in: *The handbook of economic sociology*, ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. 2005, vol. 2, p. 26-48.
39. Fredrickson G.M. *The comparative imagination: On the history of racism, nationalism, and social movements*. Berkeley: University of California Press, 1997. ISBN 0520925475.
40. Lieberson S. *Maiking It Count: The Improvement of social research and theory*. Berkeley: University of California Press, 1985. 272 p. ISBN 9780520908420.
41. Swanson G. "Frameworks for comparative research: structural anthropology and the theory of action", in: *Comparative Methods in*

Sociology, ed. by I. Vallier. Berkeley: University of California Press, 1971, p. 141-203. ISBN 9780520306936.
42. Ragin C.C. *Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond*. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 2008. 240 p. ISBN 978-0-226-70273-5.
43. Kuehn D., Croissant A., Kamerling J., Lueders H., Strecker A. Conditions of civilian control in new democracies: an empirical analysis of 28 "third wave" democracies, *European Political Science Review*, 2017, vol. 9, no. 3, p. 425-447.
44. Victor L. Systematic reviewing in the social sciences: Outcomes and explanation, *Enquire*, 2008, vol. 1, no. 1, p. 32-46.

Information about the author

Ekaterina A. Grigoreva
Junior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
AuthorID: 1023716
SPIN-код: 8692-0489

ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3
EDN: WGNFMH

БАЛАНС УНИФИКАЦИИ И РАЗНООБРАЗИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: АДАПТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОГНОЗНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ К ЗАДАЧАМ МАСТЕР-ПЛАНИРОВАНИЯ

Демьяненко Василий Иванович
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: imhocorg@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1838-2081

Шилова Валентина Александровна
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: vshilova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8899-2707

Быков Кирилл Владимирович
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: 1096232@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2076-9816

Гусейнова Ксения Эльдаровна
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: liksedar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7957-7317

Для цитирования: *Демьяненко В. И., Шилова В. А., Быков К. В., Гусейнова К. Э.* Баланс унификации и разнообразия в пространственном развитии городов: адаптация технологии прогнозного социального проектирования к задачам мастер-планирования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 74-109. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3. EDN: WGNFMH.

Статья посвящена разработке адаптированной технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций. Актуальность исследования обусловлена устойчивым противоречием между технократическим подходом к градостроительству, страдающим «социальной безадресностью», и реальными потребностями локальных сообществ.

Теоретико-методологической основой исследования выступает экоантропоцентрическая парадигма Т.М. Дридзе, дополненная дихотомией унификации и разнообразия как операциональным принципом конструирования исследовательского инструментария. Показано, что прямое перенесение классической технологии ПСП, отработанной на локальных градостроительных конфликтах, на уровень стратегического планирования целого города наталкивается на ряд нерешенных методологических проблем: ресурсный дефицит, риск экспертного дилетантизма, функциональная дистанция социолога и необходимость создания «самоиграющего» итогового продукта.

В качестве результата представлена адаптированная технология, включающая три взаимосвязанных компонента: трехфазный исследовательский алгоритм – «воронку» (камеральный, полевой и постполевой этапы), трехконтурную модель субъектного разнообразия (функциональный, экзистенциальный и проекционно-конструктивный контуры) и систему методических приемов (иерархический синтез,

триангуляция и пространственная локализация данных). Итоговым продуктом технологии выступает мастер-план в формате «социального контракта» – документа, трансформирующего разнообразие жизненных миров горожан в унифицированный стратегический документ и обладающего самостоятельной прогностической силой.

Разработанная технология расширяет диапазон применимости экоантропоцентрической парадигмы и заполняет методологический пробел в области социологического обеспечения стратегического мастерпланирования.

Ключевые слова: мастер-план, прогнозное социальное проектирование, экоантропоцентрическая парадигма, социальный контракт, городская идентичность, социальная диагностика, унификация и разнообразие, стейкхолдеры, социальная безадресность

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИС ФНИСЦ РАН FMUS-2024-0002 «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)».

Введение

Современная практика стратегического пространственного развития российских городов обнаруживает устойчивое противоречие между нормативным «должным» – унифицированными градостроительными документами, федеральными целями и бюджетными приоритетами – и антропологическим «сущим» – реальным образом жизни, ценностями и повседневными потребностями локальных сообществ. Доминирующий технократический подход, при котором город воспринимается преимущественно как совокупность материальных объектов, зонирования и инженерных сетей, порождает практику «абстрактно-утопического» планирования, страдающего, по определению Т.М. Дридзе, «социальной безадресностью» [1]. Следствием этого становится ситуация, когда дорогостоящие

инфраструктурные решения остаются невостребованными или провоцируют социальный конфликт.

Именно в этом контексте институт мастер-планирования приобретает особую значимость. В отличие от жесткого генерального плана, мастер-план, согласно классическому определению Э. Бассета, трактуется как «пластичное руководство» (plastic guide), способное гибко координировать развитие городской среды в соответствии с меняющимися потребностями сообщества [2]. В российской практике мастер-план все отчетливее позиционируется как инструмент согласования интересов власти, бизнеса и жителей – то есть как потенциальный «социальный контракт» [3]. Стандарт ВЭБ.РФ закрепляет это понимание, постулируя необходимость широкого вовлечения заинтересованных сторон как обязательного условия формирования устойчивой «социальной модели» территории [4].

Вместе с тем декларируемые цели мастер-планирования вступают в противоречие с реальной управленческой практикой. Как справедливо отмечают А.Н. Расходчиков и В.А. Шилова, многие проблемы современных городов проистекают из «экономикоцентричных подходов», где город рассматривается как пространство интенсификации капитала, а не воспроизводства социального [5]. В условиях цифровизации и усложнения городских систем В.С. Богданов фиксирует риски «технологического детерминизма», когда платформы обратной связи подменяют реальное участие горожан, ведя к «имитации включения» [6].

Проблематика преодоления разрыва между технократическим планированием и реальными потребностями городских сообществ разрабатывается в нескольких научных традициях.

В зарубежной теории планирования ответом на кризис директивных моделей стал «коммуникативный поворот». П. Хили и Дж. Иннес развивают теорию коллаборативного планирования, утверждая, что планирование – это прежде всего процесс построения консенсуса через диалог между стейкхолдерами [7; 8].

Л. Альбрехтс подчеркивает, что стратегическое планирование должно быть ориентировано не на создание статичного документа, а на запуск процесса трансформации менталитета участников развития [9]. К. Линч доказал, что «образ города» в сознании жителя кардинально отличается от карты архитектора, и именно субъективное восприятие определяет качество жизни [10].

В отечественном научном поле наиболее методологически проработанным инструментом социологического сопровождения градостроительства остается технология прогнозного социального проектирования (ПСП), разработанная школой Т.М. Дридзе. В основе данного подхода лежит экоантропоцентрическая парадигма, рассматривающая городскую среду не как статичную декорацию, а как «жизненную среду» человека [1]. За последние десятилетия в России сложилась успешная практика применения ПСП для решения локальных градостроительных задач – реконструкции дворов, создания парков, разрешения конфликтов точечной застройки [11; 12].

Критический анализ современного состояния данной традиции представлен в работе В.И. Демьяненко, основанной на множественном кейс-стади. Автор фиксирует, что современное общество живет в ситуации «неклассической сложности», где традиционная дихотомия «управление – исполнение» сменяется требованием гибкого баланса. При этом классическая модель ПСП, где социолог выступает в роли «независимого эксперта-диагноста», может сохранять черты иерархического управления и вступать в противоречие с необходимостью выстраивания равноправных субъект-субъектных отношений [13].

Анализ теоретического дискурса и практического опыта выявляет существенное научно-прикладное противоречие. С одной стороны, фиксируется настоятельная потребность в переходе от технократического планирования к моделям «социального участия» и «общественного договора» в формате мастер-плана. С другой стороны, существующий методологиче-

ский инструментарий социологии города либо ориентирован на ретроспективную фиксацию мнений, либо разработан для решения локальных тактических задач уровня двора или квартала.

Технология ПСП Т.М. Дридзе, обладая мощным диагностическим потенциалом, изначально отрабатывалась именно на таких локальных задачах. Ее прямое перенесение на уровень стратегического мастер-планирования целого города наталкивается на ряд нерешенных методологических проблем. Во-первых, прикладное мастер-планирование разворачивается в условиях жестких временных и бюджетных ограничений, несовместимых с классическими процедурами ПСП. Во-вторых, внешний эксперт, приступающий к работе с незнакомой территорией, рискует воспроизвести тот самый «дилетантизм», против которого направлена вся логика экоантропоцентрического подхода. В-третьих, социологическая группа в реальных проектах зачастую завершает свою работу на стадии диагностики, передавая данные архитекторам, а значит, итоговый продукт исследования должен обладать самостоятельной прогностической силой и задавать жесткие рамки для проектировщиков даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения.

Таким образом, адаптированная технология социологического обеспечения стратегического мастер-планирования, отвечающая требованиям ресурсного реализма, преодолевающая риск экспертного дилетантизма, масштабируемая на уровень целого города и производящая результат в формате «самоиграющего» социального контракта, на сегодняшний день в достаточной мере не формализована. Данный разрыв составляет научную проблему настоящего исследования.

Объектом исследования выступает многомерное социокультурное «пространство-время» города, рассматриваемое как среда обитания локальных сообществ, охватывающая природные, антропогенные и информационные аспекты взаимодействия населения с городской территорией.

Предметом исследования является адаптированная технология и процедурный алгоритм прогнозного социального проектирования (ПСП), направленные на диагностику латентных проблемных ситуаций, выявление ценностных ориентаций социальных групп и организацию конструктивного диалога между субъектами городской жизни в процессе разработки стратегии пространственного развития города.

Целью настоящей работы является теоретическое обоснование и разработка адаптированной технологии ПСП применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- обосновать применимость экоантропоцентрической парадигмы Т.М. Дридзе к задачам стратегического планирования, выявив специфику перехода от решения локальных конфликтов к масштабу целого города;
- разработать авторскую модель сегментации участников исследования, обеспечивающую представительство разнообразия субъектностей городского развития;
- сконструировать и обосновать логическую последовательность исследовательских этапов, обеспечивающую валидность данных в условиях ресурсных ограничений прикладного проектирования;
- определить требования к итоговому продукту технологии как «социальному контракту», обладающему самостоятельной прогностической силой.

Адаптированная технология ПСП, разработанная на основе дихотомии унификации и разнообразия как методологического принципа конструирования исследования, позволяет преодолеть «социальную безадресность» стратегического мастер-планирования: обеспечить масштабирование диагностики на уровень целого города в условиях ресурсного реализма, инте-

грировать разнообразие жизненных миров горожан в унифицированный стратегический документ и трансформировать мастерплан из технического регламента в «социальный контракт», обладающий самостоятельной прогностической силой.

Методология исследования: концептуальные основания разработки технологии ПСП

В данном разделе раскрывается теоретический и процедурный фундамент, на котором строится адаптация технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) к задачам мастерпланирования. Методология исследования опирается на две взаимосвязанные оси: объектную (модель ситуации) и инструментальную (модель метода). Сквозным принципом, организующим обе оси, выступает дихотомия унификации и разнообразия – не просто как описание городской реальности, а как основной методологический принцип конструирования исследования. В условиях «неклассической сложности» современных урбосистем – ситуации, когда традиционная иерархия «управление – исполнение» утрачивает эффективность и сменяется требованием гибкого баланса между необходимостью стратегического порядка и признанием уникальности локальных контекстов [13] – именно эта дихотомия позволяет удержать в едином исследовательском пространстве разномасштабные пласты городской реальности.

Объектная ось: унифицированная ситуация города vs разнообразие жизненных миров

Разработка технологии базируется на необходимости сопряжения разномасштабных пластов городской реальности, что требует существенной адаптации классической технологии ПСП, изначально ориентированной на решение локальных градостроительных задач уровня двора или квартала, к масштабу страте-

гического планирования агломераций. Фундаментальным основанием для такой адаптации служит экоантропоцентрическая парадигма Т.М. Дридзе, согласно которой город рассматривается не как статичный набор физических объектов или административных границ, а как «жизненная среда» человека. Это положение переносит фокус внимания с проектирования «вещных» структур на проектирование процессов метаболизма – непрерывного обмена информацией и энергией между «человеком живущим» (homo vivens) и его окружением [1].

Методологическим механизмом, позволяющим удержать этот сложный объект в рамках единого исследования, выступает многоуровневая модель ситуационного анализа. Согласно ПСП, любое социальное познание всегда ситуативно. Однако в условиях неклассической сложности содержание этого понятия трансформируется в зависимости от масштаба решаемых задач. Для обеспечения баланса между принципом унификации и принципом разнообразия методология выделяет два полюса и связующее их звено.

Макроуровень (конкретно-историческая ситуация) воплощает принцип унификации. В методологии ПСП конкретно-историческая ситуация выступает единицей анализа макроуровня, охватывающей состояние городского социума как единой системы на определенном этапе его развития. Она включает нормативно-стратегический контур – федеральные и региональные цели развития, обязательные для всей территории агломерации, а также объективное состояние ресурсов территории. Тем самым конкретно-историческая ситуация формирует «коридор возможностей»: она фиксирует пределы, в которых может осуществляться как любое проектирование, так и реальные жизненные ситуации людей, задавая нормативное «должное» для стратегии развития.

Микроуровень (жизненная ситуация) является полюсом разнообразия. Под жизненной ситуацией в ПСП понимается базовая

единица анализа, фиксирующая конкретные условия взаимодействия человека со средой «здесь и сейчас». Это крайне подвижный и индивидуализированный уровень, отражающий доступность благ, повседневный комфорт и чувство безопасности конкретных людей в различных городских локусах. Именно здесь проявляется уникальность «жизненных программ» и реальных потребностей населения – антропологическое «сущее», которое невозможно свести к единому стандарту.

Между этими полюсами методология ПСП выделяет мезоуровень – социокультурную ситуацию, характерную для локальных общностей, районов или специфических социальных групп. На этом уровне формируются коллективные ценности и нормы поведения, которые служат связующим звеном между индивидуальным опытом и общегородской стратегией. Стратегическое планирование в формате мастер-плана призвано объединить все три уровня в единую систему.

Научное обоснование разрабатываемой технологии строится на императиве преодоления «социальной безадресности» управления – ситуации, когда проекты, разработанные на макроуровне, вступают в жесткий конфликт с реальным образом жизни людей на микроуровне. Методологический императив ПСП заключается в том, что даже при решении общегородских стратегических задач проектировщик обязан «опускаться» до уровня анализа разнообразных жизненных ситуаций. При этом, поскольку мастер-план обращён в будущее, диагностика смещается с анализа открытых конфликтов на выявление латентных проблемных синдромов – скрытых противоречий между «коридором возможностей» и реальными жизненными программами населения.

Таким образом, объектная ось методологии конструирует исследование как поиск резонансной гармонии между универсальными требованиями городского развития (унификация) и уникальным разнообразием жизненных миров горожан (разноо-

бразие). Именно это противоречие составляет содержательное ядро дихотомии управление-разнообразие применительно к объекту исследования.

Инструментальная ось: унифицированный метод vs разнообразие субъектов и смыслов

Вторая аналитическая ось методологии посвящена обоснованию исследовательского инструментария, который выступает механизмом «сборки» разнообразных социальных фактов в единую стратегическую модель. Если объектная ось определяет границы и уровни анализа городской среды (что мы изучаем), то инструментальная ось определяет, как и на каких основаниях конструируется сам процесс познания.

Инструментальная дихотомия унификация-разнообразие разворачивается следующим образом. С одной стороны, валидность и воспроизводимость результатов требуют унифицированного исследовательского регламента – жесткой процедурной рамки, единой для любого города. С другой стороны, подлинная ценность социологического сопровождения мастер-плана состоит именно в экспликации уникального разнообразия субъектов, смыслов и локальных контекстов, которое невозможно свести к стандартным опросным категориям. Методологическая задача состоит в том, чтобы унифицированный метод не подавлял, а, напротив, гарантировал выявление этого разнообразия.

Основанием для разработки процедурного дизайна выступает унифицированный трехфазный алгоритм-«воронка», позволяющий последовательно углублять знание об объекте: от внешнего контура (документы, инфополе) к глубинным социальным смыслам и их количественной верификации. Фундаментальным принципом построения алгоритма является «опережающая оценка последствий»: диагностика должна не просто фиксировать статус-кво, а служить инструментом превентивного «взве-

шивания» рисков планируемых изменений ещё на стадии формирования замысла [11].

Ключевым вызовом при конструировании инструментария является обеспечение субъектного разнообразия. Традиционные менеджериальные модели отбора стейкхолдеров, ориентированные на матрицу «власть/интерес» [14], маргинализируют рядовых жителей, не обладающих формальными ресурсами влияния. Инклюзивная модель коллаборативного планирования П. Хили, напротив, настаивает на тотальном включении всех групп, однако без четкой структуры отбора рискует вести к популизму и размыванию профессиональной экспертизы [7]. В противовес обоим подходам, инструментальная ось ПСП базируется на унифицированной модели сегментации участников, выделяющей три типа субъектности: функциональный контур (эксперты-носители профессионального знания), экзистенциальный контур (жители-пользователи среды) и проекционный контур (активисты-авторы идей). Такое квотирование по типу субъектности обеспечивает реализацию «полилога» четырех сил – власти, бизнеса, специалистов и граждан – и достижение «эффекта моносубъектности», то есть взаимопонимания сторон [11].

Аналитический блок методологии также строится на сочетании универсальных методических приемов и уникальных смыслов. Валидность выводов обеспечивается принципом аналитической триангуляции – сопоставлением данных из разных источников и от разных групп акторов, что позволяет не просто собрать мнения, а эксплицировать «смысловые ножницы» – разрывы в понимании целей развития города между различными субъектами [15]. Дополнительным императивом аналитики является пространственная локализация социальных данных: перевод субъективных «народных топонимов» и эмоциональных оценок в конкретные координаты на карте города, что превращает социологический отчет в рабочую градостроительную подоснову [10].

Таким образом, инструментальная унификация метода – алгоритма, правил отбора участников и методических приемов анализа – служит единственным надежным способом выявления, защиты и интеграции в стратегию мастер-плана подлинного разнообразия смыслов и интересов городского сообщества. Унифицированный процедурный регламент выступает здесь не ограничением, а гарантией того, что «гений места» будет интегрирован в стратегию на правах равноправной градостроительной подосновы, а не как случайный набор обывательских мнений.

Две описанные оси (объектная и инструментальная) задают теоретико-методологическую рамку, в которой становится возможной разработка конкретной адаптированной технологии. Условия ее практической реализации, определяющие логику построения исследовательского алгоритма, представлены далее.

Адаптированная технология социологического обеспечения мастер-плана

Результатом проведенного исследования стала авторская адаптированная технология прогнозного социального проектирования (ПСП), представляющая собой наукоемкую «мягкую» социальную технологию.

Она разработана как прикладной инструмент, трансформирующий унифицированные директивные установки управления (стратегические цели и нормативные ограничения) в верифицированный социальный запрос, соответствующий уникальным ценностям и нуждам, реальным потребностям населения.

В отличие от классической методики ПСП, ориентированной на локальные конфликты, данный результат представляет собой масштабированную модель, адаптированную к «неклассической сложности» целого города. Технология представляет собой единство процедурного регламента, субъектной модели и методических приемов, логика построения которых определя-

ется четырьмя условиями-ограничениями реального проектного процесса.

Первое условие – информационный вакуум и риск профессионального «дилетантизма»: часто внешние эксперты приступают к проектированию, не обладая глубоким пониманием локальной специфики и подоплеки градостроительного задания.

Второе условие – ресурсный дефицит: прикладное мастерпланирование всегда ограничено жесткими временными и бюджетными рамками, что делает невозможным проведение длительных этнографических циклов и требует максимальной «диагностической плотности» в сжатые сроки.

Третье условие – агрессивная среда: прикладное исследование разворачивается в ситуации острого столкновения интересов власти, бизнеса и населения, что требует от социолога позиции не пассивного наблюдателя, а активного медиатора, трансформирующего конфликтные интенции сторон в конструктивное «социальное задание».

Четвертое условие – функциональная дистанция: социологическая группа зачастую завершает свою работу на стадии диагностики, передавая данные архитекторам, следовательно, итоговый продукт исследования должен обладать самостоятельной прогностической силой и задавать жесткие рамки для проектировщиков даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения [11].

Именно эти четыре условия определили логику построения трех взаимосвязанных компонентов разработанной технологии.

Трехфазный исследовательский алгоритм

Центральным результатом разработки технологии стал адаптированный процедурный алгоритм, логика последовательности этапов которого обусловлена необходимостью преодоления «дилетантизма» внешнего эксперта в условиях интенсив-

ной экспедиции. Алгоритм выстроен по принципу «воронки»: от бесконтактной диагностики внешнего контура территории к прямому взаимодействию с ее субъектами и финальному аналитическому синтезу. Такая последовательность позволяет исследователю входить в «жизненные миры» города не как «чужаку», а как субъекту, уже дешифровавшему официальные и латентные «городские шумы», – что, в свою очередь, является методологическим ответом на риск профессионального дилетантизма.

Фаза I. Предполевой (камеральный) этап реализуется дистанционно до выезда исследовательской группы на объект и направлен на формирование объективного «информационного поля» о территории. Включает две ключевые процедуры.

Работа с нормативно-стратегическими документами: системный анализ стратегий социально-экономического развития, генеральных планов, муниципальных программ и инвестиционных паспортов. Цель процедуры – реконструкция «официального контура» управления: фиксация декларируемых целей развития, бюджетных приоритетов и уже утвержденных планов, создающая нормативную рамку для последующего исследования. Методологически это позволяет операционализировать «коридор возможностей» конкретно-исторической ситуации города еще до входа в поле.

Анализ информационной среды: мониторинг локальных медиа, социальных сетей, городских пабликов и платформ обратной связи с применением метода интенционального анализа текстов, разработанного Т.М. Дридзе. В отличие от традиционного контент-анализа, фиксирующего частоту упоминаний, данный метод направлен на реконструкцию иерархии коммуникативно-познавательных программ субъектов – понимание истинных мотивов («ради чего») и причин («почему») возникновения тех или иных дискурсов в публичном поле. Это позволяет сформулировать обоснованные гипотезы и адаптировать инструмента-

рий полевого этапа под локальную специфику, а также идентифицировать потенциальных участников последующих этапов исследования.

Фаза II. Полевой этап (экспедиция) реализуется непосредственно на объекте в формате интенсивного натурного обследования. Последовательность процедур внутри фазы подчинена логике последовательного углубления: от реконструкции исторического контекста к экспертной диагностике и далее к групповому соучастию.

Зондажное историко-краеведческое исследование: работа с музейными фондами и носителями локального знания (краеведами, старожилами) для реконструкции «биографии города» и выявления «ядра идентичности». Данная процедура направлена на понимание «экологии культуры» территории – устойчивых традиций, городских мифов и культурных кодов, определяющих уникальный уклад жизни. Игнорирование этих смысловых доминант при проектировании неизбежно ведет к социальному отторжению проектных решений.

Глубинные экспертные интервью: полуструктурированные интервью с представителями администрации, бизнеса, бюджетной сферы и лидерами мнений. Гайд интервью строится как сценарная беседа, направленная на выявление не только фактов, но и ценностных установок и прогнозных оценок респондента, и включает блоки диагностики локальной идентичности, выявления проблемного поля и PEST-факторов, анализа человеческого капитала, пространственной диагностики и сценарного прогнозирования.

Групповые дискуссии (воркшопы): модерируемые встречи с представителями сообществ с применением техник ментального картографирования. Логика обсуждения выстраивается по принципу «воронки»: от общего эмоционального восприятия города к описанию конкретных проблем и проектным предложениям. Участники работают с физической картой города, нанося

«места силы» и «места отторжения», фиксируя народные топонимы и границы соседств. Итогом становится сбор конкретных предложений, которые трансформируются из жалоб в проектные инициативы.

Фаза III. Постполевой этап включает финальные процедуры количественного замера и комплексный синтез информации в камеральных условиях.

Массовый количественный опрос: стандартизированный опрос населения, обеспечивающий статистическую верификацию гипотез, ранжирование проблем и оценку масштаба выявленных в поле качественных трендов. Выборка взвешивается по полу и возрасту для обеспечения репрезентативности.

Пространственный анализ: агрегация данных ментальных карт и геометок опроса в сводные схемы восприятия среды, позволяющая визуализировать структуру городской идентичности и локализовать зоны конфликтов.

Субъектный анализ: кластеризация выявленных акторов по матрице влияния и интересов для построения карты стейкхолдеров, необходимой для понимания баланса сил при реализации мастер-плана.

Проблемно-сценарный синтез: интегральная интерпретация всего массива данных для выявления «социальных парадоксов» – системных противоречий, формирования итоговых рейтингов проблем и реестра проектных предложений.

Трехконтурная модель субъектного разнообразия

Вторым ключевым результатом разработки технологии стала авторская модель сегментации участников исследования, основанная на дифференциации типов субъектности. Ее необходимость обусловлена центральным методологическим требованием инструментальной оси: унифицированный алгоритм должен

гарантировать выявление подлинного субъектного разнообразия, не подменяя «сущее» профессиональным «должным».

Отбор участников производится по трем функциональным контурам, каждый из которых привносит в исследование специфическое знание, недоступное другим группам.

1) Функциональный контур (экспертное основание) включает специалистов-практиков (архитекторов, экономистов, экологов) и представителей профильных департаментов администрации. Их роль состоит в обеспечении научно-технологической верификации проектных идей и оценке их реализуемости в рамках существующих бюджетных и правовых ограничений. Именно этот контур позволяет операционализировать «коридор возможностей» конкретно-исторической ситуации, т.е. выявить институциональные и ресурсные ограничения, критичные для реализуемости мастер-плана, но невидимые для рядовых горожан. Для обеспечения валидности данных отбор экспертов производится по критериям компетентности, глубине знаний, репрезентативности институции, разнообразию и балансу мнений, стратегического видения и конструктивности.

2) Экзистенциальный контур (средовое основание) формируется из рядовых горожан как непосредственных пользователей городской среды. Принципиальным методологическим решением здесь является отход от формального демографического представительства в пользу отбора носителей различных «жизненных ситуаций» и представителей дифференцированных «групп сознания». Участие этого контура привносит в проект знание о реальном, повседневном метаболизме между человеком и средой – антропологическое «сущее», позволяющее верифицировать официальные отчеты через призму базовых потребностей населения.

3) Проекционно-конструктивный контур (активный основание) состоит из лидеров сообществ и городских активистов – «субъектов социального действия». В отличие от рядовых

пользователей, участники этого контура не только фиксируют проблемы, но и способны генерировать конструктивные сценарии и выступать соавторами стратегии развития. Они идентифицируются в ходе диагностических процедур и вовлекаются в дальнейшую работу как соавторы, готовые разделить ответственность за реализацию итогового документа.

Синтез данных трех контуров реализует конструктивно-коммуникативную стратегию ПСП, а именно, организацию «полилога» четырех ключевых сил городского развития: власти, бизнеса, специалистов и граждан. Грамотное конфигурирование состава участников позволяет выявить и преодолеть «смысловые ножницы». Вследствие чего власть получает карту ресурсов, жители – признание своих проблем, активисты – платформу для инициатив.

Методические приемы: инструменты синтеза разнообразия

Третьим компонентом разработанной технологии являются методические приемы обработки эмпирических данных, превращающие разрозненные социальные факты в структурированную градостроительную подоснову. В рамках адаптированного ПСП аналитическая работа рассматривается не как техническая процедура статистического учета, а как ключевой механизм интеграции научного знания в практику управления. Инструментарий синтеза данных опирается на три взаимодополняющих методических приема, каждый из которых реализует один из аспектов дихотомии унификация-разнообразие.

Иерархическая логика синтеза («принцип конуса») обеспечивает последовательное движение от разнообразия частных фактов к унифицированной стратегической модели. Обработка информации начинается с декомпозиции индивидуальных «жизненных ситуаций» респондентов, выявленных в ходе интервью

и дискуссий. На следующем этапе эти данные группируются в устойчивые «проблемные синдромы» локальных групп – уровень социокультурной ситуации. Наконец, они синтезируются в интегральную «сетевую модель проблемного поля» всего города – уровень конкретно-исторической ситуации. Такая логика позволяет провести комплексную диагностику социального здоровья территории и выявить системные противоречия, не фиксируемые стандартной статистикой.

Аналитическая триангуляция и экспликация «смысловых ножниц» обеспечивают валидность выводов через сопоставление позиций всех четырех групп участников полилога. Аналитический этап считается завершенным только при условии четкого выявления коммуникативных разрывов в понимании целей и приоритетов развития между различными субъектами. Ценность данного методического приема состоит в его комплементарности: разные группы (власть, жители, бизнес) видят разные грани реальности, и только их наложение дает объемную модель [15].

Пространственная локализация социальных данных реализует императив перевода табличных данных в пространственные модели. Наложение выявленных социальных проблем на карту города позволяет визуализировать «точки сгущения социальной напряженности» и границы ментального восприятия среды жителями. Инструментарий включает агрегацию данных ментальных карт и народных топонимов, маркирующих реальные границы соседств и локусы идентичности [10]. Таким образом происходит трансформация полученных эмпирических данных в социально-управленческую основу программу, минимизирующую риски принятия социально безадресных решений.

Итоговым продуктом применения трех методических приемов становится отчет, содержащий не только констатацию фактов, но и результат «опережающего взвешивания» – прогноз социальных издержек и выгод от реализации мастер-плана. Трансформация разрозненных мнений в иерархическую систему

проблем и проектных предложений обеспечивает легитимность управленческих решений и создает методологическую основу для финального продукта технологии – мастер-плана как «социального контракта», теоретическое осмысление которого составляет предмет следующего раздела.

Теоретическая значимость и границы применимости адаптированной технологии ПСП

Сопоставление с существующими подходами

Разработанная технология формируется на пересечении нескольких научных традиций, с каждой из которых она находится в отношениях частичного совпадения, уточнения или принципиального расхождения.

Наибольшая близость обнаруживается с теорией коллаборативного планирования П. Хили и Дж. Иннес, постулирующей, что планирование – это прежде всего процесс построения консенсуса через диалог стейкхолдеров [8; 16]. Разработанная технология разделяет этот базовый тезис, реализуя его через модель «полилога» четырех сил. Однако принципиальное отличие состоит в том, что коллаборативное планирование не предлагает четкого процедурного алгоритма входа в диалог, оно предполагает, что стороны уже идентифицированы и готовы к взаимодействию. Наша технология, напротив, включает обязательную преддиалоговую фазу диагностики, без которой любой «полилог» рискует воспроизвести уже существующий дисбаланс интересов, когда голос институционально сильных участников заглушает «молчаливое большинство» жителей.

Существенное расхождение фиксируется с менеджериальной моделью стейкхолдеров Р.Э. Фримена, классифицирующей участников по матрице «власть/интерес» [14]. Данный подход

инструментально эффективен для инвестора, однако системно маргинализирует рядовых жителей, обладающих высоким жизненным интересом, но низкой формальной властью. Разработанная трехконтурная модель субъектного разнообразия преодолевает это ограничение, смещая основание сегментации с формальных ресурсов влияния на тип субъектности. Это, в свою очередь, принципиально меняет состав участников и, следовательно, качество итогового «социального заказа».

Аналогичное расхождение, но по иному основанию, обнаруживается с адвокативной моделью П. Давидоффа [16]. Занимая позицию «адвоката» конкретной группы, социолог оказывается внутри конфликта, что блокирует достижение консенсуса, необходимого для целостной стратегии развития агломерации. Разработанная технология предполагает иную профессиональную позицию – социолога-арбитра, организующего коммуникативное пространство, а не представляющего интересы одной из сторон.

Наиболее сложные отношения складываются с классической технологией ПСП Т.М. Дридзе, которая служит теоретической базой разработки. Здесь речь идет не о расхождении, а о масштабировании и переосмыслении. Классическая ПСП отрабатывалась на задачах разрешения локальных конфликтов уровня двора или квартала, где отправной точкой выступает уже возникшее противоречие. Разработанная технология смещает фокус с диагностики актуального конфликта на прогнозирование потенциальных противоречий в масштабе целого города, что требует иной логики построения выборки, иной последовательности процедур и иного формата итогового продукта. Тем самым наши результаты не опровергают, а расширяют диапазон применимости экоантропоцентрической парадигмы.

Особого внимания заслуживает критика, сформулированная В.И. Демьяненко. Автор указывает, что классическая модель ПСП, где социолог выступает в роли «независимого эксперта-

диагноста», может сохранять черты иерархического управления и вступать в противоречие с необходимостью выстраивания равноправных субъект-субъектных отношений [13]. Разработанная технология предлагает конкретный методологический ответ на этот вызов: трехконтурная модель субъектного разнообразия и принцип аналитической триангуляции структурно исключают монополию экспертного взгляда, встраивая позицию социолога в логику медиации, а не диагностического доминирования.

Научная и практическая значимость

Научная значимость разработанной технологии определяется прежде всего тем, что она предлагает операционализацию экоантропоцентрической парадигмы применительно к задачам стратегического управления сложными урбосистемами. Представленная область оставалась методологически незакрытой. Как справедливо отмечают А.Н. Расходчиков и В.А. Шилова, в условиях цифровизации и усложнения городских систем особенно возрастает риск отчуждения человека от управления средой [5]. Разработанная технология предлагает конкретный инструментарий противодействия этому риску на предпроектной стадии.

Теоретический вклад технологии состоит в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, дихотомия унификации и разнообразия впервые используется не как описательная характеристика городской реальности, а как операциональный принцип конструирования исследовательского инструментария. Это позволяет преодолеть фундаментальный разрыв между нормативным «должным» («коридором возможностей» конкретно-исторической ситуации) и антропологическим «сущим» (реальным разнообразием жизненных миров горожан). Во-вторых, трехуровневая модель ситуационного анализа (жизненная –социокультурная – конкретно-историческая ситуация) впервые применяется как сквозной аналитический каркас для всего

цикла мастер-планирования, а не только для отдельных его этапов. В-третьих, разработанная система индикаторов и структура итоговой отчетности, включающая карты ментального восприятия и реестр социальных парадоксов, обеспечивает интеграцию социологических данных в градостроительную документацию на правах равноправной подосновы.

Практическая значимость технологии определяется несколькими направлениями применения. Прежде всего, разработанный алгоритм «опережающей оценки последствий» позволяет выявлять социальные риски на предпроектной стадии, то есть до того, как ресурсы будут потрачены на реализацию потенциально нежизнеспособных решений. Технология непосредственно отвечает требованиям стандарта ВЭБ.РФ, постулирующего необходимость широкого вовлечения заинтересованных сторон как обязательного условия формирования устойчивой «социальной модели» территории [4], предоставляя конкретный методологический инструментарий для реализации этого требования. Наконец, формат итогового продукта – «сетевая модель проблемного поля» города как прототип «социального контракта» – обеспечивает преемственность между социологической диагностикой и архитектурно-градостроительным проектированием даже в условиях функциональной дистанции между этими этапами.

Ограничения и условия применимости

Честная научная рефлексия требует четкого обозначения границ применимости разработанной технологии.

Первое ограничение носит методический характер и связано с интенсивным экспедиционным форматом полевого этапа. Сжатые временные рамки, диктуемые условиями реального проектного процесса, не позволяют достичь глубины длительного этнографического погружения в локальный контекст. Технология

компенсирует это за счет «диагностической плотности» – концентрации взаимодополняющих методов в короткий период, однако данное ограничение необходимо учитывать при интерпретации результатов, особенно применительно к латентным конфликтам, требующим длительного наблюдения для выявления.

Второе ограничение связано с функциональной дистанцией: социологическая группа завершает работу на стадии диагностики, не участвуя в дальнейшей разработке и утверждении мастер-плана. Это означает, что технология не может гарантировать полноту реализации «социального контракта», она лишь создает для него методологическую основу. Качество итогового мастер-плана остается зависимым от того, насколько архитектурно-планировочные структуры способны и готовы работать с социологической подосновой.

Третье ограничение касается условий применимости в различных институциональных контекстах. Технология предполагает определенный уровень открытости со стороны заказчика – готовности администрации и градообразующих предприятий к реальному, а не имитационному вовлечению жителей. В условиях жесткого административного давления или девелоперского лобби социолог-арбитр оказывается в ситуации «агрессивной среды», которая может существенно ограничивать возможности для организации подлинного «полилога».

Четвертое ограничение имеет теоретический характер: разработанная технология создавалась и будет верифицироваться на материале городов с градообразующими предприятиями атомной отрасли, представляющих собой специфический тип урбосистем с жесткой корпоративной структурой и особым режимом территории. Степень универсальности технологии применительно к иным типам городов (исторические центры, дотационные муниципалитеты, быстрорастущие агломерации) требует отдельной проверки.

Перспективы исследования

Разработанная теоретическая модель расширяет направления для дальнейших исследований. Первоочередной задачей является эмпирическая верификация технологии на материале конкретных городов. Апробация полного исследовательского цикла позволит проверить валидность трехфазного алгоритма в реальных проектных условиях, оценить диагностическую силу трехконтурной модели субъектного разнообразия и выявить необходимые корректировки процедурного регламента. Результаты подобной верификации составят предмет второй, эмпирической статьи настоящего исследовательского цикла.

Перспективным направлением представляется расширение типологии городов, на которых применяется технология. Сравнительный анализ результатов, полученных в городах различного типа (моногорода, исторические поселения, дотационные муниципалитеты) позволит установить границы универсальности разработанного инструментария и сформулировать типологически специфические модификации алгоритма.

Важным направлением является также лонгитюдное сопровождение реализации мастер-планов, разработанных с применением описанной технологии. Отслеживание динамики социальных процессов после принятия стратегических решений позволит верифицировать прогностическую силу «опережающей оценки последствий» и оценить устойчивость достигнутого «социального контракта» во времени.

Наконец, перспективным представляется направление, обозначенное в работе В.А. Шиловой, В.И. Демьяненко и их коллег, а именно, интеграция технологии ПСП с методами когнитивного моделирования. Разработанная авторами структурно-функциональная модель, включающая пять контуров (ресурсы, субъекты, механизмы, ценности, правила), открывает возможность формализации слабоструктурированных соци-

альных процессов [17]. в подобном контексте адаптированная технология ПСП может выступать поставщиком качественных данных о ценностях и субъектах для когнитивных моделей, а синтез «мягкой» технологии диалога и алгоритмов когнитивного моделирования открывает перспективу создания цифровых двойников города, учитывающих не только инженерные сети, но и социальную ткань.

Выводы

Настоящая статья была посвящена решению актуальной научно-прикладной проблемы: разрыву между технократическим подходом к стратегическому мастер-планированию, страдающему «социальной безадресностью», и реальными потребностями локальных сообществ. Целью работы являлась разработка адаптированной технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций. Решение последовательности исследовательских задач привело к следующим результатам.

Во-первых, доказана высокая эвристическая ценность эко-антропоцентрической парадигмы Т.М. Дридзе для задач стратегического планирования. Обосновано, что переход от решения локальных конфликтов, на которые изначально была ориентирована классическая технология ПСП, к масштабу целого города требует принципиального смещения фокуса. А именно: с диагностики актуальных проблемных ситуаций на выявление латентных противоречий между «коридором возможностей» конкретно-исторической ситуации и разнообразием жизненных миров горожан. Дихотомия унификации и разнообразия выступила при этом не просто описательной характеристикой городской реальности, а операциональным принципом конструирования всего исследовательского инструментария.

Во-вторых, разработана авторская трехконтурная модель субъектного разнообразия, основанная на дифференциации типов субъектности участников исследования. Вместо традиционного демографического квотирования или менеджериальной матрицы «власть/интерес» предложено выделение функционального (эксперты-носители профессионального знания), экзистенциального (жители-пользователи среды) и проекционно-конструктивного (активисты-авторы идей) контуров. Такая конфигурация обеспечивает структуру для подлинного «полилога» четырех сил городского развития, позволяя выявить и преодолеть «смысловые ножницы» между властью и населением.

В-третьих, сконструирован и обоснован трехфазный исследовательский алгоритм-«воронка», логика построения которого определяется четырьмя условиями-ограничениями реального проектного процесса: информационным вакуумом, ресурсным дефицитом, агрессивной средой и функциональной дистанцией социолога. Последовательность фаз – от камерального анализа документов и информационной среды через полевую экспедицию к постполевому аналитическому синтезу – обеспечивает преодоление «дилетантизма» внешнего эксперта и максимальную «диагностическую плотность» в условиях сжатых сроков.

В-четвертых, определены требования к итоговому продукту технологии и обоснован его статус как «социального контракта». Итоговый отчет, выстроенный по принципам иерархической логики синтеза, аналитической триангуляции и пространственной локализации данных, выполняет функцию «сетевой модели проблемного поля» города. Он трансформирует мастер-план из абстрактного градостроительного документа в инструмент общественного согласия, фиксирующий взаимные обязательства власти, бизнеса и жителей и обладающий самостоятельной прогностической силой даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения.

Совокупность полученных результатов свидетельствует о том, что разработанная технология создает методологически обоснованный механизм преодоления разрыва между нормативным «должным» стратегического планирования и антропологическим «сущим» городской среды. Таким образом происходит превращение мастер-плана из инструмента управления территорией в инструмент развития человеческого потенциала. Вместе с тем разработанная технология носит теоретический характер и требует эмпирической верификации на материале конкретных городов, что составит предмет следующей работы настоящего исследовательского цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Под ред. Т.М. Дридзе. М.: Наука, 1994. 304 с. ISBN 5020079731.

2. *Bassett E.M.* The master plan, with a discussion of the theory of community land planning legislation. New York: Russell Sage Foundation, 1938. 151 p.

3. *Алексеевский М., Беленко В., Левицкая Е И., Малеева Е., Муратов А., Путилова Е., Толкачева К.* Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим: исследование. М.: Strelka Press, 2014. 520 с. ISBN 978-5-906264-38-1.

4. Национальный стандарт мастер планов. Книга 3: «Механизмы разработки и внедрения мастер плана» // ВЭБ.РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://itpgrad.ru/upload/iblock/3f5/xewoql3qo18vzox8y6fn1ug99s19oi63/Natsionalnyy-standart-master_planov_Kniga3.pdf (дата обращения: 23.12.2025).

5. *Расходчиков А.Н., Шилова В.А.* Социальные измерения динамики городов и агломераций // Научный результат. Социология и управление. 2024, т. 10, № 2. С. 4–8. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-1. EDN: GIYWGH.

6. *Богданов В.С.* Тенденции развития российских «умных городов»: проблемы управления и неравенства // Научный результат. Социология и управление. 2023, т. 9, № 1. С. 85–97. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8. EDN: DDLEIB.

7. *Healey P.* Collaborative Planning. Macmillan Education UK, 1997. 338 p. ISBN 978-0-333-49573-5.

8. *Innes J.E., Booher D.E.* Planning with Complexity. Routledge, 2018. 246 p. ISBN 978-1-138-55206-7.

9. *Albrechts L.* Strategic (Spatial) Planning Reexamined // Environment and Planning B: Planning and Design. 2004, vol. 31, № 5. P. 743–758. DOI: 10.1068/b3065.

10. *Lynch K.* The City Image and its Elements // The City Reader. Routledge / Ed. by R.T. LeGates, F. Stout, R.W. Caves. Routledge, 2025. P. 614-625. ISBN 978-1-032-85712-1.

11. *Дридзе Т.М., Акимкин Е.М.* Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Институт социологии РАН, 2005. 492 с. ISBN 5-900927-81-4. EDN: QOEMIP.

12. *Шилова В.А., Шередега Ю.В.* Социологические исследования в процессе городского проектирования (на примере города Нальчик) // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 ноября 2021 г. / Под ред. В. Пинчука. Минск: БГУ, 2021. С. 347-354. EDN: CVOOUX.

13. *Демьяненко В.И.* Практика применения прогнозного социального проектирования в решении проблем пространственного развития // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024, т. 14, № 5. С. 64–73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73. EDN: UZKVNF.

14. *Freeman R.E.* Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman, 1984. 276 p. ISBN 0-273-01913-9.

15. *Denzin N.K.* The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970. ISBN 0-202-30121-4.

16. *Davidoff P.* Advocacy and pluralism in planning // Journal of the American Institute of Planners. 1965, vol. 31, № 4. P. 331–338. DOI: 10.1080/01944366508978187.

17. *Шилова В.А., Демьяненко В.И., Почестнев А.А., Быков К.В., Гречаная А.А., Гульцев А.И.* Когнитивное моделирование социально-экономического развития муниципального образования // Научный результат. Социология и управление. 2025, т. 11, № 4. С. 274–302. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-4-1-6. EDN: FRMMIQ.

Сведения об авторах

Демьяненко Василий Иванович
Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
AuthorID: 1123230
SPIN-код: 4964-5600
Researcher ID: GQR-0620-2022

Шилова Валентина Александровна
Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией Института социологии ФНИСЦ РАН
AuthorID: 76397
SPIN-код: 8158-6002
Researcher ID: KCJ-7695-2024

Быков Кирилл Владимирович
Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
AuthorID: 608136
SPIN-код: 3164-2028

Гусейнова Ксения Эльдаровна
Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
AuthorID: 897865
SPIN-код: 8158-6002

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026 г.
Статья принята к публикации: 16.04.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3

BALANCING UNIFICATION AND DIVERSITY IN URBAN SPATIAL DEVELOPMENT: ADAPTING PREDICTIVE SOCIAL DESIGN TECHNOLOGY FOR MASTER PLANNING

Demyanenko Vasilij I.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
imhocorg@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1838-2081

Shilova Valentina A.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vshilova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8899-2707

Bykov Kirill V.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
1096232@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2076-9816

Guseynova Kseniya E.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
liksedar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7957-7317

For citation: Demyanenko V.I., Shilova V.A., Bykov K.V., Guseynova K.E. Balancing unification and diversity in urban spatial development: adapting predictive social design technology for master planning. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 74-109. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3.

Abstract. The article focuses on the development of an adapted technology of predictive social design (PSD) as applied to the tasks of strategic master planning for urban agglomerations. The relevance of the study stems from the persistent contradiction between the technocratic approach to urban planning, which suffers from "social addresslessness" and the actual needs of local communities.

The theoretical and methodological foundation of the research is the eco-anthropocentric paradigm of T.M. Dridze, supplemented by the dichotomy of unification and diversity as an operational principle for constructing the research toolkit. The paper demonstrates that directly transferring the classical PSD technology, which is originally developed for local urban conflicts, to the level of strategic city-wide planning encounters a number of unresolved methodological problems: resource deficit, the risk of expert dilettantism, the functional distance of the sociologist, and the need to create a "self-playing final product.

The adapted technology is presented that comprises three interrelated components: a three-phase research algorithm ("funnel" – desk, field, and post-field stages), a three-circuit model of subjective diversity (functional, existential, and projective-constructive circuits), and a system of analytical protocols (hierarchical synthesis, triangulation, and spatial localization of data). The end product of the technology is a master plan in the format of a "social contract" – a document that transforms the diversity of city dwellers' lifeworlds into a unified strategic document and possesses its own predictive power.

The developed technology extends the scope of applicability of the eco-anthropocentric paradigm and fills a methodological gap in the sociological support of strategic master planning.

Keywords: master plan, predictive social design, eco-anthropocentric paradigm, social contract, urban identity, social diagnostics, unification and diversity, stakeholders, social addresslessness

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the State Assignment IS FCTAS RAS FMUS-2024-0002 “Unification and diversity in the space development of Russia (socio-economic and socio-cultural processes)”.

References

1. *Prognostic Social Design: Theoretical-Methodological and Methodical Problems* (in Russian) / Ed. by T.M. Dridze. Moscow: Nauka Publ., 1994. 304 p. ISBN 5020079731.
2. Bassett E.M. *The Master Plan, with a Discussion of the Theory of Community Land Planning Legislation*. New York: Russell Sage Foundation, 1938. 151 p.
3. Alekseevsky M., Belenko V., Levitskaya E.I., Maleeva E., Muratov A., Putilova E., Tolkacheva K. *Strategic Master Plan: A Tool for Managing the Future: A Study* (in Russian). Moscow: Strelka Press Publ., 2014. 519 p. ISBN 978-5-906264-38-1.
4. National Standard of Master Plans. Book 3: Mechanisms for the Development and Implementation of a Master Plan, *VEB.RF* [Electronic resource]. URL: https://itpgrad.ru/upload/iblock/3f5/xewoql3qo18vzox8y6fn1ug99s19oi63/Natsionalnyy-standart-master_planov_Kniga3.pdf (date of access: 23.12.2025).
5. Raskhodchikov A.N., Shilova V.A. Social Dimensions of the Dynamics of Cities and Agglomerations (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2024, vol. 10, no. 2, p. 4–8. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-1.
6. Bogdanov V.S. Trends in the Development of Russian “Smart Cities”: Problems of Governance and Inequality (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023, vol. 9, no. 1, p. 85–97. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8.
7. Healey P. *Collaborative Planning*. Macmillan Education UK, 1997. 338 p. ISBN 978-0-333-49573-5.
8. Innes J.E., Booher D.E. *Planning with Complexity*. Routledge, 2018. 246 p. ISBN 978-1-138-55206-7.
9. Albrechts L. Strategic (Spatial) Planning Reexamined, *Environment and Planning B: Planning and Design*, 2004, vol. 31, no. 5, p. 743–758. DOI: 10.1068/b3065.

10. Lynch K. “The City Image and its Elements”, in: *The City Reader*: *Routledge*, ed. by R.T. LeGates, F. Stout, R.W. Caves. Routledge, 2025, p. 614–625. ISBN 978-1-032-85712-1.
11. Dridze T.M., Akimkin E.M. *Socially Sound Urban Development in the Mode of Predictive Design: From Social Diagnostics to Conflict Prevention and Constructive Dialogue of Stakeholders* (in Russian). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 492 p. ISBN 5-900927-81-4.
12. Shilova V.A., Sheredega Yu.V. Sociological Research in the Process of Urban Design (on the Example of the City of Nalchik). *Sotsial'nye praktiki i razvitie gorodskoi sredy: urbanistika i innovatika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Resp. Belarus', Minsk, 25–26 noyab. 2021 g. Minsk, BGU, 2021, pp. 347–354. (In Russian). EDN: CVOOUX
13. Demyanenko V.I. The Practice of Applying Predictive Social Design in Solving Problems of Spatial Development (in Russian), *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2024, vol. 14, no. 5, p. 64–73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73.
14. Freeman R.E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston: Pitman, 1984. 276 p. ISBN 0-273-01913-9.
15. Denzin N.K. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine, 1970. ISBN 0-202-30121-4.
16. Davidoff P. Advocacy and Pluralism in Planning (in Russian), *Journal of the American Institute of Planners*, 1965, vol. 31, no. 4, p. 331–338. DOI: 10.1080/01944366508978187.
17. Shilova V.A., Demyanenko V.I., Pochestnev A.A., Bykov K.V., Grechanaya A.A., Gultsev A.I. Cognitive Modeling of Socio-Economic Development of a Municipal Entity (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2025, vol. 11, no. 4, p. 274–302. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-4-1-6.

Information about the authors

Vasilij I. Demyanenko
Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
Researcher ID: GQR-0620-2022

Valentina A. Shilova
Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Head of the Laboratory of the Institute of Sociology of the National Research, Research Center of the Russian Academy of Sciences
Researcher ID: KCJ-7695-2024

Kirill V. Bykov
Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Kseniya E. Guseynova
Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4
EDN: QISPOB

ВИКТИМИЗАЦИЯ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кучаков Руслан Камилович
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
rkuchakov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0001-5757-410X

Серебренников Дмитрий Евгеньевич
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Kazakhstan Sociology Lab, Корпоративный Фонд «Фонд El Umiti»,
Астана, Казахстан
serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-2574-3842

Бобриков Дмитрий Дмитриевич
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
d.bobrikov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0005-7403-3213

Бондарьков Сергей Владимирович
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург,, Россия
sbondarkov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0003-0714-6208

Бочаров Тимур Юрьевич
Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
tbocharov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0001-8208-6076

Гегельман Арина Сергеевна
Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
a.gegelman@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0007-0405-7273

Дмитриева Арина
Хагенский заочный университет,
Хаген, Германия
aryna.dzmitryieva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4548-0015

Кнорре Алексей Викторович
Университет Южной Флориды,
Тампа, США
aknorre@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-5079-9573

Кудрявцев Владимир Евгеньевич
Университет штата Флорида; Институт проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Таллахасси, США
vkudryavtsev@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6509-9094

Леденев Виктор Владимирович
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
vledenev@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0008-4639-0071

Османов Тимур Энварвикович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
osmanovtim@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4065-5787

Скугаревский Дмитрий Анатольевич
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
dskougarevskiy@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4022-6210

Ходжаева Екатерина Анисовна
Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт социально-политических исследований, Университет Париж-Нантерр,
Нантер, Франция
ekatherina.khodzhaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4614-1733

Для цитирования: *Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е., Бобриков Д. Д., Бондарьков С. В., Бочаров Т. Ю., Гегельман А. С., Дмитриева А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Леденев В. В., Османов Т. Э., Скугаревский Д. А, Ходжаева Е. А.* Виктимизация в России: Методологические аспекты исследования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 110-219. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4. EDN: QISPOB.

В статье представлены методологические изменения в дизайне первого всероссийского регулярного опроса жертв преступлений (Russian Crime Victimization Survey, RCVS). Эти изменения направлены на повышение репрезентативности и сопоставимости данных. Виктимизационный опрос проводится каждые три года и охватывает период с 2018 по 2024 гг. В конце 2024 года состоялась 3-я волна опроса, в которой приняли участие 14 779 респондентов, причём 3 456 из них составили выборку когортного исследования. В статье основное внимание уделяется методологическим аспектам работы с опросными данными, поэтому представленные результаты будут интересны не только криминологам, но и широкому кругу исследователей. В работе отражено общее видение проблемы полных неответов (unit nonresponse) и подходы к коррекции их последствий. Описан опыт расчета постстратификационных весов (inverse probability weighting, IPW) для кросс-секционной выборки с использованием рэкинга (raking). При расчете весов для лонгитюдной выборки мы использовали параданные опроса: информацию об интервьюерах и дате звонка, что позволило декомпозировать смещение выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа, как предписывает теория общей ошибки опроса (total survey error, TSE). В работе систематизированы проводимые в России опросы жертв преступлений, а также обобщен опыт RCVS по использованию телефонных обзвонов (computer-assisted telephone interviewing, CATI).

Ключевые слова: RCVS, виктимизационный опрос, CATI, общая ошибка исследования, TSE, смещение выборки, взвешивание обратной вероятности, IPW, постстратификация, рэкинг.

Благодарности: Авторы благодарят Кирилла Титаева за вклад в разработку дизайна исследования и организацию первых двух волн RCVS, а также Дениса Савельева и всю команду Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге за вовлеченность в обсуждение результатов исследования.

Введение

Виктимизационные опросы (опросы жертв преступлений) — это значимый и иногда единственный источник сведений о преступности. Являясь одной из немногих альтернатив официальным данным о регистрируемой преступности, опросы позволяют выявить случаи, когда жертва преступления не обратилась в правоохранительные органы. Опросы представляют ценные сведения о преступности на уровне жертвы или отдельного преступления, а не в агрегированном виде.

В истории проведения виктимизационных опросов в России можно условно выделить три этапа. В качестве отправной точки укажем 1989 г. — начало систематических опросов жертв преступлений среди жителей Санкт-Петербурга [1]. Исследования начинались с проведения городских или региональных опросов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Со временем отдельные вопросы о виктимном опыте, страхе перед преступностью и взаимодействии с правоохранительными органами стали проникать в анкеты общефедеральных опросов (омнибусы ФОМ, ВЦИОМ и Левада-Центра[1], «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата). Затем появились общефедеральные специализированные опросы жертв преступлений. Так, в 2009–2015 гг. проведена серия опросов по заказу МВД России [8][2]. В 2022 и 2024 гг. прошли две волны опроса жертв киберпреступлений [11; 112], а в 2023 г. — жертв домашнего насилия [13].

[1] АНО «Левада-центр» внесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

[2] В 2013 г. опрос проводил Фонд общественного мнения: «Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД Криминальные угрозы, опасения россиян и их контакты с органами внутренних дел» [9]; в 2014–2015 гг. — Российский государственный социальный университет [8]. Развернутую критику опросов МВД России см. в [10].

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге с 2018 г. проводит регулярный Всероссийский опрос жертв преступлений (англ. Russian Crime Victimization Survey, далее — RCVS). В отличие от других опросов, это первый регулярный виктимизационный опрос в России, репрезентативный на уровне страны. Благодаря сохранению единства методологии и открытости данных исследователи могут сопоставлять результаты волн разных лет для понимания динамики преступности [14]. В 2024 г. была проведена третья волна опроса RCVS.

В данной статье основное внимание уделяется методологическим аспектам работы с опросными данными, поэтому представленные результаты будут интересны не только криминологам, но и широкому кругу исследователей. В работе представлено общее видение проблемы полных неответов и подходы к коррекции их последствий. Описан опыт расчета постстратификационных весов для кросс-секционной выборки с использованием рэкинга. При расчете весов для лонгитюдной выборки мы использовали параданные[3] опроса: информацию об интервьюерах и дате звонка, что позволило декомпозировать смещение выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа.

Русскоязычная методологическая литература об организации лонгитюдных исследований немногочисленна, поэтому мы опирались на опыт исследователей из разных стран мира, отвечавших на похожие вопросы при организации виктимизационных опросов. Первый раздел статьи посвящен обзору проведенных виктимизационных опросов и техническому описанию результатов RCVS-2024, вписанному в академический контекст. Второй раздел разбирает внутреннюю валидность опросных

[3] В тексте мы используем как взаимозаменяемые наименования: мета-/параданные.

данных в целом и RCVS в частности. В нём мы описываем наш подход к коррекции смещений в кросс-секционной и лонгитюдной частях выборки. Основные результаты опроса 2024 г. и анализ долгосрочных трендов виктимизации взрослого населения России за период 2018–2024 гг. представлены в отдельной сопутствующей публикации [15].

Виктимизационные опросы в России

Россия накопила богатый опыт виктимизационных исследований [10]. Первые опросы жертв преступлений в современной России проводились на городском и региональном уровнях. Наиболее системными были исследования виктимного опыта жителей Санкт-Петербурга — они отличались регулярностью и разработанной методологией [1; 16]. С 1999 по 2002 г. эти опросы осуществлялись Центром девиантологии Социологического института РАН. Методика опроса была приведена в соответствие с методикой национального опроса жертв преступлений в США (англ. National Crime Victimization Survey, NCVS [17]). В 2020 г. та же исследовательская команда провела опросы среди жителей Волгограда и Барановичей [1].

Крупнейшее международное исследование жертв преступлений (англ. International Crime Victims Survey, ICVS) проводилось под эгидой ООН с 1989 по 2010 г. и включало шесть волн. На территории России опросы в его рамках организовывались среди жителей Москвы в 1992, 1996 и 2000 гг. [18; 19]. Также жителей Москвы — в 1991 г. опрашивали в рамках исследовательского проекта «Crime and Crime Prevention in Moscow», реализованного в результате сотрудничества Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (ВНИИ МВД) и Межрегионального научно-исследовательского института ООН по вопросам преступности и правосудия (англ. United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute, UNICRI).

В исследовании участвовали как рядовые жители столицы, так и сотрудники правоохранительных органов. В итоговый анализ были включены результаты ICVS-1992 и массив данных официальной регистрации преступности [20]. В 2001 г. был проведён опрос жителей Омска, Смоленска и Волгограда по унифицированной с ICVS методологии [2]. В Волгоградской области с 1998 по 2007 гг. проходили регулярные опросы населения, включающие вопросы о виктимном опыте и обращении в правоохранительные органы [5].

Среди международных исследований, в которых участвует Россия, выделяется Европейское социальное исследование (англ. European Social Survey, ESS[4]): его российскую выборку — «*Российское социальное исследование*» (РСИ/RSS) — администрирует Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Это сравнительный межстрановой опрос, репрезентативный на уровне отдельных стран и охватывающий большинство государств Европейского союза и ряд соседних стран [22; 23]. Данные по России находятся в открытом доступе за период с 2006 по 2024 г. с двухлетним интервалом (девять волн[5]). Опрос проходит в форме личного интервью (англ. face-to-face, далее — f2f). В каждую волну входит единичные вопросы об опыте виктимизации от насильственных преступлений, страхе перед преступностью (англ. fear of crime) и доверии к правоохранительным органам. Насколько нам известно, несмотря на иную — общесоциальную — специализацию ESS/РСИ и ряд ограничений, это единственный проводимый в настоящее время регулярный межстрановой опрос с участием России, из волны в волну включаю-

[4] Согласно сайту ESS, исследование включает в свой официальный ростер только 3–6-ю и 8-ю волны (2006, 2008, 2010, 2012 и 2016 гг. соответственно) [21].

[5] Подробнее о «Российском социальном исследовании» и доступе к данным см. https://www.russiansocialsurvey.ru и https://www.cessi.ru/rsi соответственно (дата обращения: 4.09.2026).

щий блок вопросов, релевантных для исследователей преступности и виктимизации.

Ряд виктимизационных опросов был проведен учеными-юристами и криминологами. Среди них — опросы студентов московских вузов [4], жителей Удмуртии [3], Уральского федерального округа [6] и Нижегородской области [7]. Основная цель таких исследований — оценка латентной преступности [4]. Ограничением данных работ является скудность методологического описания: неочевидно, кого и как опрашивали и какую целевую совокупность в итоге репрезентируют собранные данные. Особо отметим репрезентативный всероссийский опрос взрослого населения страны, посвященный проблеме семейного насилия. Исследовательская команда из Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Центра прикладной социологии СПбГУ провела две волны исследования — в 2019 и 2024 гг. Согласно полученным результатам, доля респондентов, сталкивавшихся с бытовым насилием за предшествующие 12 месяцев, выросла с 2,6% в 2019 г. до 3,7% в 2024 г. [24; 25].

Общим методологическим ограничением локальных опросов является невозможность прямой экстраполяции результатов исследования на всё население страны. Крупнейшие полстеры страны ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-Центр» периодически включают в свои омнибусы блоки вопросов [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34], посвященные общей оценке состояния преступности и доверии правоохранительным органам. Преимуществами таких опросов являются их оперативность, вероятностная выборка и общедоступность данных, а недостатками — нерегулярность проведения, нестабильность и краткость анкеты. Неспециализированные опросы общественного мнения, включающие вопросы о виктимном опыте, как правило, охватывают незначительное количество наблюдений. Так, если в средней выборке омнибуса 1,5 тыс. человек, а каждый пятый опрошенный является жерт-

вой преступления, то в распоряжении исследователя окажутся ответы всего 300 респондентов.

В 2024 г. Росстат впервые включил виктимизационный блок вопросов в анкету Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ)[6]. Это масштабное всероссийское статистическое наблюдение, в рамках которого раз в два года с помощью личного интервью опрашивается 100 тыс. респондентов старше 15 лет. В волну 2024 г. вошла линейка вопросов о девяти типах преступлений, их количестве и числе случаев обращений в правоохранительные органы, также был добавлен вопрос о страхе перед преступностью. На сегодняшний день КОУЖ может стать единственным регулярным репрезентативным опросом жертв преступлений, проводимым посредством f2f[7]. Среди недостатков КОУЖ отметим устройство анкеты: респонденту сразу предлагают выбор из закрытой типологии преступлений, в которой отсутствуют киберпреступления. Эти ограничения должны значимо занижать общую оценку уровня виктимизации: согласно результатам КОУЖ-2024, она составила 3,7% для взрослого населения страны (с учетом весов)[8].

В 2009–2010 гг. при проведении очередных волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) респондентам задавались вопросы о страхе перед преступностью и виктимном опыте[9]. На сегодняшний день РМЭЗ является самым авторитетным лонгитюдным исследо-

[6] См. блок анкеты КОУЖ-2024 г. «К 24.1» [35].

[7] Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. В работе используются данные опросов 2020 и 2024 гг. [36].

[8] Интересно, что оценка на данных RCVS уровня виктимизации для взрослого населения страны с учетом только тех случаев, где респонденты заявили о материальном или физическом ущербе, статистически не отличается от результатов КОУЖ. Подробнее о внешней валидации результатов RCVS см. в [37].

[9] 18-я и 19-я волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «j229–332» [38].

ванием в России. Панель имеет преимущественно экономический характер и поэтому непрофильные вопросы редко входят в постоянное ядро анкеты. Тем не менее это редкая возможность для исследователя российской преступности работать с когортными данными. Однако участникам опроса задавался всего один скрининговый вопрос, в формулировку которого включен закрытый перечень типов преступлений (грабёж, нападение или «иное насилие»). Респондентов спрашивали не только о личном опыте, но и об опыте членов их семей, что не позволяет однозначно сопоставить преступление с социально-демографическими характеристиками отвечающего. В волну 2025 г. было добавлено несколько вопросов об опыте жертв телефонного и онлайн-мошенничества[10].

В 2022 и 2024 гг. проведены две волны онлайн-опроса, посвященные кибервиктимизации [11; 12]. В опросе 2022 г. приняли участие 1500 респондентов, из которых 88,2% сообщили, что стали жертвами киберпреступлений. В опросе 2024 г. было опрошено 1000 человек и уровень виктимизации составил 62%. Оба опроса нацелены на репрезентацию вселенной интернет-пользователей России. В работе предложена детализированная авторская классификация форм кибервиктимизации. Из ограничений, в первую очередь, следует отметить невероятностную выборку и кооптацию участников опроса посредством онлайн-панели «Анкетолог» [40]. Добровольное оплачиваемое участие в опросе (opt-in) приводит к проблеме самоотбора, что создает методологический риск: он возникает как при изучении опыта жертв сетевых преступлений (угроза внутренней валидности), так и при экстраполяции результатов исследования (угроза внешней валидности). Российские opt-in-панели критикуют за непрозрачность работы и использование «профессиональных респон-

[10] 34-я волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «ddj606—ddj606.2» [39].

дентов» — людей, которые целенаправленно преодолевают скрининг [41]. Также участники неслучайных онлайн-панелей демонстрируют систематически более либеральные политические взгляды, чем респонденты f2f интервью [42].

Общим методическим ограничением приведенных выше опросов является использование прямых одиночных вопросов о пережитом опыте, как правило, в терминах уголовной или административно-правовой квалификации события. Во-первых, это предполагает наличие у респондента специальных знаний, необходимых чтобы различить, например, кражу — ограбление — разбой в конкретных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, усиливает «эффект интервьюера», если формат опроса предполагает его присутствие, который зачастую будет вынужден «помогать» с квалификацией происшествия. В-третьих, одни и те же события с ходом времени могут менять свою правовую оценку.

В 2024 г. во вторую волну мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, были включены вопросы об опыте столкновения с киберагрессией и киберпреступлениями, а также регулярный блок вопросов об уровне цифровых навыков. В контексте данного мониторинга киберпреступность рассматривается как один из рисков цифровизации общества [43]. Опрос предоставляет исследователям уникальную возможность анализировать не только социально-демографические характеристики жертв киберпреступлений, но и сопоставлять виктимный опыт с уровнем их цифровой грамотности. Сбор данных осуществлялся методом личных интервью (f2f), выборка исследования репрезентативна для населения страны в возрасте 14 лет и старше. Согласно полученным результатам, с киберагрессией сталкивались 35,5% пользователей социальных сетей, а с киберпреступлениями — 31% пользователей интернета [44].

В 2021 г. проведена серия гармонизированных опросов в рамках исследования партнерского насилия (англ. intimate partner violence, IPV) [13]. Авторы использовали две волны омнибуса 2021 г. «Левада-Центра» (f2f, вероятностная выборка) и онлайн-опрос на базе панели Online Market Intelligence [45] (неслучайная выборка). В качестве основы анкеты выступил стандартизированный опросник ООН [46]. Анкета включает блок вопросов для самозаполнения респондентом (англ. self-administered) с интегрированным списочным экспериментом [англ. list experiment см., 47]. Таким образом, авторы получили множество методологических возможностей для кросс-валидации результатов исследования.

В 2025 г. блок вопросов, посвященных опыту виктимизации, был включен в 5-ю волну регулярного онлайн-опроса Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA). Данные собирались посредством онлайн-анкетирования. Выборка исследования является неслучайной и представляет собой пример opt-in панели. Для рекрутирования участников использовалось незначительное нематериальное поощрение. Несмотря на то что PROPA присущи практически все типичные недостатки маркетинговых панелей, описанные выше, проект выгодно отличает наличие лонгитюдного компонента: в 5-й волне около 30% участников составили повторно опрошенные респонденты, что создает основу для анализа индивидуальной динамики. Согласно результатам опроса, 65% респондентов заявили, что становились жертвами преступлений в течение последних трех лет; при этом 74% из них указали, что пострадали от телефонных или онлайн-мошенничеств [48]. Другим важным преимуществом проекта является его открытость: данные всех волн размещены в свободном доступе[11].

Всероссийский опрос жертв преступлений RCVS проводится Институтом проблем правоприменения при Европейском

[11] Подробнее о проекте см. в [49].

университете в Санкт-Петербурге с 2018 г.[12] Выборка опроса разделена на две части: кросс-секционную (2018 г., 2021 г., 2024 г.) и лонгитюдную (2021–2024 гг.) [42]. Опрос проводился посредством телефонного обзвона CATI[13] на основе RDD-выборки (англ. random digit dialing, генерация случайных телефонных номеров; далее — RDD). Все волны опроса проходят по единой анкете. Респонденты, не прошедшие скрининг,[14] — не-жертвы — отвечают только на часть анкеты, преимущественно из социально-демографических вопросов. Сбор интервью осуществляется до тех пор, пока не будет собрано 3 тыс. анкет жертв преступлений. Опросник начинается с выяснения способа совершения преступления и его контекста, в зависимости от ответов респондент попадает на «имущественный» или «насильственный» трек. После чего следует серия вопросов о преступнике и действиях жертвы (о логике анкеты подробнее см. в [10]). При составлении анкеты преимущество отдано простым дихотомическим вопросам, чтобы минимизировать разночтения и упростить последующую работу с данными. В 2018 г. было опрошено 16 818 респондентов, в 2021 — 14 400, уровень виктимизации взрослого населения России за последние 5 лет в 2018 г. составил 17,8%, а в 2021 г. — 20,8% [14; 52]. Методологический и методический инструментарий RCVS развивается с каждой последующей волной, но сохранение единства подхода и анкеты позволяет сравнивать полученные результаты между собой.

Для исследователей преступности может представлять интерес опыт опросов жертв преступлений на постсоветском про-

[12] Сайт проекта — [50], репозиторий — [51].

[13] CATI — Computer Assisted Telephone Interview — система компьютеризированного телефонного интервью.

[14] Два скрининговых вопроса — «Вспомните, пожалуйста, было ли такое, что вас обокрали, вас побили, вам угрожали, вы стали жертвой насилия, мошенничества или других преступлений в России за последние 5 лет/12 месяцев?».

странстве. За последние десять лет было проведено несколько отдельных страновых опросов под эгидой ICVS[15]: 2015 г. — Кыргызстан, 2018 г. — Казахстан, 2020 г. — Грузия [56], 2021 — Узбекистан. Эти опросы проходили по стандартизированной анкете, что позволяет поместить результаты национальных волн в широкий кросс-страновой контекст. В 2020 г. был проведен общенациональный виктимизационный опрос в Азербайджане [57; 58].

Кросс-секция vs лонгитюд или зачем нужны панельные опросы

Волна 2024 г. RCVS имеет лонгитюдную компоненту: мы опросили давших согласие на повторный контакт респондентов волны 2021 г. три года спустя. Мы получили сведения о повторной виктимизации (или ее отсутствии) для 3456 респондентов. Наблюдение за этими респондентами, не являющимися репрезентативной выборкой взрослого населения страны, ценно тем, что позволяет отделить общие тренды виктимизации в стране от индивидуальных факторов, например, ненаблюдаемой склонности к рискованному поведению.

Рассматривая одних и тех же людей, лонгитюдные опросы позволяют устанавливать причинно-следственные связи между фактом виктимизации и предыдущими или последующими изменениями в поведении, взглядах и предпочтениях респондентов. Понимая ценность этой информации, авторы ведущего виктимизационного опроса США (NCVS) с момента начала сбора данных в 1972 г. задумывали его как лонгитюдный опрос с ротирующейся панелью домохозяйств[16], опрашиваемых каждые пол-

[15] Отчеты ICVS на русском языке: Кыргызстан [53], Казахстан [54], Узбекистан [55].

[16] Отметим, что NCVS является «ограниченной» лонгитюдной панелью: единицей наблюдения в ней выступает адрес домохозяйства, а не конкретный инди-

года [59], а виктимизационный опрос Англии и Уэльса (Crime Survey for England and Wales, CSEW), проводящийся с 1981 г., внедрил лонгитюдную компоненту во время большого обновления лишь после пандемии COVID-19 [60]. Этому обновлению предшествовал трехлетний (с 2003 по 2006 гг.) эксперимент с проведением отдельного лонгитюдного виктимизационного опроса в стране [61]. Интересен опыт Нидерландов, где с 2018 по 2023 гг. проводился виктимизационный лонгитюдный опрос с использованием инфраструктуры онлайн-панели (LISS panel, Victims in Modern Society [62; 63]), первично сформированной на основе общенациональной случайной выборки.

К сожалению, проведение лонгитюдных виктимизационных опросов является скорее исключением, чем правилом — насколько нам известно, нигде, кроме США и Великобритании, таких специализированных опросов системно не проводится. Редкие лонгитюдные сведения о виктимизации появляются благодаря включению в отдельные волны национальных опросов населения вопросов о виктимизации: так происходило в Австралии [64], Мексике [65], Ирландии, Нидерландах [66], постсоветских странах [67]. Однако криминологические блоки в анкетах национальных опросов появляются нерегулярно и сильно ограничены в детальности собираемой информации.

RCVS-2024. Выборка

Кросс-секция. Стратификация

Исследуемая совокупность — совершеннолетние жители России. В качестве основы выборки использовался полный спи-

вид. Выборка обновляется (ротируется) путем периодической замены адресов, вследствие чего каждый респондент может быть опрошен не более семи раз на протяжении трех лет.

сок телефонных номеров в DEF[17] диапазонах, задействованных на территории России. Опрос проводился только по мобильным телефонам[18]. Для построения полного списка номеров использовался реестр российской системы и плана нумерации[19]. Выборка стратифицирована по границам субъектов РФ с учетом часовых поясов и прогнозируемого уровня ответов (Response Rate. Далее — RR). Всего было сформировано 5 страт: «Восток» (часовые пояса +6–9 МСК), «Сибирь» (+3–5), «Урал» (+1–2), «Центр» (-1–0) и «Столицы» (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область). Страта «Столицы» выделена из-за традиционно низкого уровня ответов в крупнейших городах. Размещение выборки телефонных номеров по стратам пропорционально доле совершеннолетнего населения образующих их регионов[20]. Структура стратификации представлена в [37]. При звонке опрашивался человек, взявший трубку.

CATI. Показатели достижимости для RDD и когорты

С 1970-х начинается рост популярности телефонных опросов с RDD-выборками (Random digit dialing, генерация случай-

[17] DEF — телефонный код, присвоенный по негеографическому признаку — часть мобильного номера абонента.

[18] Исследования 2013–2016 гг. показывают, что в телефонных опросах в России лучше использовать двухосновную выборку мобильных и стационарных телефонных номеров [68]. В RCVS 2018 и 2021 гг. использовалась смешенная выборка. Однако к 2024 году практики пользования телефонами в различных возрастных группах заметно изменились и для репрезентации совершеннолетнего населения России достаточно использование только мобильных телефонов. Например, выборка омнибуса ВЦИОМ «Спутник» формируется только из мобильных номеров [69].

[19] Реестр российской системы и плана нумерации (выгрузка по состоянию на 29.11.2024) [70].

[20] Росстат — Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года [71].

ных телефонных номеров). Тотальная телефонизация, с одной стороны, дешевизна и скорость, с другой, позволили телефонным опросам серьезно потеснить традиционные поквартирные обходы f2f . Россия не стала исключением. Так, если в 2014 г. ВЦИОМ собрал 258 935 анкет посредством f2f и 214 730 — CATI, то уже в 2024 г. соотношение изменилось радикально — 30 085 против 1 388 190 анкет соответственно[21].

Опросы жертв преступлений из-за обилия сензитивных вопросов консервативны, но даже среди них за последнее десятилетие виден рост использования альтернатив классическому f2f. Свой вклад внесла и пандемия COVID-19 с беспрецедентными ограничениями физических контактов. Так, виктимизационные опросы 2020–2021 гг. в Англии и Уэльсе, Шотландии и Южной Африке проходили посредством CATI. Он же является основным методом сбора интервью в Австралии, Азербайджане и большинстве страновых волн ICVS (International Crime Victim Survey). В лонгитюдных исследованиях телефонный обзвон зачастую используется для последующих ротаций панели (follow-up), после того как респондент был успешно кооптирован в выборку. Всё более широкое распространение получают смешанные подходы, например, f2f/CATI (Северная Ирландия, США) и различные формы самозаполнения/CATI (Канада, Израиль, Швеция, Нидерланды)[22].

Одновременно с ростом популярности телефонных опросов наблюдается неуклонное снижение уровня достижимости респондентов. Долгосрочное падение метрик происходит вне зависимости от страны проведения опроса, структуры выборки

[21] Данные взяты из доклада Снежаны Евсеевой, руководителя департамента организации исследований ВЦИОМ, представленного на съезде ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89», Нижний Новгород, 2025 г.

[22] В докладе AAPOR 2019 г. отмечена тенденция к очередному транзиту: от CATI к разным форматам самозаполнения анкеты (self-administered) или совмещению разных методов сбора данных (mixed mode). См. табл. 6.2 в [72].

и формы сбора данных [73]. Но поскольку телефонные опросы стали доминирующей формой сбора интервью, то на их результатах общие тенденции видны наиболее ясно. В 2017 году Американская ассоциация исследователей общественного мнения (AAPOR) выпустила доклад «The Future of U.S. General Population Telephone Survey Research» («Будущее телефонных опросов населения США»). Так, согласно AAPOR, общую ситуацию хорошо отражает динамика RR многолетнего опроса потребителей, проводимого Университетом Мичигана, в 1979 г. — 72%, 2003 г. — 48%, 2013 г. — 16%[23]. Средний показатель RR в телефонных опросах Института Гэллапа в период 1997–2017 гг. упал с 28% до 7%; Исследовательского центра Pew за аналогичный период — с 36% до 6% [75; 76]. В России наблюдается аналогичная ситуация[24]. Причём падение уровня ответов обусловлено как снижением коэффициента контактов (Contact Rate, CON), так и снижением кооперации (Cooperation Rate, COOP). Это объясняется не только действиями респондентов, которые стали реже брать трубки при звонках с неизвестных телефонных номеров, или устанавливать специальные приложения, блокирующие спам-звонки, но и действиями операторов связи, активно блокирующих массовые вызовы.

Бум киберпреступности последних лет [15; 78] привел к существенным изменениям законодательства в сфере противодействия киберугрозам, в частности к принятию закона и подзаконных актов «об антифроде», регулирующих борьбу с телефонным и онлайн-мошенничеством. Данная трансформация регуляторной среды напрямую влияет на индустрию колл-центров, марке-

[23] См. [74, p. 13].

[24] О чем свидетельствуют дискуссии на профессиональных конференциях социологов-практиков см., например, доклады на XIII Грушинской социологической конференции, секция «Проблема неответов в турбореальности» [77]. По состоянию на 25 августа 2025 г. ожидаемый RR3 ежедневного опроса ВЦИОМ «Спутник» составляет 7% [69].

тинговых и социологических исследований. Снижение достижимости респондентов и уровня их кооперации является одним из следствий законодательной активности. В Приложении Табл. П1 систематизированы релевантные нормативно-правовые акты, оказывающие влияние на организацию и качество опросов; определены риски с позиций теории общей ошибки исследования (англ. Total Survey Error, TSE) и угроз внутренней и внешней валидности (подробнее данные аспекты рассматриваются далее в тексте).

К середине 2024 г. снижение RR достигло таких масштабов, что время на поиск согласного на участие в опросе респондента значительно превысило время проведения самого интервью. Для сохранения возможности проведения телефонных опросов в индустрии стали массово использоваться два инструмента, повышающих эффективность сбора данных: отсеивание из RDD-выборки заведомо несуществующих телефонных номеров и использование роботизированного рекрута для проведения опроса. В данном опросе отсеивание несуществующих номеров осуществлялось при помощи сервиса Saturn от компании СИИС [79]. Роботизированный рекрут использовался в начале коммуникации с респондентом при помощи аудиозаписи приветствия, информирующего респондента о проведении опроса и предлагающего принять в нём участие. Эти технологии позволяют увеличить результативность работы, но затрудняют корректный расчёт коэффициентов достижимости из-за большого числа единиц отбора, для которых нельзя однозначно определить финальный диспозиционный код (итоговый статус всех попыток дозвона до конкретного абонента).

Для расчета уровня ответов мы использовали стандарт AAPOR для коэффициентов RR3 и COOP1 [80]. Расчеты метрик были скорректированы с учётом использования робота-рекрутера и фильтрации несуществующих номеров. Для RDD-выборки нижняя граница RR3 рассчитана при допущении, что все номера

выборки валидные, а верхняя граница — при условии ответа респондента на звонок. Коэффициент кооперации COOP1 также вычислен двумя способами: консервативная оценка учитывает все сбрасывания на первых секундах ответа абонента, а верхняя граница рассчитана без учета «отказов» на стадии робота-рекрутера. Метрики достижимости для лонгитюдной части выборки рассчитаны стандартным образом. Путь формирования выборки с выбытием потенциальных участников опроса и расчетом метрик достижимости респондентов представлен на Рис. 1.

Анализ мощности и предельная ошибка выборки

Как известно, в конце 2010-х гг. в России самыми часто упоминаемыми респондентами преступлениями стали онлайн- и телефонные преступления [14]. Мы предполагаем, что жертвы киберпреступлений склонны чаще давать ложноположительные (ошибка первого рода, α) или ложноотрицательные (ошибка второго рода, β) ответы об опыте виктимизации. Иными словами, из-за изменения структуры преступности больше опрошенных назвало бы себя жертвами киберпреступлений, хотя в действительности они были жертвами покушений на них, не понеся материального ущерба, $\alpha > 0$. С другой стороны, больше опрошенных отказались бы сообщать о своем действительном опыте виктимизации, не считая его достойным упоминания, $\beta > 0$. В таких условиях традиционные методы расчета ошибки выборки в задаче оценки доли виктимизированных в популяции неприменимы, поскольку предполагают опросный инструмент без ошибок первого или второго рода. Мы использовали подход [81]. Предполагая ошибку первого рода $\alpha = 0{,}5$ (что примерно соответствует доле киберпреступлений в волнах 2021–2024 гг.), ошибку второго рода $\beta = 0{,}05$, превалентность виктимизации в 23%. Таким образом, предельная случайная ошибка при заданных параметрах для кросс-секционной части выборки составила 1,7%, лонгитюдной — 3,1%, объединённой выборки — 1,5%.

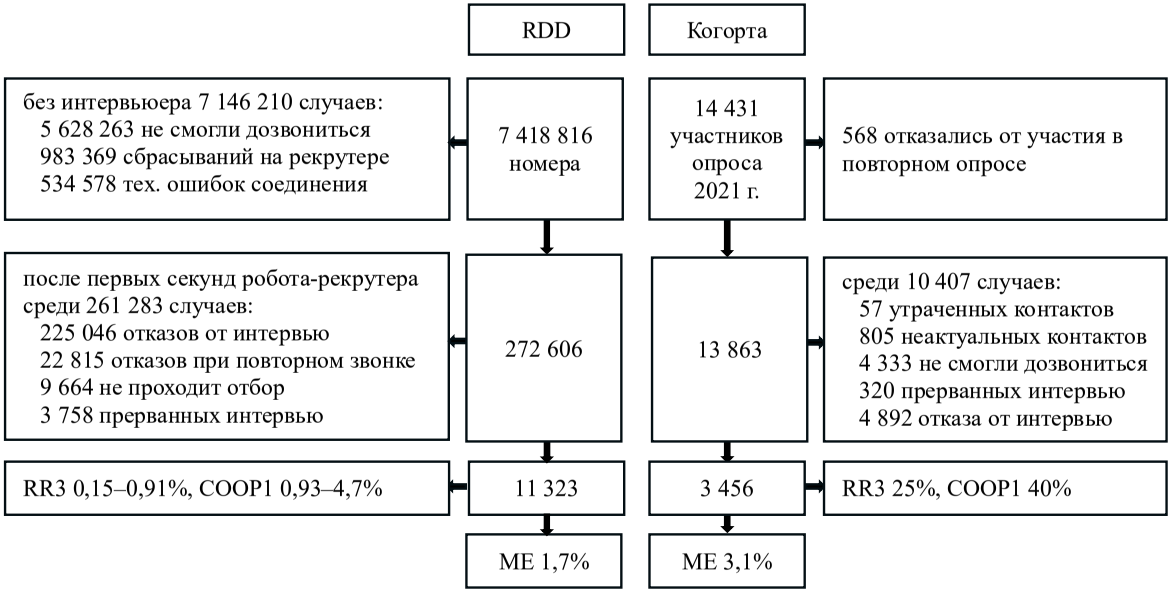

Рис. 1. Диаграмма. Формирование кросс-секционной RDD-выборки 2024 г. и выборки когорты 2021–2024 гг.

Контроль качества выборки. Пилот

Для снижения ошибки измерения проводилась процедура пилотирования инструментария по специальной методике, адаптированной для телефонных опросов[25]. Было проведено, прослушано и закодировано 30 интервью, из них 9 с жертвами преступлений. В результате анализа кодировки интервью и замечаний интервьюеров были выявлены места в анкете, вызывающие наибольшее число прерываний, ошибки в логических переходах между вопросами. По итогу пилотного опроса в анкету были внесены соответствующие изменения.

Контроль качества работы интервьюеров

Для проверки качества собранных интервью было прослушано 10% (RDD: 1143, Когорта: 345) случайно отобранных полных аудиозаписей. Ошибки интервьюеров кодировались в специальных бланках. В результате два интервью было отбраковано.

Карта RCVS

В Табл. 1 собраны ссылки на репозитории данных и производящий код. Каждый репозиторий включает оригинальную анкету, с которой работали интервьюеры, и кодбук (рус./англ.). Сайт проекта: rcvs.enforce.spb.ru/rcvs.

[25] Методика представлена сотрудниками исследовательского центра «Контекст» Лосенкова Н.А. и Галашова Н.Б. в докладе на VII Грушинской социологической конференции. «Исследовательские компетенции интервьюера: возможности и пределы» [82].

Таблица 1

ИНФРАСТРУКТУРА ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Год	**Данные**	**Описание**	**Интеграция**
2018	Кнорре, Титаев [83]	Кнорре, Титаев [52]	Производящий код: https://github.com/irlcode/RCVS. Репликационный пакет объединения 3-х волн кросс-секции и 2-х волн лонгитюда, а также построения трендов виктимизации взрослого населения России. Репозиторий содержит код для подготовки данных из внешних источников и расчета весов. Про логику анкеты см. [10]. Про концептуализацию виктимизации и методологические традиции опросов жертв преступлений см. [84][26].
2021	Кнорре и др. [86]	Серебренников, Титаев [14]	
2024	Кучаков и др. [87]	Настоящая публикация и «парная» Серебренников и др. [15]	
2018–2024	Кучаков и др. [88]	Кучаков и др. [37]	

Валидность

Мы начнем с обсуждения смещений в результатах опроса, рассмотрим статистическую природу неответов, которая определяет характер смещений выборки и их последствия, затем опишем аналитические альтернативы в условиях наличия диспропорции в выборке. Теория общей ошибки (англ. total survey error, TSE) раскладывает смещение выборки на две ветви: ошибку измерения и ошибку репрезентации (Groves и Lyberg 2010). Ошибка измерения касается в первую очередь процедуры операционали-

[26] Полную версию читай в [85].

зации, коммуникации интервьюера с респондентом, интерпретации ответов респондента. Этому аспекту была посвящена значительная часть описания методологии первой волны RCVS [10]. История концептуализации виктимизации в опросах и место RCVS в рамках соответствующей методологической традиции подробно освещены в отдельной публикации [84]. В настоящей работе мы сосредоточимся на одном из основных элементов ошибки репрезентации — неответах и их последствиях (англ. nonresponse bias).

Существует множество способов демонстрации смещения выборки [89]. Одним из таких способов является сравнение выборочных моментов основных социально-демографических характеристик с данными авторитетного источника. В качестве базы сравнения мы используем результаты КОУЖ. Наш выбор обусловлен удобством сопряжения первичных данных опроса и, как будет показано ниже, отсутствием принципиальной разницы между всеми источниками Росстата. В Табл. 3 представлены средние значения для основных переменных двух опросов: первая колонка «Без взвешивания. RDD-2024» и последняя колонка «С взвешиванием. КОУЖ-2024».

Несмотря на случайный отбор респондентов, ожидаемо присутствуют отклонения от целевых значений исследуемой совокупности. В выборке перепредставлены следующие социально-демографические группы: мужчины, состоящие в браке, с высшим образованием, среднего возраста. И недопредставлены: безработные, проживающие в сельской местности, пенсионеры, молодёжь и пожилые люди, лица со средним и неполным общим образованием. Участники виктимизационного опроса также в среднем заявляют более высокий доход.

Диспропорция выборки возникает из-за систематических проблем при сборе данных. Системность означает, что участники опроса в среднем отличаются от людей, которые не участвовали в опросе. Эти различия могут быть вызваны множеством причин,

которые удобно объединить в две большие группы-фазы: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от участия в опросе (частичный/полный, англ. item/unit nonresponse) [90]. В результате исследователям приходится работать с данными, которые обычно представлены в виде таблицы, где часть строк отсутствует, а имеющиеся наблюдения содержат неполную информацию. В настоящем разделе в центре внимания проблема отсутствующих «строк» (англ. unit nonresponse).

Как показывает практика, в той или иной степени эта проблема характерна для любого опроса и напрямую слабо коррелирует с размером случайной выборки и показателями достижимости респондентов [89; 91]. Низкие показатели эффективности сбора данных сигнализируют о возможных проблемах в данных, но не определяют их. Общий взгляд на проблему отсутствующих значений впервые предложил Дональд Рубин [92; 93]. В основе его общепринятой классификации лежит различие в статистической природе механизмов, определяющих паттерны пропусков. Среди них: (1) полностью случайные пропуски (*missing completely at random, MCAR*), когда характер неответов не зависит от данных. (2) Случайные пропуски (*missing at random, MAR*) — неответы не зависят от отсутствующих данных и могут быть объяснены наблюдаемыми переменными. (3) Неслучайные пропуски *(missing not at random, MNAR*; *non-ignorable missing*) — пропуски зависят от отсутствующих данных, что осложняет эмпирическую проверку.

В прикладном аспекте различие между тремя процессами заключается в следующем. Пропуски первого типа при анализе могут быть проигнорированы малой ценой. Пропуски второго типа после коррекции на основе имеющихся данных становятся эквивалентны первому типу. В случае с пропусками третьего типа причина отказов от ответа связана с самими отсутствующими значениями. Такая ситуация возможна, например, при изучении состояния здоровья населения, когда часть неответов может быть

вызвана плохим самочувствием потенциальных респондентов. При исследовании особенностей потребления люди с низким доходом могут чаще отказываться отвечать на вопросы о тратах. Применительно к современным виктимизационным опросам неочевидно, как рост числа телефонных и онлайн- мошенничеств влияет на вероятность участия разных групп населения в опросах, проводимых посредством телефонного обзвона и онлайн-анкетирования.

Какова цена игнорирования неответов? Каждый тип пропусков имеет свои издержки, кумулятивно нарастающие от первого к третьему типу. Подход к анализу, при котором исследуются только полные наблюдения (англ. complete-case и available-case analysis), не приводит к смещению выборочных оценок при условии MCAR, но за счет уменьшения выборки влечет снижение их эффективности и статистической мощности. При пропусках типа MAR оценки будут смещены. При игнорировании неигнорируемых отказов от ответов — MNAR — под вопросом окажется внутренняя валидность исследования.

Одним из внешних источников угроз для качества и полноты опросных данных является ужесточение регуляторной борьбы с киберпреступностью. В Табл. П1. выделены несколько рисков: увеличение стоимости сбора данных, рост ошибки покрытия (англ. coverage error) и ошибки выборки (англ. sampling error), падение уровня достижимости участников опроса и их кооперации, а также рост вероятности неигнорируемых неответов (MNAR).

Рассмотрим несколько подходов к коррекции диспропорции выборки после сбора данных (ex-post) с учетом механизма неответов

Во-первых, исследователь может работать с данными в том виде, в котором они были собраны. В случае с RCVS это может означать одновременное игнорирование трех проблем: 1) систематических отказов от участия в опросе, 2) иссякания панели,

3) неполных ответов. Тем не менее, это самый частый выбор при работе с результатами любого опроса. Выборочные оценки в таком случае будут несмещенными только при условии MCAR. Это малореалистичный сценарий. Но в зависимости от исследовательской задачи, доступности и качества внешних/метаданных, необходимых для коррекции, а также цены альтернативных искажений — это может быть не худшим решением [94].

Во-вторых, взвешивание — расчет для наблюдений весовых коэффициентов, равных обратной вероятности отбора [95; 96; 97]. В качестве «вероятности отбора» может выступать знание о структуре исследуемой совокупности. В таком случае задача сводится к приведению выборочных частот к ожидаемым. При случайном отборе обратное взвешивание вероятностей (Inverse Probability Weighting, IPW) обеспечивает несмещенность выборочных оценок [98]. Взвешивание редко используется для коррекции неответов на отдельные вопросы. Этот подход требует надежных данных об исследуемой совокупности и эффективен при пропусках типа MAR. Если отказ от ответа зависит только от наблюдаемых характеристик, даже при исключении из анализа неполных наблюдений смещение оценки будет уменьшено [93; 99]. Расчет весов после проведения опроса принято называть пост-стратификацией или калибровкой. Как показывает мета-анализ результатов регулярных национальных опросов с RDD-выборками за период с 1996 по 2015 гг., классическая пост-стратификация успешно уменьшает смещение [100]. Применение весов, как правило, приводит к росту дисперсии в выборке в рамках разрешения дилеммы «дисперсия-смещение»[27].

[27] Это не всегда так. Как теоретически [101], так и практически [102] показано, что если для расчета весов используются данные, предсказывающие вероятность участия в опросе и одновременно связанные с переменной исследовательского интереса, то уменьшатся и смещение, и дисперсия оценок. Часто для этой роли подходят метаданные опроса.

В-третьих, множественная импутация (англ. multiple imputation, MI) данных [92; 99] является современным стандартом работы с неответами на отдельные вопросы. Однако при работе с отказами от интервью этот метод используется гораздо реже [103][28]. Основная идея множественной импутации — восстановление отсутствующих значений на основе анализа паттерна пропусков и внутренних зависимостей в имеющихся данных. Меньшая востребованность метода для восстановления отказов от интервью объясняется тем, что чем меньше информации о респонденте, тем менее эффективна коррекция на её основе. Обычно используются данные только самого опроса, но возможна и интеграция однородных выборок в качестве источника внешней вариации. Регулярной практикой является совмещение в разных спецификациях множественной импутации (MI) и взвешивания (IPW) [106; 107; 108]. Данный подход требует соблюдения условия MAR.

В-четвертых, можно учесть смещения выборки при выборе спецификации модели на стадии анализа, например, используя модели выбора [109; 110]. Модель Хекмана проще всего представить в виде системы двух уравнений, где первое уравнение отвечает за отбор наблюдений, тем самым балансируя выборку, а второе — за оценку взаимосвязи между переменными[29]. В контексте обсуждения взвешивания (IPW) можно отметить сходство моделирования в стиле Хекмана с семейством моделей оценки эффекта с учетом склонности (англ. propensity score [111; 112; 113]) и методом инструментальных переменных.

[28] См. программную реализацию для R [104] и SPSS [105].

[29] Применение этих моделей требует соблюдения ряда условий. Уравнение выбора корректирует смещения, но результат моделирования будет валидным только при независимости (экзогенности) переменных отбора и переменных уравнения результата. На практике это сильное требование.

Обратная величина propensity score — это и есть IPW[30]. Пропоненты байесовского направления в статистике выступают за использование многомерного моделирования как альтернативы взвешиванию при анализе опросных данных [115]. Развернутый обзор полупараметрических и непараметрических альтернатив можно найти в [99, гл. 15; 116]. Данный подход востребован при работе с неслучайными или неигнорируемыми пропусками (missing not at random, MNAR)[31].

Первая опция — работать с данными в том виде, в котором они были собраны — остается всегда в распоряжении исследователя. Вторую опцию мы рассмотрим подробнее далее в тексте. Третья опция — множественная импутация — не является типичным решением для восстановления полных отказов от интервью. Четвертая опция — моделирование — требует концентрации на конкретной переменной исследовательского интереса. Из всех альтернатив для коррекции данных RCVS было выбрано взвешивание. Этот подход предоставляет наиболее универсальное и нейтральное решение, как в плане потенциального круга приложений, так и широты охвата исследовательской аудитории.

Пост-стратификация, калибровка, рэкинг

Выбрав взвешивание (IPW) как методическую основу для опроса, мы должны определиться с процедурой расчета весовых коэффициентов.

[30] Более подробно о связи и генезисе трех аналитических подходов к решению одной и той же проблемы можно найти в [114, гл. 4].

[31] Одним из проявлений неслучайных пропусков является проблема самоотбора — центральная ось квази-экспериментальных методов современной эконометрики.

Пост-стратификация

Как провести взвешивание и в чем отличия между пост-стратификацией и калибровкой? Часто эти два термина используются как синонимы. Нам представляется осмысленным провести разграничение этих двух техник вслед за [117]. Это поможет яснее описать реализованный подход в RCVS. Обе процедуры требуют выбора переменных для коррекции, а также знания о структуре исследуемой совокупности. Классическая процедура вычисления весов представлена в уравнении (1), где $w_{i,k}$ — это индивидуальный вес респондента (i), принадлежащего к определенной социальной группе (k), P — доля таких респондентов в генеральной совокупности (целевое значение), p — выборочное значение.

$$w_{i,k} = \frac{P_{i,k}}{p_{i,k}} \ \#(1)$$

Величины $P_{i,k}$ и $p_{i,k}$ можно выбрать разными способами. Разберем на примере. Как следует из Табл. 3, в нашей выборке перепредставлены мужчины и люди среднего возраста. Для устранения смещения мы можем взять пол и возраст (возрастную группу) в качестве двух независимых измерений или одного совместного половозрастного распределения. В первом случае нам потребуется последовательно рассчитать веса для каждой переменной в отдельности, учитывая на каждом новом шаге результаты предыдущего. Итоговый вес будет равен произведению всех $w_{i,k}$. В случае с половозрастным распределением мы используем уравнение (1) единожды.

Этот алгоритм используется для расчета весов в таких значимых опросах населения России, как КОУЖ (Росстат), РМЭЗ (НИУ ВШЭ), Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ ЦБ РФ)[32].

[32] Пост-стратификационные веса кросс-секционной части РМЭЗ и ВОДПФ включают совместное распределение типа населенного пункта проживания

Алгоритм пост-стратификации имеет несколько важных ограничений. Во-первых, результат зависит от порядка взвешивания. Итоговый вес для пола и возраста отличается от произведения весов для возраста и пола. Во-вторых, вычисление весов осуществляется последовательно, таким образом, каждая переменная участвует только единожды и охватывает всю выборочную совокупность (взаимоисключаемость). В-третьих, использование совместных распределений имеет мультипликативную размерность $P_{i,k}$: что проще всего представить, как добавление очередного «входа» в таблице сопряженности: пересечение пола и возраста в нашей выборке даст 10 ячеек, если добавить измерение образования — 30, и т. д. Это требует детализированных авторитетных данных, которые пригодны в качестве целевых значений.

Из мультипликативного характера процесса следует четвертое ограничение — высокая размерность совместного распределения порождает проблему сензитивности $p_{i,k}$. Каждая ячейка такой таблицы, построенной на основе выборочных данных, представляет определенную социальную группу, например мужчины среднего возраста с высшим образованием. Если таких наблюдений слишком мало, то в силу случайной вариации или ошибок вероятны нехарактерные ответы и экстремальные значения, которые будут усилены взвешиванием[33].

респондента, пола и возраста. Подробнее см. [118] и [119]. На русском языке развернутое описание процедуры можно найти в [97].

[33] В прикладном аспекте это означает, что в каждой ячейки многомерной таблицы сопряженности, построенной на основе выборочных данных, должно быть не менее k наблюдений. На практике к решению этой проблемы подходят с двух сторон. Во-первых, при подготовке выборочных распределений может быть установлено правило: если наблюдений в подвыборке меньше определенного порога, то происходит или снижение размерности (переход от половозрастного распределения к независимым распределениям пола и возраста), или схлопывание «близких» ячеек-групп. Во-вторых, можно корректировать не частоты в подвыборках, а ограничивать максимальные значения вычисленных на их основе весов.

Калибровка

Можно ли преодолеть ограничения пост-стратификации? По крайней мере первые два ограничения — инвариантность и взаимоисключаемость — могут быть ослаблены при использовании алгоритма рэкинга (raking).

Это итеративный алгоритм, обобщающий классическую процедуру взвешивания на многомерный случай [120; 121]. В примере с независимыми распределениями «пола» и «возраста» алгоритм будет циклически вычислять веса по описанной выше процедуре до сходимости. То есть, до момента, когда в предельных выборочных частотах с учетом весов перестают наблюдаться значимые отличия от целевых показателей. В результате мы получаем , которые являются продуктом множественной итерации всех измерений, требующих коррекции. В этом смысле такой вес является компромиссом[34] коррекции в многомерном признаковом пространстве. Из самой природы итеративной «подгонки» весовых коэффициентов следует и видовое название процедуры — калибровка.

Заметим, что рэкинг, как и пост-стратификация, ограничен необходимостью наличия детализированных авторитетных данных об исследуемой совокупности и сензитивностью в малых подвыборках.

В работе мы использовали открытую библиотеку *autumn* для языковой среды R[35]. Альтернативные решения для R с исчерпы-

[34] В некоторых ситуациях компромиссное решение может быть недостатком. Пост-стратификацию можно охарактеризовать как *brute force approach* — в независимости от последствий исходные данные в выбранном частном распределении будут точно соответствовать последнему целевому распределению, что не всегда верна для рэкинга.

[35] *autumn* [122]; *survey*: Analysis of Complex Survey Samples [123]; *PracTools*: Designing and Weighting Survey Samples [124].

вающим теоретическим и практическим описанием создания дизайна выборки можно найти в [125] и [96].

Определив процедуру расчета весов, перейдем к описанию данных о взрослом населении России, которые являются целевыми значениями для RCVS.

Внешние данные для калибровки

В качестве авторитетного источника сведений о социально-демографических характеристиках населения России используются данные Росстата. Информация о половозрастной структуре населения в региональном разрезе взята из одноименных сборников[36], о структуре населения по образованию — из переписи 2020 г. (далее — ВПН)[37]. При расчете пропорций исключались люди младше 18 лет. Выбранные характеристики агрегировались на уровне федеральных округов. Москва и Санкт-Петербург выделены в отдельные сущности.

Для аппроксимации численности населения ряда регионов, для которых нет официальной информации, использованы данные Центральной избирательной комиссии о численности избирателей на момент проведения президентских выборов в марте 2024 г.[38] В качестве пропорций половозрастной и образовательной структуры населения использованы усреднённые значения по всем федеральным округам без учета Москвы и Санкт-Петербурга[39].

---

[36] Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года [126].

[37] Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 3. Образование» [127].

[38] Вестник центральной избирательной комиссии. Число избирателей, включенных в списки избирателей на момент окончания голосования [128].

[39] Исходные частоты и целевые пропорции представлены в приложении к работе [37] и размещены в публичном репозитории проекта [129].

Ограничения данных Росстата

В настоящей работе используется несколько видов данных Росстата. Смещения выборки демонстрируются на выборочных моментах КОУЖ. В качестве целевых распределений для калибровки весов используются сведения из статистических сборников и итогов всероссийской переписи населения. Обратим внимание на возможный методологический риск. Все три источника данных взаимосвязаны. Сведения из ежегодных сборников о численности населения России в период между переписями складываются из двух компонентов. Первый компонент — это результаты последней всероссийской переписи. Второй — ежегодная сумма естественного и миграционного приростов[40]. В свою очередь, дизайн выборки КОУЖ и веса для её пост-стратификации, рассчитываются на основе итогов переписи.

Из сказанного следует два вывода. Во-первых, нет существенной разницы в выборе источника данных в качестве бенчмарка в рамках экосистемы Росстата. Во-вторых, от качества результатов переписи зависит надежность данных других источников, даже опросных. Среди основных претензий к переписи 2020 г. исследователи [131; 132] указывают на проведение переписи в разгар пандемии COVID-19, значительную часть населения, не принявшую личного участия в опросе и широкое использование административных данных. По сравнению с ВПН-2010 наблюдается кратный рост доли людей, не указавших уровень образования (16,9%[41]), брачный статус (15,4%) [131], национальную принадлежность (11,6%) и страну рождения (16,1%) [132]. Среди аномальных изменений

[40] Приказ Росстата от 03.06.2010 N 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения» [130].

[41] Здесь и далее в перечислении социально-демографических характеристик в круглых скобках указан процент от всего населения России по результатам ВПН-2020 г.

отмечают увеличение доли одиночных домохозяйств с 25,7% до 41,8% за десятилетие [133].

Опыт калибровки RCVS. Отбор переменных. Результат для RDD-выборки

При расчете постстратификационных весов у нас было несколько степеней свободы. Первая состояла в том, какие измерения следует отобрать для калибровки. Вторая — какой уровень детализации совместных распределений следует предпочесть. На старте было выбрано несколько основных переменных, распределения которых отличаются от значений исследуемой совокупности. Мы остановились на возрасте, поле и высшем образовании (см. Табл. 3). Как представляется авторам, значимость этих характеристик наиболее универсальна. Также для коррекции была добавлена региональная структура населения[42].

Далее опытным путем был выявлен предел глубины совместных распределений в нашей выборке. Так, если установить порог в 30 наблюдений для каждой подвыборки, то даже при сопряжении региона проживания и пола респондента, правилу будет соответствовать только 54 субъекта из 89. Поэтому все социально-демографические характеристики населения были агрегированы на уровне федеральных округов, где Москва и Санкт-Петербург представлены отдельными сущностями. Из тех же соображений были объединены две наиболее молодых возрастных категории «18–24» и «25–34». При расчете весов был установлен предел для коэффициента равный 5 — при его превышении наблюдению присваивалось пороговое значение.

[42] Результаты опроса 2024 г. не требуют региональной коррекции. В волне 2024 г. в отличие от предыдущих волн была сделана стратификация на уровне укрупнённых федеральных округов, это позволило получить сбалансированные результаты в региональном разрезе. Мы добавили данное измерение для консистентности подхода к калибровке всех 3-х волн RCVS.

В Табл. 2 в первой колонке указан набор измерений для коррекции смещений: через дефис указаны совместные распределения, независимые — через «&». Колонка $deff_{kish}$ содержит эффект дизайна выборки по Кишу[43]. Показатель *deff* сообщает об общем состоянии структуры выборки после применения весов отдельных переменных. Напомним, что взвешивание, как правило, приводит к росту дисперсии в выборке, *deff* позволяет контролировать этот процесс.

В колонках «Выборка» указаны средние выборочные оценки, «С весом» — оценки после взвешивания, «SMD» — стандартизированная разница средних (Standardized mean differences, SMD) до/после взвешивания [134][44]. Указанные три колонки призваны продемонстрировать масштаб коррекции.

Колонка КОУЖ добавлена для ориентации и напрямую не является целевым значением. Блок «Жертва, 5 лет» добавлен в качестве группы контроля, по которой отслеживалось влияние взвешивания на основную переменную опроса.

Опираясь на метрики Табл. 2, мы отобрали следующую конфигурацию переменных для итоговой калибровки: Регион — Федеральный округ-Возраст-Пол — Федеральный округ-Высшее образование.

В Табл. 3 представлены основные социально-демографические характеристики после взвешивания. Комментируя Табл. 3, мы отмечали, что в выборке перепредставлены респонденты: мужчины, состоящие в браке, с высшим образованием,

[43] Метрика эффективности дизайна выборки является отношением дисперсии исследовательской выборки к простой случайной. При $deff_{kish} = 1$ выборочный дизайн так же эффективен как при простой случайной выборке.

[44] SMD используется для оценки величины эффекта. Более подробно о связи SMD с другими оценщиками размера эффекта — d Коэна, Δ Гласса и g Хеджа — см. [134]. Интерпретируется как эвристика: значение $SMD = 0{,}1$ приблизительно соответствует 0,05 корреляции Мэтьюса (MCC) [135] и часто выступает как порог значимости эффекта.

Таблица 2

МЕТРИКИ ОТБОРА ПЕРЕМЕННЫХ ДЛЯ РАСЧЕТА ВЕСОВ

		Мужчина				**Высшее образование**				**Жертва, 5 лет**		
Набор переменных	*deff*	КОУЖ	Выб.	Вес	SMD	КОУЖ	Выб.	Вес	SMD	Выб.	Вес	SMD
ФО-Возраст-Пол	1,167	0,448	0,521	0,456	0,13	0,353	0,546	0,529	0,035	0,237	0,232	0,013
ФО-Возраст-Пол & ФО-Высшее обр.	1,384	0,448	0,521	0,455	0,132	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,228	0,021
ФО-Высшее обр.	1,274	0,448	0,521	0,531	-0,02	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,228	0,021
Регион	1,086	0,448	0,521	0,522	-0,003	0,353	0,546	0,544	0,005	0,237	0,234	0,008
Регион & ФО-Возраст-Пол	1,237	0,448	0,521	0,456	0,13	0,353	0,546	0,529	0,035	0,237	0,23	0,016
Регион & ФО-Возраст-Пол & ФО-Высшее обр.	1,456	0,448	0,521	0,455	0,133	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,227	0,025

Прим.: ФО — федеральный округ, где Москва и Санкт-Петербург представлены отдельными сущностями. Данные КОУЖ приведены для наглядности и не являлись целевыми значениями при калибровке.

среднего возраста, с более высоким доходом. И недопредставлены респонденты: безработные, проживающие в сельской местности, пенсионеры, молодёжь и пожилые люди, лица со средним и неполным общим образованием.

Теперь мы можем сравнить полученные результаты в формате: «было» (колонка «Исходные данные») — «стало» («RDD-2024. Все») — «ориентир» («КОУЖ 2024»). Улучшилась ситуация с представленностью респондентов мужчин, состоящих в браке, одиночек, жителей сельской местности, безработных и пенсионеров. Удачно скорректирован среднемесячный доход. Возрастная структура выборки стала более сбалансированной. Что касается структуры образования, то ситуация изменилась неоднородно: улучшилась пропорция людей с высшим и средним образованием, но ухудшилась — со средним специальным образованием. В целом мы оцениваем данный результат позитивно. Рассчитанные веса балансируют большинство наблюдаемых смещений[45].

Лонгитюдное исследование

Каждая панель начинается с кросс-секционной волны, при этом возникают дополнительные сложности. Проиллюстрируем это на примере. Наша целевая совокупность — все совершеннолетние жители страны. В 2021 г. прошел первый опрос будущей когорты. Такая выборка в идеале должна без искажений отражать многообразие исследуемой вселенной населения в миниатюре. Однако на практике это случается редко и необходима коррекция. Теперь добавим к сбалансированной выборке временное измерение: через три года мы должны опросить тех же респондентов повторно. Опыт RCVS следующий: в опросе 2021 г. 96% респондентов согласилось принять участие в сле-

[45] Переменная в данных — *weight*.

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗВЕШИВАНИЯ RDD-ВЫБОРКИ

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Мужчина	0,519 (0,51-0,528)	0,453 (0,442-0,464)	0,449 (0,426-0,472)	2665	0,455 (0,442-0,468)	8589	0,448 (0,444-0,452)
Возраст	47,092 (46,8-47,384)	48,245 (47,868-48,622)	45,169 (44,42-45,918)	2665	49,142 (48,709-49,575)	8589	48,692 (48,56-48,824)
Женат/замужем	0,616 (0,607-0,625)	0,575 (0,564-0,586)	0,549 (0,526-0,572)	2665	0,583 (0,57-0,596)	8589	0,542 (0,538-0,546)
Живет один/одна	0,233 (0,225-0,241)	0,248 (0,238-0,258)	0,257 (0,237-0,277)	2665	0,246 (0,235-0,257)	8589	0,271 (0,267-0,275)
Живет в сельской местности	0,189 (0,182-0,196)	0,222 (0,213-0,231)	0,176 (0,158-0,194)	2537	0,236 (0,225-0,247)	8146	0,245 (0,242-0,248)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Безработный	0,318 (0,309-0,327)	0,391 (0,38-0,402)	0,34 (0,318-0,362)	2647	0,406 (0,394-0,418)	8550	0,365 (0,361-0,369)
Получает пенсию	0,222 (0,214-0,23)	0,276 (0,266-0,286)	0,214 (0,195-0,233)	2665	0,295 (0,283-0,307)	8589	0,319 (0,315-0,323)
Размер домохозяйства, чел.	2,693 (2,665-2,721)	2,664 (2,63-2,698)	2,573 (2,506-2,64)	2665	2,69 (2,65-2,73)	8589	2,544 (2,533-2,555)
Совокупный месячный доход домохоз.	102,223 (100,374-104,072)	87,905 (85,856-89,954)	91,126 (87,021-95,231)	1913	86,856 (84,492-89,22)	5576	75,263 (74,892-75,634)
Ежем. доход на члена домохоз.	46,431 (45,408-47,454)	40,582 (39,46-41,704)	44,123 (41,651-46,595)	1913	39,43 (38,184-40,676)	5576	34,033 (33,856-34,21)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Возрастная группа							
18-34	0,222 (0,214-0,23)	0,241 (0,232-0,25)	0,289 (0,268-0,31)	2665	0,227 (0,216-0,238)	8589	0,217 (0,214-0,22)
35-49	0,372 (0,363-0,381)	0,301 (0,291-0,311)	0,333 (0,312-0,354)	2665	0,291 (0,279-0,303)	8589	0,334 (0,33-0,338)
50-64	0,238 (0,23-0,246)	0,244 (0,234-0,254)	0,219 (0,2-0,238)	2665	0,251 (0,24-0,262)	8589	0,234 (0,231-0,237)
65+	0,168 (0,161-0,175)	0,214 (0,205-0,223)	0,159 (0,142-0,176)	2665	0,23 (0,219-0,241)	8589	0,215 (0,212-0,218)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Уровень образования							
Полное среднее и ниже	0,144 (0,138-0,15)	0,221 (0,212-0,23)	0,191 (0,173-0,209)	2665	0,23 (0,219-0,241)	8589	0,46 (0,456-0,464)
Среднее спец-ное/ техническое или нач-ное профес-ное	0,31 (0,301-0,319)	0,478 (0,467-0,489)	0,482 (0,459-0,505)	2665	0,476 (0,463-0,489)	8589	0,187 (0,184-0,19)
Высшее и незаконченное высшее	0,546 (0,537-0,555)	0,301 (0,291-0,311)	0,327 (0,306-0,348)	2665	0,294 (0,282-0,306)	8589	0,353 (0,349-0,357)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Уровень дохода							
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0,071 (0,066-0,076)	0,09 (0,083-0,097)	0,097 (0,083-0,111)	2583	0,087 (0,08-0,094)	8134	
На продукты хватает, на одежду нет	0,2 (0,192-0,208)	0,234 (0,224-0,244)	0,269 (0,249-0,289)	2583	0,223 (0,212-0,234)	8134	
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0,317 (0,308-0,326)	0,318 (0,307-0,329)	0,327 (0,305-0,349)	2583	0,315 (0,303-0,327)	8134	
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	0,29 (0,281-0,299)	0,251 (0,241-0,261)	0,229 (0,21-0,248)	2583	0,258 (0,247-0,269)	8134	

Окончание табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		RDD-2024					КОУЖ 2024
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0,07 (0,065-0,075)	0,058 (0,053-0,063)	0,049 (0,039-0,059)	2583	0,061 (0,055-0,067)	8134	
Можем позволить себе практически все: квартиру и т.д.	0,052 (0,048-0,056)	0,049 (0,044-0,054)	0,029 (0,021-0,037)	2583	0,056 (0,05-0,062)	8134	

Прим.: в круглых скобках указаны значения 95% доверительного интервала. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неответов. CI для данных КОУЖ из-за 100 тыс. выборки имеет крайне узкие значения и поэтому не приводится. Данные КОУЖ приведены для взрослого населения страны с учетом весов. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неответов. Изменена группировка возраста: категории «18–24» и «25–34» объединены в одну «18–34».

дующей волне опроса, но по факту был опрошен только каждый четвертый. Уменьшение лонгитюдной выборки принято называть иссяканием панели (англ. panel attrition). За три года оно составило 75%[46]. При таком количестве отсутствующих ответов вероятно появление новых источников смещений. Несмотря на явное усложнение ситуации, часто исследователи игнорируют этот вызов [137].

Основные причины, по которым отсутствуют данные в панельном опросе, те же, что и для кросс-секции: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа [90]. Но чем продолжительней лонгитюд, тем сильней специфические факторы роста числа неответов, такие как миграция, смерть или тяжелая болезнь участника панели, отсутствие долгосрочных обязательств, выгорание и др. (обзор см. в [138; 139]). Лонгитюдная часть RCVS состоит только из двух волн, поэтому здесь мы сосредоточимся только на общих проблемах смещения. Метаданные опроса когорты позволяют декомпозировать эффект смещения. Сформулируем это в терминах взвешивания[47]:

$$w_i(t) = w_{i,t_{2021}} \frac{1}{c_i(t) r_i(t)} \quad \#(2)$$

где $w_i(t)$ — итоговый вес каждого наблюдения в панели, аргумент обозначает переход между опросом 2021 г. и 2024 г. $w_i(t)$ является произведением трех множителей: 1) $w_{i,t_{2021}}$ — кросс-секционного веса респондента в «базовой» волне 2021 г.,

[46] Насколько это много? Если обратиться к опыту РМЭЗ, то кумулятивный коэффициент иссякания к моменту проведения 4-й волны составил 37% [136, upplemental Material]. РМЭЗ стартовал в 1994 г., сбор данных проводится ежегодно, но в 1997 г. опрос не состоялся, поэтому данные приведены за первые 4 года. При этом речь идет о середине 90-х, когда метрики достижимости респондентов были значительно выше.

[47] Мы опирались в первую очередь на опыт расчета панельных весов для European Community household panel (ECHP) [140; 141] и Household, Income and Labour Dynamics in Australia (HILDA) [142].

2) инверсией $c_i(t)$ — вероятности контакта с участником панели, и 3) инверсией $r_i(t)$ — вероятности повторного участия в опросе.

Расчет кросс-секционного веса в RCVS идентичен для всех 3-х волн, поэтому рассмотрим два оставшихся компонента.

Иссякание панели. Вероятность контакта

На вероятность успешного контакта интервьюера с потенциальным респондентом могут влиять разные обстоятельства. В литературе выделяют несколько групп факторов [138; 141; 142; 143; 144]. Например, социально-демографические характеристики самого интервьюера (пол, возраст, образование и пр.), его профессиональные (опыт работы, навыки) и личностные качества (мотивация, особенности характера), а также взгляды и убеждения. Условия работы и прилагаемые усилия (количество попыток, рабочая нагрузка). Методика сбора данных и непосредственные обстоятельства опроса (дата, время, социокультурный и локальный контекст).

При оценке можно отчасти обойти проблему принципиальной ненаблюдаемости и сложности операционализации многих из перечисленных выше факторов. Например, индивидуальные особенности интервьюеров, дней обзвона и регионов проживания респондентов можно учесть, включив в модель соответствующие фиксированные эффекты [145][48]. Так мы и поступили (см. уравнение (3)), использовав метаданные когортной выборки. Всего для сбора 3 456 интервью было совершено 78 178 звонков 13 806 участникам предыдущей волны. 76% звонков были результативны — интервьюер установил контакт с нужным человеком.

[48] В процитированной работе фиксированные эффекты интервьюеров используются в качестве источника экзогенной вариации в стиле модели Хекмана. Это позволило авторам улучшить оценку распространенности ВИЧ-инфекции в Замбии.

$$\delta_{ikt}(t) = \beta_o + interviewer_k + date_t + region_i + \epsilon_{ikt} \quad \#(3)$$

где $\delta_{ikt}(t)$ — факт успешного контакта интервьюера[49] k с участником панели i в момент времени t; $interviewer_k$ — фиксированные эффекты интервьюеров, $date_t$ — фиксированные эффекты дней контакта, $region_i$ — фиксированные эффекты регионов мобильных операторов.

С помощью представленной модели была предсказана индивидуальная вероятность контакта для каждого участника панели (ответивших на звонок и неответивших). Полученный результат является оценкой $c_i(t)$. Взвешивание по обратной вероятности соответствует величине $1/c_i(t)$[50].

Заметим, что при проведении панельного опроса у интервьюеров был фиксированный лист потенциальных респондентов и отсутствовали строгие временные рамки обзвона. В таких условиях эффективность сбора данных ощутимо зависит от усилий интервьюера и его индивидуальных качеств, и, конечно, бюджетных ограничений заказчика. Об этом косвенно свидетельствует и гораздо более зашумленная аналогичная оценка, полученная для RDD-выборки (в результате от неё мы отказались).

Иссякание панели. Вероятность участия в опросе

В Табл. 4 представлены социально-демографические характеристики участников опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос через три года. Сопоставим социальный портрет людей, принявших участие во второй волне лонгитюдного

[49] В эту категорию включены все попытки дозвона, которые окончились «снятием трубки» участником опроса 2021 г. Более подробно о группировке первичных статусов звонков см. в приложении к работе [37].

[50] Как и при калибровке кросс-секционного веса, мы установили верхнею границу для веса в 5 — при его превышении наблюдению присваивалось пороговое значение.

исследования, с портретом неучаствовавших. Все характеристики указаны на момент 2021 г. В последней колонке таблицы приведены результаты оценки регрессии факта повторного участия респондента в опросе на его социально-демографические характеристики. Из чего следует, что в выборке 2024 года перепредставлены респонденты: мужчины, с высшим образованием, средним доходом, средней и старшей возрастных групп; и недопредставлены — одиночки, проживающие в сельской местности. Примечательно, что профиль выбытия наблюдений в RCVS схож с аналогичным паттерном четырех волн лонгитюдного проекта «Ценности в кризисе» 2020–2022 гг.[51] [146].

Для коррекции данного смещения можно использовать индивидуальную вероятность участия каждого респондента в повторном опросе. Для этого оценим уравнение (4) с помощью логит-модели:

$$\alpha_i(t) = \beta_o + \gamma' \boldsymbol{x_i} + region_i + \epsilon_i \quad \#(4)$$

где $\alpha_i(t)$ — факт участия респондента в двух волнах панели 2021–2024 гг., x_i — вектор социально-демографических характеристик респондента по состоянию на 2021 г., включающий пол, семейное положение, возраст, уровень образования, рабочий статус, доход, факт ведения одиночного домохозяйства и проживания в сельской местности; $region_i$ — фиксированные эффекты регионов проживания респондентов.

Теперь с помощью оцененной модели мы можем предсказать индивидуальные вероятности для каждого наблюдения в выборке. Примем эти значения за величину $r_i(t)$.

При оценке уравнения 3 необходимо указать на два ограничения. Первое, в момент проведения опроса у нас никогда нет непосредственной информации, почему одни люди отвечают, а другие нет. Эта модель — аппроксимация, основанная на наблюдаемых

[51] «Ценности в кризисе» (англ. «Values in Crisis International»). Данные доступны в репозитории [147].

Таблица 4

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ 2021 Г., ПРИНЯВШИХ И НЕ-ПРИНЯВШИХ ПОВТОРНОЕ УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ 2024 Г.

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.		
	Среднее	n	Среднее	n	Бета
Мужчина	0.472 (0.462-0.482)	10405	0.49 (0.473-0.507)	3455	0.021 (0.009)**
Возраст	44.363 (44.059-44.667)	10405	44.878 (44.396-45.36)	3455	
Женат/замужем	0.595 (0.586-0.604)	10405	0.639 (0.623-0.655)	3455	0.006 (0.008)
Живет один/одна	0.205 (0.197-0.213)	10405	0.173 (0.16-0.186)	3455	-0.028 (0.012)**
Живет в сельской местности	0.253 (0.245-0.261)	10405	0.21 (0.196-0.224)	3455	-0.021 (0.009)**
Безработный	0.362 (0.353-0.371)	10405	0.31 (0.295-0.325)	3455	-0.015 (0.009)
Получает пенсию	0.253 (0.245-0.261)	10405	0.236 (0.222-0.25)	3455	0 (0.015)
Размер домохозяйства, чел.	2.819 (2.789-2.849)	10405	2.866 (2.817-2.915)	3455	
Совокупный месячный доход домохоз.	72.681 (71.048-74.314)	6186	77.291 (74.72-79.862)	2260	
Ежем. доход на члена домохоз.	32.8 (31.857-33.743)	6186	33.579 (32.159-34.999)	2260	

Продолжение табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.		
	Среднее	n	Среднее	n	Бета
Возрастная группа					
18-34	0.312 (0.303-0.321)	10405	0.266 (0.251-0.281)	3455	ref.
35-49	0.327 (0.318-0.336)	10405	0.379 (0.363-0.395)	3455	0.048 (0.01)***
50-64	0.229 (0.221-0.237)	10405	0.235 (0.221-0.249)	3455	0.047 (0.014)***
65+	0.133 (0.126-0.14)	10405	0.12 (0.109-0.131)	3455	0.044 (0.021)***

Продолжение табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.		
	Среднее	n	Среднее	n	Бета
Уровень образования					
Полное среднее и ниже	0.214 (0.206-0.222)	10405	0.15 (0.138-0.162)	3455	ref.
Среднее спец-ное/ техническое или нач-ное профес-ное	0.377 (0.368-0.386)	10405	0.331 (0.315-0.347)	3455	0.021 (0.011)*
Высшее и незаконченное высшее	0.409 (0.4-0.418)	10405	0.518 (0.501-0.535)	3455	0.085 (0.011)***
Уровень дохода					
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0.107 (0.101-0.113)	9947	0.086 (0.076-0.096)	3322	ref.
На продукты хватает, на одежду нет	0.265 (0.256-0.274)	9947	0.24 (0.225-0.255)	3322	0.007 (0.014)
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0.334 (0.325-0.343)	9947	0.352 (0.336-0.368)	3322	0.025 (0.015)*

Окончание табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.		
	Среднее	n	Среднее	n	Бета
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	0.191 (0.183-0.199)	9947	0.225 (0.211-0.239)	3322	0.035 (0.015)**
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0.06 (0.055-0.065)	9947	0.067 (0.058-0.076)	3322	0.034 (0.023)
Можем позволить себе практически все: квартиру и т.д.	0.043 (0.039-0.047)	9947	0.031 (0.025-0.037)	3322	-0.037 (0.022)
Был жертвой преступления за последние 5 лет	0.187 (0.179-0.195)	10248	0.22 (0.206-0.234)	3409	
Был жертвой преступления за последние 12 мес.	0.106 (0.1-0.112)	10360	0.12 (0.109-0.131)	3437	

Прим.: сведения о доходе представлены в ценах 2024 г. В последней колонке представлены результаты оценки регрессии (Linear probability model, LPM), где зависимая переменная — факт повторного участия респондента в опросе., независимые переменные — базовые социально-демографические характеристики по состоянию на 2021 г. В модель включены фиксированные эффекты региона проживания респондента. Ошибки кластеризованы на уровне региона. Уровень значимости: * — $p < 0,1$; ** — $p < 0,05$; *** — $p < 0,01$.

данных: факте повторного участия в опросе и исторических значениях характеристик респондента. Одно из проявлений условий MCAR. Второе, выбор переменных[52]. В литературе можно встретить разные альтернативы, но есть и «стандартный» набор соцдема. Наш выбор переменных практически полностью совпадает с перечнем, описанным [138]. Среди других переменных встречаются упоминания о важности этнической принадлежности, страны происхождения, состояния здоровья и количества детей [142]. Часть обширной литературы, посвящённой изучению «эффекта интервьюера», затрагивает обсуждаемый вопрос. Однако из-за ограниченного объема статьи назовем лишь обзорные исследования [143; 148][53].

Коррекция смещения выборки. Результат для когорты

В Табл. 5[54] представлены результаты взвешивания когорты в 2024 г. При сравнении данных когорты с КОУЖ необходимо учитывать лонгитюдный характер наблюдения и отсутствие обновления панели: участники когорты 2021 г. повзрослели на 3 года. В среднем это сдвигает «вправо» возраст, образование и семейное положение. Напомним, что при описании Табл. 4 мы указали на перепредставленность: мужчин, лиц с высшим образованием, лиц со средним доходом, лиц средней и старшей возрастной группы; и недопредставленность участников, ведущих одиночные домохозяйства и проживающих в сельской местности.

---

[52] Есть и статистические соображения при выборе переменных см. [101; 102]

[53] При оценке уравнения (2) на данных когорты 2024 г. мы включили в модель фиксированные эффекты интервьюеров, однако дисперсия рассчитанных весов увеличилась вдвое. В связи с этим мы отказались от этой опции.

[54] В приложении в Табл. П2 и П3 представлена декомпозиция дизайн-эффекта сбалансированной панели для обеих волн лонгитюда и несколько ключевых распределений, по которым мы отслеживали масштаб коррекции.

В Табл. 5 в колонке «Когорта 2024» представлены выборочные моменты исходных данных. Далее серия колонок посвящена результатам взвешивания. В последней колонке — «КОУЖ 2020» — размещен ориентир. Интерпретировать Табл. 5 следует в формате: «было» — «стало» — «цель». Наблюдается неоднородность коррекции образования, как в случае с кросс-секцией. Значительно улучшилась ситуация с представленностью безработных, пенсионеров и показателями дохода. В целом структура выборки стала более сбалансированной. В опубликованных данных RCVS опроса представлены отдельно все три весовых коэффициента и их произведение. Исследователь может выбрать свою конфигурацию итогового веса[55].

Объединение кросс-секционной и лонгитюдной частей выборки RCVS-2024

Основным преимуществом объединенной выборки является увеличение статистической мощности и уменьшение ошибки выборки. Это расширит круг исследовательских вопросов, которые можно будет изучить с помощью данных RCVS. Но напрямую соединить кросс-секционную и лонгитюдную части опроса 2024 г. нельзя. Когорта, опрошенная повторно, не является репрезентативной выборкой взрослого населения страны по построению, в то время как кросс-секция репрезентативна. Также есть различие в глубине горизонта виктимизации, который служит порогом для кооптации респондентов: для когорты он равен 3-летнему периоду — времени, прошедшего с момента опроса 2021 г., а для участников RDD-выборки — 5-летнему.

[55] Названия переменных в данных: вес вероятности контакта с респондентом (*contact_weight*), вес вероятности ответа респондента (*interview_weight*), и их произведение — *attrition_weight*, а также кросс-секционный вес базовой волны (*crosssection2021_weight*). Все веса нормированы на количество наблюдений в выборке.

Таблица 5

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗВЕШИВАНИЯ ЛОНГИТЮДНОЙ ЧАСТИ ВЫБОРКИ

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		Когорта					КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Мужчина	0.491 (0.474-0.508)	0.438 (0.414-0.462)	0.388 (0.321-0.455)	542	0.448 (0.422-0.474)	2914	0.446 (0.442-0.45)
Возраст	48.384 (47.902-48.866)	51.713 (50.93-52.496)	49.936 (47.939-51.933)	542	52.062 (51.217-52.907)	2914	48.595 (48.467-48.723)
Женат/замужем	0.653 (0.637-0.669)	0.604 (0.58-0.628)	0.564 (0.496-0.632)	542	0.612 (0.586-0.638)	2914	0.621 (0.617-0.625)
Живет один/одна	0.202 (0.189-0.215)	0.241 (0.22-0.262)	0.291 (0.229-0.353)	542	0.231 (0.209-0.253)	2914	0.167 (0.164-0.17)
Живет в сельской местности	0.223 (0.209-0.237)	0.238 (0.217-0.259)	0.177 (0.124-0.23)	529	0.25 (0.227-0.273)	2861	0.247 (0.244-0.25)

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		Когорта					КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Безработный	0.291 (0.276-0.306)	0.397 (0.373-0.421)	0.359 (0.293-0.425)	542	0.405 (0.379-0.431)	2905	0.416 (0.412-0.42)
Получает пенсию	0.227 (0.213-0.241)	0.327 (0.304-0.35)	0.262 (0.202-0.322)	542	0.34 (0.315-0.365)	2914	0.364 (0.36-0.368)
Размер домохозяйства, чел.	2.739 (2.691-2.787)	2.625 (2.553-2.697)	2.668 (2.457-2.879)	542	2.616 (2.54-2.692)	2914	2.746 (2.736-2.756)
Совокупный месячный доход домохоз.	94.753 (91.475-98.031)	84.515 (79.882-89.148)	94.264 (81.444-107.084)	393	82.491 (77.563-87.419)	2042	84.062 (83.661-84.463)
Ежем. доход на члена домохоз.	41.279 (39.702-42.856)	38.11 (35.927-40.293)	40.365 (34.667-46.063)	393	37.642 (35.286-39.998)	2042	34.041 (33.872-34.21)

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		Когорта					КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Возрастная группа							
18-34	0.163 (0.151-0.175)	0.15 (0.132-0.168)	0.139 (0.092-0.186)	542	0.153 (0.134-0.172)	2914	0.237 (0.234-0.24)
35-49	0.415 (0.399-0.431)	0.319 (0.296-0.342)	0.391 (0.324-0.458)	542	0.304 (0.28-0.328)	2914	0.3 (0.297-0.303)
50-64	0.255 (0.24-0.27)	0.27 (0.248-0.292)	0.277 (0.216-0.338)	542	0.269 (0.246-0.292)	2914	0.261 (0.258-0.264)
65+	0.168 (0.156-0.18)	0.261 (0.239-0.283)	0.193 (0.139-0.247)	542	0.274 (0.251-0.297)	2914	0.202 (0.199-0.205)

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием							
		Когорта							КОУЖ 2020
	Все	Все		Жертвы		Не-жертвы			
	Среднее	Среднее		Среднее	n	Среднее	n		Среднее
Уровень образования									
Полное среднее и ниже	0.132 (0.121-0.143)	0.184 (0.165-0.203)		0.145 (0.097-0.193)	540	0.192 (0.171-0.213)	2907		0.446 (0.442-0.45)
Среднее спец-ное/ техническое или нач-ное профес-ное	0.332 (0.316-0.348)	0.461 (0.436-0.486)		0.467 (0.399-0.535)	540	0.46 (0.434-0.486)	2907		0.238 (0.235-0.241)
Высшее и незаконченное высшее	0.536 (0.519-0.553)	0.355 (0.331-0.379)		0.389 (0.322-0.456)	540	0.348 (0.323-0.373)	2907		0.316 (0.312-0.32)

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		Когорта					КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
Уровень дохода							
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0.052 (0.044-0.06)	0.066 (0.054-0.078)	0.057 (0.025-0.089)	525	0.068 (0.055-0.081)	2818	
На продукты хватает, на одежду нет	0.188 (0.175-0.201)	0.241 (0.22-0.262)	0.273 (0.211-0.335)	525	0.235 (0.212-0.258)	2818	
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0.361 (0.345-0.377)	0.345 (0.321-0.369)	0.373 (0.306-0.44)	525	0.339 (0.314-0.364)	2818	

Окончание табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием					
		Когорта					КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы		
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	0.304 (0.288-0.32)	0.262 (0.24-0.284)	0.217 (0.16-0.274)	525	0.271 (0.247-0.295)	2818	
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0.064 (0.056-0.072)	0.057 (0.045-0.069)	0.041 (0.014-0.068)	525	0.06 (0.047-0.073)	2818	

Прим.: в круглых скобках указаны значения 95% доверительного интервала. CI для данных КОУЖ из-за 100 тыс. выборки имеет крайне узкие значения и поэтому не приводится. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неответов. Сведения о доходе представлены в ценах 2024 г. Данные КОУЖ приведены для взрослого населения страны и с учетом весов.

Преодолеть эту проблему можно с помощью взвешивания, которое должно сбалансировать вероятности отбора наблюдений конечной выборки [149; 150].

Мы решили не добавлять веса для объединения кросс-секции и когорты. Во-первых, опросные данные чаще всего используются в двух модусах: если речь идет о кросс-секции, она анализируется в качестве отдельного временного среза или же несколько волн объединяются в псевдо-панель в стиле [151]; если же речь идет о лонгитюдной компоненте, то её используют в виде сбалансированной панели. Именно этими соображениями мы руководствовались при выборе способа коррекции диспропорций выборки. Во-вторых, это требует отдельного исследования и подробного описания.

Случайная выборка может быть полезна для панели и без объединения, например, для тестирования ограничений данных и оптимального выбора спецификации модели. Так, в настоящей работе мы реализовали вариант коррекции смещения панельной выборки, предположив соблюдение условия MAR с лагированным эффектом, что равносильно утверждению — «участие респондента в опросе 2024 г. отчасти зависит от его социально-демографических характеристик 2021 г.». Но вероятность повторного наблюдения может зависеть от текущих значений, а не прошлых. На этот и некоторые другие вопросы можно ответить точно, используя случайную выборку совместно с панельной, в стиле [137; 152].

Какой вес следует выбрать?

Для обеспечения репрезентативности данных при работе с отдельными кросс-секционными срезами, например волной 2024 г., необходимо применять калибровочный вес (*weight*).

В случае панельного анализа индивидуальных изменений за период 2021–2024 гг. необходимо учесть эффект истощения

выборки ($attrition\ weight_i = contact_i \times interview_i$), который позволяет скорректировать смещения, возникающие вследствие неслучайного выбывания респондентов. При экстраполяции результатов анализа индивидуальной динамики на генеральную совокупность следует учесть «кросс-секционное» смещение базовой волны лонгитюда: $w_i = crosssection2021\ weight_i \times attrition\ weight_i$. Такой подход позволяет одновременно учесть как исходные параметры дизайна выборки, так и специфику отсева между этапами исследования.

Следует учитывать, что, несмотря на устранение ряда наблюдаемых систематических ошибок, процедура взвешивания способна привести к росту дисперсии или иным искажениям.

Обсуждение

Дозвониться и взять интервью

Какое будущее у телефонных опросов? При проведении третьей волны виктимизационного опроса мы столкнулись с несколькими вызовами.

Первый — это многолетний тренд на снижение уровня ответов, который наблюдается во всем мире вне зависимости от формы сбора данных, страны проведения опроса и темы исследования. С одной стороны, эта тенденция так же стара, как и сами опросы общественного мнения. С другой стороны, мы приближаемся к уровню ответов, который измеряется долями процента: существует ли предел делимости Response Rate? В тексте мы уделили много внимания общему взгляду на проблему смещения выборки и ситуациям, когда это становится проблемой для исследователя. Прямой связи RR и смещения выборки нет, но также очевидно, что крайне низкие показатели доступности респондентов не добавляют оптимизма при работе с результатами опроса.

Второй вызов — это всплеск государственного регулирования (см. Табл. П1), которое создает для абонентов технические

возможности исключения из пула потенциальных участников (запрет на массовые рассылки и спам-звонки) и одновременно порождает правовую неопределенность для полстеров при работе с персональными данными респондентов[56].

Опыт проведения RCVS может быть особенно полезен исследователям, планирующим проведение лонгитюдного исследования. Так, уровень ответов (RR3) и кооперации (COOP1) участников панели на порядок выше, чем респондентов кросс-секционной части выборки: 0,15–0,91% против 25% и 0,93–4,7% против 40% соответственно. И это несмотря на 3-летний перерыв между волнами и рост телефонных мошенничеств, что создает негативный фон при проведении любых телефонных опросов. Таким образом, единожды эффективный контакт с респондентом приобретает ощутимую добавочную стоимость, которая может компенсировать сложности первичного сбора данных.

Высокая кооперативность участников панели отчасти намекает на решение проблемы, связанной с усилением регулирования деятельности полстеров. Основная сложность правового оформления передачи и хранения персональных данных заключается в необходимости получения письменного согласия от опрашиваемого лица. В онлайн-формате этот процесс реализуется значительно проще. Кооперативность участников панели, вероятно, облегчит переход от f2f/CATI первой волны к некоторой смешанной форме при повторном опросе. Опыт национального опроса жертв преступлений в США (NCVS) многие годы демонстрировал эффективность стратегии, предусматривающей личное интервью при первичной кооптации респондента в панель и использование телефонного опроса для последую-

[56] Государственное регулирование может иметь и положительный эффект. Введение платы за маркировку звонков и ограничение массовых автоматизированных вызовов значительно увеличат стоимость проведения опросов, но при этом уменьшится и количество нерелевантных звонков для абонентов, что может положительно сказаться на уровне достижимости респондентов.

щих волн. Отметим, что ещё в 2019 г. AAPOR опубликовала доклад [69] о наметившейся тенденции к переходу от доминирующих в мире телефонных опросов к самозаполнению и смешанным форматам участия. Даже среди сензитивных опросов жертв преступлений наметилась тенденция на расширение использования альтернативных форм сбора интервью. По всей видимости, онлайн-опросы в ближайшем будущем станут столь же значимым инструментом социологических исследований, каким стали телефонные опросы в середине 1970-х годов.

Опыт лонгитюдного исследования RCVS приводит нас к парадоксальному заключению: бюджет когортного исследования, состоящего из нескольких волн, может быть таким же или меньшим по сравнению с затратами, необходимыми для проведения аналогичного количества кросс-секционных волн в современном социально-правовом контексте.

Смещения выборки

Если низкие показатели достижимости респондентов сами по себе не определяют смещения выборки, то любые возможные само-запреты на контакт напрямую создают угрозу репрезентативности выборки. Повальное распространение телефонных мошенничеств усиливает опасения по поводу качества опросных данных, собранных посредством телефонного обзвона. В этих условиях важно уметь диагностировать возможные проблемы и предложить средства для коррекции их последствий. Именно поэтому большая часть настоящей статьи, посвящена развернутому описанию процедуры расчета постстратификационных весов (калибровки) с использованием алгоритма рэкинга для кросс-секции и декомпозиции весов лонгитюдной части выборки.

Опыт RCVS показывает, что при пост-стратификации исследователь обладает изрядным количеством степеней свободы при принятии решений. Это позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, классическая реализация IPW при расчете постстратификационных весов демонстрирует недостаточную гибкость. Метод рэкинга позволяет ослабить и обойти некоторые требования классического подхода, что, по нашему мнению, делает его более предпочтительным выбором для исследователя.

Во-вторых, наличие множества потенциальных решений требует более детального раскрытия информации как о конечном выборе, так и о его обосновании.

Гибкое и эффективное решение коррекции смещений выборки востребовано и потому, что современный подход к эконометрическому моделированию меняет исследовательскую оптику всех социальных наук: фокус смещается с анализа ковариат на оценку эффекта/причины воздействия конкретной переменной. В этом контексте «общий усредненный» выбор измерений для расчета постстратификационных весов может быть слишком грубым и потребует расчета весов, учитывающих специфику конкретного исследовательского вопроса.

Полезность пара-/метаданных опроса

Существует множество достойных применений метаданных опроса. Широкий взгляд на актуальную исследовательскую повестку можно найти в специальном выпуске *Public Opinion Quarterly* [153]. Здесь мы хотели бы указать на два возможных сценария использования этих данных. Так, наличие богатых метаданных RCVS, позволило нам декомпозировать смещение панельной выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа [90].

Другим сценарием использования метаданных опроса, который не так часто попадает в обзоры, является включение их в эконометрическое моделирование. Например, информация об интервьюерах позволила улучшить оценку распространения ВИЧ-инфекции в Замбии [145]. Кроме того, если для расчета

весов используются данные, предсказывающие вероятность участия в опросе и одновременно связанные с переменной исследовательского интереса, то уменьшатся и смещение, и дисперсия оценок. В качестве таких переменных часто выступают параданные опроса [102].

Стратификация

Из трех волн RCVS первые две были проведены без процедуры стратификации, а выборка 2024 г. — стратифицирована на уровне укрупненных федеральных округов. Опыт RCVS однозначно говорит в пользу стратификации RDD-выборки. В результате региональная структура выборки 2024 г. без дополнительных усилий стала значительно более пропорциональной в сравнении с волнами 2018 и 2021 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с. ISBN 5-94201-320-9.

2. *Beck A., Robertson A.* Crime in Russia: Exploring the Link between Victimisation and Concern about Crime // Crime Prevention and Community Safety. 2003, vol. 5, № 1. P. 27–46. DOI: 10.1057/palgrave.cpcs.8140137.

3. *Зварыгин В. Е., Стех Э. Э.* Латентная преступность и фактическая виктимизация населения в Удмуртской Республике (по результатам проведенного в 2007 г. криминологического исследования) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2008, № 1. С. 121–125. EDN: SZCXQZ.

4. *Иншаков С. М.* Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009, т. 16, № 1. С. 107–130. EDN: TIIPIL.

5. *Semukhina O.* Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2014, vol. 38, № 4. P. 305–325. DOI: 10.1080/07418820600985339.

6. *Майоров А.* Современный анализ виктимизации в обществе (на примере Уральского федерального округа) // Виктимология. 2015, т. 4, № 2. С. 59–69. EDN: UKSOXJ.

7. *Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2016, т. 10, № 3. С. 175–186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186. EDN: WKNOHD.

8. *Dolgorukova I. V., Kirillov A. V., Mazaev Y. N., Tanatova D. K., Yudina T. N.* The Dynamics of Victimization of the Russian Population: A Sociological Evaluation // RUDN Journal of Sociology. 2018, vol. 18, № 2. P. 303–317. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317.

9. Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД Криминальные угрозы, опасения россиян и их контакты с органами внутренних дел // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 07.11.2013. URL: https://fom.ru/posts/11180 (дата обращения: 25.08.2025).

10. *Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А.* Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019, т. 150, № 2. С. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01. EDN: SKWVLR.

11. *Жмуров Д. В., Коробеев А. И., Протасевич А. А.* Кибервиктимология. Первое национальное исследование // Российский следователь. 2022, № 11. С. 49–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-49-59. EDN: JBBUHT.

12. *Жмуров Д. В.* Виктимологическая характеристика жертв киберпреступлений России // Вопросы российского и международного права. 2024, т. 14, № 4-1. С. 532–538. EDN: BXKYAG.

13. *Камалов Э., Сергеева И.* Партнерское насилие в России: результаты серии опросов. 2023. URL: https://violencemonitor.org/report_2023 (дата обращения: 26.06.2026).

14. *Серебренников Д., Титаев К.* Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2022. 34 с. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

15. *Серебренников Д. Е., Кучаков Р. К., Бобриков Д. Д., Бондарьков С. В., Бочаров Т. Ю., Гегельман А. С., Дмитриева А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Леденев В. В., Османов Т. Э., Скугаревский Д. А., Ходжаева Е. А.* Виктимизация в России: долгосрочные тренды преступности // Экономическая социология. 2026, т. 28, № 4. (Принята к публикации).

16. *Гурвич И. Н.* Виктимизация как фактор изменения правосознания граждан // Социологические исследования. 1999, № 1. С. 142–143.

17. National Crime Victimization Survey: [site]. URL: https://bjs.ojp.gov/data-collection/ncvs (дата обращения: 25.08.2025).

18. *Van Kesteren J., Van Dijk J., Mayhew P.* The International Crime Victims Surveys: A Retrospective // International Review of Victimology. 2014, vol. 20, № 1. P. 49–69. DOI: 10.1177/0269758013511742.

19. *Van Kesteren J., Van Dijk J.* The International Crime Victims Survey, 1989–2005. ICPSR — Interuniversity Consortium for Political and Social Research, 2015. URL: https://www.openicpsr.org/openicpsr/project/100095/version/V2/view (дата обращения: 26.06.2026).

20. Crime and Crime Prevention in Moscow / Ed. by M. Alexeyeva, A. Patrignani. Rome: United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), 1994. 176 p. ISBN 978-9290780274.

21. Европейское социальное исследование. Российская Федерация // Портал данных ESS: [сайт]. URL: https://ess.sikt.no/en/country/321b06ad-1b98-4b7d-93ad-ca8a24e8788a/ru (дата обращения: 04.09.2026).

22. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под ред. А.В. Андреенкова, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. 383 с. ISBN 978-5-87444-344-3.

23. Андреенкова А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф, 2014. 512 с. ISBN 978-5-94881-285-4. EDN: EKPBOJ.

24. *Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И., Суслина Е. В.* Домашнее насилие в России: криминологический анализ современного состояния (на основе всероссийского опроса населения) // Всероссийский криминологический журнал. 2025, т. 19, № 5. С. 473–483. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).473-483. EDN: MBGHJW.

25. *Савин С. Д., Щепельков В. Ф., Сидорова А. Н.* Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025, т. 25, № 1. С. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78. EDN: FVQPWB.

26. Преступность в России // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 23 марта 2023 г. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14851 (дата обращения: 03.05.2026).

27. Телефонные мошенники // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 27 мая 2025 г. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15190 (дата обращения: 03.05.2026).

28. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 22 февраля 2017 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost- (дата обращения: 03.05.2026).

29. Телефонное мошенничество: масштабы и потери // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 7 июля 2021 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-masshtaby-i-poteri (дата обращения: 03.05.2026).

30. Телефонное мошенничество: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 20 февраля 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (дата обращения: 03.05.2026).

31. Покупки в интернете: доверие против мошенничества мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 16 марта 2022 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-v-internete-doverie-protiv-moshennichestva (дата обращения: 03.05.2026).

32. Домашнее насилие // Левада-Центр: [сайт]. 13 сентября 2019 г. URL: https://www.levada.ru/2019/09/13/domashnee-nasilie/ (дата обращения: 03.05.2026).

33. Насилие над женщинами // Левада-Центр: [сайт]. 7 апреля 2020 г. URL: https://www.levada.ru/2020/04/07/nasilie-nad-zhenshhinami/ (дата обращения: 25.08.2025).

34. Сексуальные домогательства // Левада-Центр: [сайт]. 22 апреля 2020 г. URL: https://www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/ (дата обращения: 25.08.2025).

35. Приложение №2 к приказу Росстата от 11.04.2024 № 149. Федеральное статистическое наблюдение. Комплексное наблюдение условий жизни населения: индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 15 лет и более. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

36. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 25.08.2025).

37. *Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D.* Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections and a Longitudinal Panel, 2018–2024. SSRN, 2026. DOI: 10.2139/ssrn.6418058.

38. 18-я и 19-я волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «j229–332». URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/27/1274110903/R19_ind_codebook_09.2024.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

39. 34-я волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «ddj606—ddj606.2». URL: https://www.hse.ru/data/2026/09/01/247934934/R34_ind_codebook.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

40. Анкетолог: [сайт]. URL: https://anketolog.ru (дата обращения: 25.08.2025).

41. *Рогозин Д. М.* Фабрики «темных» ответов, или четыре негативных свойства современных опт-ин онлайн-панелей // Социология власти. 2018, т. 30, № 3. С. 38–53. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53. EDN: YMCUPJ.

42. Korsunova V., Sokolov B. Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia // International Journal of Public Opinion Research. 2025, vol. 37, № 3. P. edaf030. DOI: 10.1093/ijpor/edaf030.

43. *Щербаков Р. А.* Индивидуальные практики кибербезопасности: связь с социально-экономическим статусом и опытом переживания рисков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026, № 2. С. 216–235. DOI: 10.14515/monitoring.2026.2.3117.

44. *Щербаков Р. А.* Киберагрессия и киберпреступления в современной России: факторы риска // Социологические исследования. 2025, т. 10, № 10. С. 39–51. DOI: 10.7868/S3034601025100043. EDN: YLFTYC.

45. Online Market Intelligence (OMI): [сайт]. URL: https://www.omirussia.ru (дата обращения: 25.08.2025).

46. Guidelines for Producing Statistics on Violence against Women—Statistical Surveys // Организация Объединенных Наций, 2014. 218 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/docs/guidelines_statistics_vaw.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

47. *Kamalov E., Sergeeva I.* What Works for Measuring Intimate Partner Violence: Evidence from a Series of List Experiments and Self-Administered Surveys // Sociological Methods & Research. 2026. DOI: 10.1177/00491241261436407.

48. *Gilev A., Valastro T., Vyrskaia M., Zavadskaya M.*[57] Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA) Wave 5. 2026. DOI: 10.48320/594738E2-79D8-4337-A60F-2B30A009715F.

49. PROPA — Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes // University of Helsinki: [site]. URL: https://blogs.helsinki.fi/propa-public-opinion/media-publications/ (дата обращения: 25.06.2026).

50. Всероссийский опрос жертв преступлений: [сайт]. URL: https://rcvs.enforce.spb.ru (дата обращения: 26.06.2026).

51. Russian Crime Victimization Survey (RCVS) // GitHub: [site]. URL: https://github.com/irlcode/RCVS (дата обращения: 26.06.2026).

52. *Кнорре А., Титаев К.* Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

[57] Признана Минюстом РФ лицом, выполняющим функции иностранного агента.

53. Международное исследование общественной безопасности в Кыргызстане. 2015. 98 с. URL: https://reforma.kg/media/post/postpdf/2018-06-09-1934749430.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

54. *Ван Дейк Я., ван Кестерен Д., Трошев А., Слейд Г.* Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» (международный опрос виктимизации в Казахстане). 2018. 66 с. ISBN 978-601-06-5338-2. URL: https://drive.google.com/file/d/1mSQ6nni9VnCRniekLuHeh1cLLff_PHS0/view (дата обращения: 25.08.2025).

55. Результаты виктимологического исследования среди населения Ферганской долины Республики Узбекистан. 2023. 95 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1U2GulFXLEmB9_Vg65zeq1zubTBgoBFWf/view (дата обращения: 25.08.2025).

56. *Van Dijk J., Chantulia T., Glonti G.* Victimization Survey Report. Support to the Security Sector Reform Programme Preparation, Funded by the European Union. IBF International Consulting, July 2021. 75 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1NGsENibCE90RXj0_155zfErlKN05qLZ7/view (дата обращения: 26.06.2026).

57. *Shahbazov I.* Victimization of the Azerbaijani Population: Combating Criminal and Illegal Activities through Engagement with Relevant Institutions. Baku: Social Research Center, 2020. 24 p.

58. *Shahbazov I., Afandiyev Z., Balayeva A.* Some Determinants of Crime Reporting Among Economic and Financial Crime Victims: The Case of Azerbaijan // Journal of White Collar and Corporate Crime. 2023, vol. 4, № 1. P. 24–37. DOI: 10.1177/2631309X211037922.

59. *Cantor D.* Methodological Developments and Innovations of the National Crime Victimization Survey, 1972–2023 // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2025, vol. 41, № 1. P. 9–29. DOI: 10.1177/10439862241289783.

60. Kantar Public, Office for National Statistics Work Package A: Developing and Testing an Online Version of the CSEW Questionnaire // Research on Transforming the Crime Survey for England and Wales. 2022.

61. *Hales J.* Longitudinal Analysis of Offending, Crime and Justice Survey 2003–06. London: Home Office, 2009.

62. *Van Der Velden P. G., Contino C., Das M.* Data of the Multi-Wave Population-Based Prospective Victims in Modern Society (VICTIMS) Study on Potential Traumatic Events, Social Support, Mental Health, Coping Self-Efficacy and Services Use // Data in Brief. 2024, vol. 54. P. 110346. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110346.

63. Victims in Modern Society // LISS panel: [site]. URL: https://www.dataarchive.lissdata.nl/study-units/view/945 (дата обращения: 25.08.2025).

64. *Johnston D. W., Shields M. A., Suziedelyte A.* Victimisation, Well-being and Compensation: Using Panel Data to Estimate the Costs of Violent Crime // Economic Journal. 2018, vol. 128, № 611. P. 1545–1569. DOI: 10.1111/ecoj.12478.

65. *Braakmann N.* How Do Individuals Deal with Victimization and Victimization Risk? Longitudinal Evidence from Mexico // Journal of Economic Behavior & Organization. 2012, vol. 84, № 1. P. 335–344. DOI: 10.1016/j.jebo.2012.04.001.

66. *Aebi M., Linde A.* National Victimization Surveys // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / Ed. by G. Bruinsma, D. Weisburd. New York: Springer, 2014. P. 3228–3242. DOI: 10.1007/978-1-4614-5690-2_445.

67. *Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M.* Criminal Victimisation and Health: Examining the Relation in Nine Countries of the Former Soviet Union // Social Science & Medicine. 2013, vol. 91. P. 76–83. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.05.004.

68. *Османов Т. Е., Рогозин Д. М.* Оптимальное соотношение мобильных и стационарных телефонов в двухосновной выборке, проектируемой для телефонного опроса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016, № 5. С. 41–63. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.04. EDN: YFOSPD.

69. Ежедневный всероссийский опрос «СПУТНИК». Первый в стране ежедневный всероссийский телефонный омнибус // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. URL: https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik (дата обращения: 25.08.2025).

70. Реестр российской системы и плана нумерации (выгрузка по состоянию на 29.11.2024) // Реестр открытых данных: [сайт]. URL: https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric (дата обращения: 25.08.2025).

71. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 25.08.2025).

72. Report of the AAPOR Task Force on Transitions from Telephone Surveys to Self-Administered and Mixed-Mode Surveys. October 2019. 327 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Report-of-the-Task-Force-on-Transitions-from-Telephone-Surveys-FULL-REPORT-FINAL.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

73. *Jabkowski P., Cichocki P.* Survey Response Rates in European Comparative Surveys: A 20-Year Decline Irrespective of Sampling Frames or Survey Modes // Quality & Quantity. 2025, vol. 59, № S1. P. 635–655. DOI: 10.1007/s11135-024-01993-9.

74. Report from the AAPOR task force on the Future of U.S. General Population Telephone Survey Research, 2017. 74 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Future-of-Telephone-Survey-Research-Report.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

75. *Marken S.* Still Listening: The State of Telephone Surveys // Gallup: [site]. URL:https://news.gallup.com/opinion/methodology/225143/listening-state-telephone-surveys.aspx (дата обращения: 25.08.2025).

76. Response rates in telephone surveys have resumed their decline // Pew Research Center: [site]. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/02/27/response-rates-in-telephone-surveys-have-resumed-their-decline/ (дата обращения: 25.08.2025).

77. Доклады на XIII Грушинской социологической конференции, секция «Проблема неответов в турбореальности». 25 мая 2023г. URL: https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24 (дата обращения: 25.08.2025).

78. ПАО Сбербанк: Империя лжи. Бердянский экспресс: история одного мошеннического колл-центра: аналитический доклад. М.: ПАО Сбербанк, 2022. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-vvedenie?ysclid=mqvjpnx4h8791305232 (дата обращения: 26.06.2026).

79. Saturn: [site]. URL: https://saturn.siisltd.ru/ (дата обращения: 25.08.2025).

80. Standard Definitions. Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. 2023. 90 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2024/03/Standards-Definitions-10th-edition.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

81. *Reiczigel J., Földi J., Ózsvári L.* Exact Confidence Limits for Prevalence of a Disease with an Imperfect Diagnostic Test // Epidemiology and Infection. 2010, vol. 138, № 11. P. 1674–1678. DOI: 10.1017/S0950268810000385.

82. *Лосенкова Н. А., Галашова Н. Б.* Исследовательские компетенции интервьюера: возможности и пределы // VII Грушинская социологическая конференция. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2018/prez/7/Galashova_Losenkova.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

83. *Knorre A., Titaev K.* Russian Crime Victimization Survey 2018. Harvard Dataverse, 2019. DOI: 10.7910/DVN/C2OTH9.

84. *Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е.* Что такое жертва? Концептуализация виктимизации в опросах // Современная российская девиантология: коллективная монография / Под ред. Я. И. Гилинского, К. В. Харабета. СПб.: Алетейя, 2026.

85. *Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е.* Что такое жертва? Концептуализация виктимизации в опросах. DOI: 10.31235/osf.io/k8yz7_v1. URL: https://osf.io/preprints/socarxiv/k8yz7_v1 (дата обращения: 25.08.2025).

86. *Knorre A., Titaev K., Serebrennikov D.* Russian Crime Victimization Survey 2021. Harvard Dataverse, 2022. DOI: 10.7910/DVN/SGRQTI.

87. *Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D.* Russian Crime Victimization Survey 2024. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/WMO7Y2.

88. *Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D., Titaev K.* Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections 2018, 2021, 2024, and Panel 2021–2024. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/ISMDV5.

89. *Groves R.* Nonresponse Rates and Nonresponse Bias in Household Surveys // Public Opinion Quarterly. 2006, vol. 70, № 5. P. 646–675. DOI: 10.1093/poq/nfl033.

90. *Groves R., Couper M.* Nonresponse in Household Interview Surveys. New York: Wiley, 1998. 356 p. DOI: 10.1002/9781118490082.

91. *Brick J. M.* Unit Nonresponse and Weighting Adjustments: A Critical Review // Journal of Official Statistics. 2013, vol. 29, № 3. P. 329–353. DOI: 10.2478/jos-2013-0026.

92. *Rubin D.* Inference and Missing Data // Biometrika. 1976, vol. 63, № 3. P. 581–592. DOI: 10.1093/biomet/63.3.581.

93. *Little R.* Missing Data Analysis // Annual Review of Clinical Psychology. 2024, vol. 20, № 1. P. 149–173. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-080822-051727.

94. *Bollen K. A., Biemer P. P., Karr A. F., Tueller S., Berzofsky M. E.* Are Survey Weights Needed? A Review of Diagnostic Tests in Regression Analysis // Annual Review of Statistics and Its Application. 2016, vol. 3, № 1. P. 375–392. DOI: 10.1146/annurev-statistics-011516-012958.

95. *Kish L.* Survey Sampling. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p. ISBN 978-0-471-48900-9.

96. *Valliant R., Dever J. A., Kreuter F.* Practical Tools for Designing and Weighting Survey Samples. 2nd ed. Cham: Springer, 2018. 776 p. ISBN 978-3-319-93631-4. DOI: 10.1007/978-3-319-93632-1.

97. *Чуриков А. В.* Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2020. 240 с. ISBN 978-5-93947-034-6.

98. *Horvitz D. G., Thompson D. J.* A Generalization of Sampling Without Replacement from a Finite Universe // Journal of the American Statistical Association. 1952, vol. 47, № 260. P. 663–685. DOI: 10.1080/01621459.1952.10483446.

99. *Little R., Rubin D.* Statistical Analysis with Missing Data. 3rd ed. Hoboken: Wiley, 2019. 462 p. ISBN 978-0-470-52679-8. DOI: 10.1002/9781119482260.

100. *Dutwin D., Buskirk T. D.* Telephone Sample Surveys: Dearly Beloved or Nearly Departed? Trends in Survey Errors in the Era of Declining Response Rates // Journal of Survey Statistics and Methodology. 2021, vol. 9, № 3. P. 353–380. DOI: 10.1093/jssam/smz044.

101. *Little R., Vartivarian S.* Does Weighting for Nonresponse Increase the Variance of Survey Means? // Survey Methodology. 2005, vol. 31, № 2. P. 161–168.

102. *Kreuter F., Olson K., Wagner J., Yan T., Ezzati-Rice T. M., Casas-Cordero C., Lemay M., Peytchev A., Groves R., Raghunathan T. E.* Using Proxy Measures and

Other Correlates of Survey Outcomes to Adjust for Non-Response: Examples from Multiple Surveys // Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society. 2010, vol. 173, № 2. P. 389–407. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2009.00621.x.

103. *Little R.* Discussion // Journal of Official Statistics. 2013, vol. 29, № 3. P. 363–366. DOI: 10.2478/jos-2013-0029.

104. *Van Buuren S.* Flexible Imputation of Missing Data. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2018. 415 p. ISBN 978-1-138-58831-8. DOI: 10.1201/9780429492259.

105. *Heymans M., Eekhout I.* Applied Missing Data Analysis. Amsterdam, The Netherlands: Heymans and Eekhout. 2019.

106. *Seaman S. R., White I. R., Copas A. J., Li L.* Combining Multiple Imputation and Inverse-Probability Weighting // Biometrics. 2012, vol. 68, № 1. P. 129–137. DOI: 10.1111/j.1541-0420.2011.01666.x.

107. *Mitra R., Reiter J. P.* A Comparison of Two Methods of Estimating Propensity Scores after Multiple Imputation // Statistical Methods in Medical Research. 2016, vol. 25, № 1. P. 188–204. DOI: 10.1177/0962280212445945.

108. *Pishgar F., Greifer N., Leyrat C., Stuart E.* MatchThem: Matching and Weighting after Multiple Imputation // The R Journal. 2021, vol. 13, № 2. P. 228–238. DOI: 10.32614/RJ-2021-073.

109. *Heckman J.* The Common Structure of Statistical Models of Truncation, Sample Selection and Limited Dependent Variables and a Simple Estimator for Such Models // Annals of Economic and Social Measurement. 1976, vol. 5, № 4. P. 475–492.

110. *Heckman J.* Sample Selection Bias as a Specification Error // Econometrica. 1979, vol. 47, № 1. P. 153–161. DOI: 10.2307/1912352.

111. *Rosenbaum P. R., Rubin D. B.* The Central Role of the Propensity Score in Observational Studies for Causal Effects // Biometrika. 1983, vol. 70, № 1. P. 41–55. DOI: 10.1093/biomet/70.1.41.

112. *Austin P. C.* An Introduction to Propensity Score Methods for Reducing the Effects of Confounding in Observational Studies // Multivariate Behavioral Research. 2011, vol. 46, № 3. P. 399–424. DOI: 10.1080/00273171.2011.568786.

113. *Chesnaye N. C., Stel V., Tripepi G., Dekker F., Fu E., Zoccali C., Jager K.* An Introduction to Inverse Probability of Treatment Weighting in Observational Research // Clinical Kidney Journal. 2022, vol. 15, № 1. P. 14–20. DOI: 10.1093/ckj/sfab158.

114. *Guo S., Fraser M.* Propensity Score Analysis: Statistical Methods and Applications. Los Angeles: Sage, 2010. 370 p. ISBN 978-1-4129-5356-6.

115. *Gelman A.* Struggles with Survey Weighting and Regression Modeling // Statistical Science. 2007, vol. 22, № 2. P. 153–164. DOI: 10.1214/088342306000000691.

116. *Ahmad Z., Zhang L.* Nonparametric Estimation for Longitudinal Data with Informative Missingness // Advances in Longitudinal Survey Methodology / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 491–512. DOI: 10.1002/9781119376965.ch20.

117. *Kolenikov S.* Post-Stratification or a Non-Response Adjustment? // Survey Practice. 2016, vol. 9, № 3. P. 1–12. DOI: 10.29115/SP-2016-0014.

118. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (6-я волна). Технический отчет. 2025. 59 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/174711/inf.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

119. Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics 1995 // International Household Survey Network (IHSN): [site]. 28 October 2014. URL: https://catalog.ihsn.org/catalog/6193 (дата обращения: 25.08.2025).

120. *Battaglia M. P., Hoaglin D. C., Frankel M. R.* Practical Considerations in Raking Survey Data // Survey Practice. 2009, vol. 2, № 5. P. 1–10. DOI: 10.29115/SP-2009-0019.

121. *Kolenikov S.* Calibrating Survey Data Using Iterative Proportional Fitting (Raking) // The Stata Journal. 2014, vol. 14, № 1. P. 22–59. DOI: 10.1177/1536867X1401400104.

122. Autumn: Fast, Modern, and Tidy Raking // GitHub: [site]. URL: https://github.com/aaronrudkin/autumn (дата обращения: 25.08.2025).

123. Survey: Analysis of Complex Survey Samples // Cran.R: [site]. URL: https://cran.r-project.org/web/packages/survey/index.html (дата обращения: 25.08.2025).

124. PracTools: Designing and Weighting Survey Samples // Cran.R: [site]. URL: https://cran.r-project.org/web/packages/PracTools/index.html (дата обращения: 25.08.2025).

125. *Lumley T.* Complex Surveys: A Guide to Analysis Using R. Hoboken: Wiley, 2010. 296 p. ISBN 978-0-470-28430-8. DOI: 10.1002/9780470580066.

126. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 25.08.2025).

127. Итоги всероссийской переписи населения 2020 года. Том 3 Образование // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 25.08.2025).

128. Выборы Президента Российской Федерации 17 марта 2024 года. Сводная таблица // Вестник центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2024, № 7(467). URL: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-(467)-2024.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

129. Russian Crime Victimization Survey (RCVS) // GitHub: [site]. URL: https://github.com/irlcode/RCVS (дата обращения: 25.08.2025).

130. Приказ Росстата от 03.06.2010 № 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения» (дата обращения: 25.08.2025).

131. *Андреев Е. М., Чурилова Е. В.* Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023, т. 10, № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967. EDN: XYSZBL.

132. *Чудиновских О. С.* К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. // Демографическое обозрение. 2025, т. 12, № 2. С. 4–34. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27489. EDN: OJBYPZ.

133. *Прокофьева Л. М., Корчагина И. И.* Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023, т. 10, № 2. С. 4–17. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17763. EDN: TDYEBV.

134. *Gallardo-Gómez D., Richardson R., Dwan K.* Standardized Mean Differences in Meta-analysis: A Tutorial // Cochrane Evidence Synthesis and Methods. 2024, vol. 2, № 3. P. e12047. DOI: 10.1002/cesm.12047.

135. *Austin P. C.* Using the Standardized Difference to Compare the Prevalence of a Binary Variable Between Two Groups in Observational Research // Communications in Statistics — Simulation and Computation. 2009, vol. 38, № 6. P. 1228–1234. DOI: 10.1080/03610910902859574.

136. *Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M.* Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // International Journal of Epidemiology. 2016, vol. 45, № 2. P. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.

137. *Deng Y., Hillygus D. S., Reiter J. P., Si Y., Zheng S.* Handling Attrition in Longitudinal Studies: The Case for Refreshment Samples // Statistical Science. 2013, vol. 28, № 2. P. 238–256. DOI: 10.1214/13-STS414.

138. *Watson N., Wooden M.* Identifying Factors Affecting Longitudinal Survey Response // Methodology of Longitudinal Surveys / Ed. by P. Lynn. Chichester: Wiley, 2009. P. 157–181. DOI: 10.1002/9780470743874.ch10.

139. *Lugtig P.* Panel Attrition: Separating Stayers, Fast Attriters, Gradual Attriters, and Lurkers // Sociological Methods & Research. 2014, vol. 43, № 4. P. 699–723. DOI: 10.1177/0049124113520305.

140. *Peracchi F.* The European Community Household Panel: A Review // Empirical Economics. 2002, vol. 27, № 1. P. 63–90. DOI: 10.1007/s181-002-8359-0.

141. *Nicoletti C., Peracchi F.* Survey Response and Survey Characteristics: Microlevel Evidence from the European Community Household Panel // Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society. 2005, vol. 168, № 4. P. 763–781. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2005.00369.x.

142. *Watson N.* Longitudinal and Cross-sectional Weighting Methodology for the HILDA Survey. 2012. 58 p.

143. *West B. T., Blom A. G.* Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis // Journal of Survey Statistics and Methodology. 2017, vol. 5, № 2. P. 175–211. DOI: 10.1093/jssam/smw024.

144. Рогозин Д. Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе // Социологический журнал. 2004, № 1–2. С. 75–105.

145. *Bärnighausen T., Bor J., Wandira-Kazibwe S., Canning D.* Correcting HIV Prevalence Estimates for Survey Nonparticipation Using Heckman-type Selection Models // Epidemiology. 2011, vol. 22, № 1. P. 27–35. DOI: 10.1097/EDE.0b013e3181ffa201.

146. *Соколов Б. О., Корсунова В. И.* Социально-демографические корреляты истощения выборки в лонгитюдных онлайн-опросах в России: данные четырех волн проекта «Ценности в кризисе» // Социологические исследования. 2025, № 9. С. 34–48. DOI: 10.7868/S3034601025090046.

147. Values in Crisis International (SUF edition) // AUSSDA: [site]. DOI: 10.11587/LIHK1L. URL: https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L (дата обращения: 25.10.2025).

148. *Kühne S., Kroh M.* Interviewer Effects in Panel Surveys // Advances in Longitudinal Survey Methodology / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 302–336. DOI: 10.1002/9781119376965.ch13.

149. *Watson N.* Evaluation of Weighting Methods to Integrate a Top-up Sample with an Ongoing Longitudinal Sample // Survey Research Methods. 2014, vol. 8, № 3. P. 195–208. DOI: 10.18148/srm/2014.v8i3.5818.

150. *Watson N., Lynn P.* Refreshment Sampling for Longitudinal Surveys // Advances in Longitudinal Survey Methodology / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 1–25. DOI: 10.1002/9781119376965.ch1.

151. *Verbeek M.* Pseudo-Panels and Repeated Cross-Sections // The Econometrics of Panel Data / Ed. by L. Mátyás, P. Sevestre. Berlin: Springer, 2008, vol. 46. P. 369–383. DOI: 10.1007/978-3-540-75892-1_11.

152. *Hirano K., Imbens G. W., Ridder G., Rubin D. B.* Combining Panel Data Sets with Attrition and Refreshment Samples // Econometrica. 2001, vol. 69, № 6. P. 1645–1659. DOI: 10.1111/1468-0262.00260.

153. *Sakshaug J. W., Struminskaya B.* Augmenting Surveys with Paradata, Administrative Data, and Contextual Data // Public Opinion Quarterly. 2023, vol. 87, № S1. P. 475–479. DOI: 10.1093/poq/nfad026.

Сведения об авторах:

Кучаков Руслан Камилович
Директор Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге
SPIN-код: 9012-9426

Серебренников Дмитрий Евгеньевич
Научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге;
ведущий научный сотрудник Kazakhstan Sociology Lab, Корпоративный Фонд «Фонд El Umiti»

Бобриков Дмитрий Дмитриевич
Исследователь Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Бондарьков Сергей Владимирович
Исследователь Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Бочаров Тимур Юрьевич
PhD, научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Гегельман Арина Сергеевна
Исследователь Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Дмитриева Арина
PhD, научный сотрудник Хагенского заочного университета

Кнорре Алексей Викторович
PhD, младший профессор департамента криминологии университета Южной Флориды

Кудрявцев Владимир Евгеньевич
Аспирант университета штата Флорида; ассоциированный научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Леденев Виктор Владимирович
Исследователь Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Османов Тимур Энварвикович
Приглашенный преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Скугаревский Дмитрий Анатольевич
PhD, ассоциированный профессор по эмпирико-правовым исследованиям им. С.А. Муромцева Европейского университета в Санкт-Петербурге

Ходжаева Екатерина Анисовна
Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге; приглашенный исследователь Института социально-политических исследований, Университет Париж-Нантерр

Статья поступила в редакцию: 27.03.2026 г.
Статья принята к публикации: 24.09.2026 г.

Приложение 1

Таблица П1

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА БОРЬБУ С ТЕЛЕФОННЫМ И ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВОМ, И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СБОРА ДАННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕФОННОГО ОПРОСА

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/ RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 519-ФЗ от 30.12.2020 (поправки в 152-ФЗ «О персональных данных»)	1 марта 2021	Введена категория «ПДн, разрешенные субъектом для распространения»: использование общедоступных данных требует отдельного согласия, что сужает легальные источники номеров для выборок по готовым базам. При использовании «чистого» RDD риски ограничены наличием правового основания для обработки телефонных номеров и параданных. Однако применение смешанной выборки или использование уже сформированных баз данных создает правовую неопределенность.	Колл-центр	**Да**	**Да**	Нет	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 319-ФЗ от 02.07.2021; ПП № 1978 от 03.11.2022	2021–2022 (поэтапно)	Создал базовую правовую инфраструктуру государственного антифрода: массовые исходящие вызовы чаще попадают под автоматический анализ, что повышает вероятность их блокировки или маркировки и снижает уровень достижимости респондента.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	**Да**	Нет
Федеральный закон № 266-ФЗ от 14.07.2022 (поправки в 152-ФЗ)	1 сентября 2022	Расширены обязанности операторов ПДн (уведомление Роскомнадзора, защита данных). Эффект — рост издержек на хранение и обработку номеров и сокращение привлечения внешних подрядчиков.	Оператор / Колл-центр	**Да**	Нет	Нет	Нет
Федеральный закон № 266-ФЗ от 14.07.2022 (трансграничная передача данных)	1 марта 2023	Новый порядок трансграничной передачи ПДн ограничивает использование зарубежных облаков, CRM и международных исследовательских платформ, повышая операционные издержки локализации.	Колл-центр (как оператор ПДн)	**Да**	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 75-ФЗ от 18.03.2023	1 сентября 2023	Усилены требования к хранению и мониторингу данных о сетевом взаимодействии и работе инфраструктуры. Это повышает риск дополнительной фильтрации исходящего трафика при использовании VoIP/виртуальных номеров.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	**Да**	Нет
Федеральный закон № 406-ФЗ от 31.07.2023	2023–2024 (поэтапно)	Расширил интеграцию операторов с государственными системами контроля цифровых коммуникаций (часть антифрод-инфраструктуры), что повышает вероятность фильтрации или маркировки исходящих кампаний, особенно при VoIP/виртуальных номерах.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	**Да**	Нет
Федеральный закон № 78-ФЗ от 06.04.2024	17 апреля 2024	Изменения в ст. 3.5 и 14.3 КоАП: повышены штрафы за рекламу по сетям электросвязи без согласия, для юрлиц до 1 млн руб.	Колл-центр	**Да**	Нет	**Да**	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 («**Антифрод 1.0**»)	1 июня 2025 (основная часть)	Зонтичная реформа противодействия телефонному мошенничеству (вводит ст. 44.1-1 в 126-ФЗ «О связи»): ГИС, согласие на массовые вызовы, маркировка вызовов, самозапрет на договоры связи, запрет передачи SIM и иностранных мессенджеров для ряда субъектов. Разнонаправленные механизмы разнесены по подпунктам ниже.	Оператор / Колл-центр / Абонент	Да	Да	Да	Да
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (ст. 44.1-1 закона «О связи»)	1 сентября 2025	Регулирование массовых и автоматических вызовов: запрет без предварительного согласия абонента. Если научный обзвон квалифицируется как «массовый вызов», требование согласия изымает часть фрейма выборки RDD. Правовая неопределённость: режим 126-ФЗ охватывает и нерекламные цели.	Колл-центр / Абонент	Нет	**Да**	**Да**	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (право отказа от массовых вызовов)	1 сентября 2025	Абонент получает право отказаться от массовых вызовов через оператора.	Абонент	Нет	Нет	**Да**	**Да**
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (маркировка вызовов организаций); ПП № 1300 от 28.08.2025	1 сентября 2025; поэтапно: 1 апреля / 1 июля / 1 ноября 2025	На оборудование абонента передаётся информация об организации, инициирующей вызов; Обязательная маркировка звонков юрлиц/ИП: на экран передаются наименование (≤32 симв.) и категория вызова по основному ОКВЭД (38 категорий), только в сетях мобильной связи.	Оператор / Колл-центр / Абонент	**Да**	Нет	**Да**	**Да**
Федеральный закон № 281-ФЗ от 31.07.2025	1 сентября 2025 (частично с 1 марта 2026)	Изменения в КоАП: новая ст. 13.29.1 (ответственность за передачу абонентского номера), ужесточение ответственности в сфере связи и информации (VPN, запрещённые ресурсы).	Колл-центр	**Да**	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 303-ФЗ от 08.08.2024 (поправки в 126-ФЗ «О связи»)	поэтапно: 1 апр. / 1 июл. / 1 ноя. 2025	Лимит SIM (≤20 для граждан РФ, ≤10 для иностранцев), ГИС контроля SIM (КСИМ), обязательная верификация абонентов через ЕСИА/ЕБС, самозапрет на договоры связи через Госуслуги, корпоративные SIM только сотрудникам. Очистка и верификация номерного пространства меняют выборочный фрейм RDD (какие номера существуют и валидны), а самозапрет добавляет механизм самоисключения.	Оператор / Абонент	Нет	**Да**	**Да**	**Да**
Ограничение вызовов/ сообщений через иностранные мессенджеры (Минцифры/ РКН, 2025)	с авг. 2025 (поэтапно)	Ограничение голосовых вызовов и части сообщений через иностранные мессенджеры (WhatsApp, Telegram), запрет для ряда субъектов общаться с гражданами через них (в связке с 41-ФЗ).	Оператор / Абонент	Нет	Нет	**Да**	Нет

Прим.: ПДн — Персональные данные. ГИС — Государственная информационная система. КоАП — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. VoIP (Voice over Internet Protocol) — технология передачи голоса и видео через интернет. CRM (Customer Relationship Management) — Система управления взаимоотношениями с клиентами. ОКВЭД — Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. ЕСИА — Единая система идентификации и аутентификации. ЕБС — Единая биометрическая система. РКН — Роскомнадзор.

Таблица П2

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ДИЗАЙН-ЭФФЕКТА ВЫБОРКИ

Год	$deff_{w_{i,t_{2021}}}^{kish}$	$deff_{c(t)}^{kish}$	$deff_{r(t)}^{kish}$	$deff_{w_i(t)}^{kish}$
2021	1,675	1	1	1,675
2024	1,675	1,211	1,045	2,178

В Табл. П2 представлена декомпозиция дизайн эффекта сбалансированной панели для обеих волн лонгитюда. В первой колонке указан эффект на структуру выборки использования кросс-секционного веса базовой волны. Во второй — веса вероятности контакта с респондентом. В третьей — веса вероятности повторного участия респондента в опросе. В последней колонке указан эффект дизайна выборки при использовании произведения всех трех весов.

Таблица П3

КЛЮЧЕВЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЛЯ КОНТРОЛЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЗВЕШИВАНИЯ

Год	Мужчина			Высшее образование			Жертва, 5 лет		
	Выборка	С весом	SMD	Выборка	С весом	SMD	Выборка	С весом	SMD
2021	0,49	0,456	0,069	0,519	0,379	0,284	0,236	0,227	0,023
2024	0,491	0,438	0,107	0,534	0,354	0,369	0,157	0,164	-0,02

В Табл. П3 по аналогии с метриками кросс-секционной выборки представлено несколько ключевых распределений, по которым мы отслеживали масштаб коррекции.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4

VICTIMIZATION IN RUSSIA. SURVEY METHODOLOGY

Kuchakov Ruslan K.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
rkuchakov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0001-5757-410X

Serebrennikov Dmitrii E.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg;
Kazakhstan Sociology Lab, Corporate Foundation «El Umiti» Foundation»
Astana, Kazakhstan
serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-2574-3842

Bobrikov Dmitrii D.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
d.bobrikov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0005-7403-3213

Bondarkov Sergey V.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Moscow, Russia
sbondarkov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0003-0714-6208

Bocharov Timur Yu.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
tbocharov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0001-8208-6076

Gegelman Arina S.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
a.gegelman@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0007-0405-7273

Dzmitryieva Aryna
University of Hagen,
Hagen, Germany
aryna.dzmitryieva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4548-0015

Knorre Alex V.
University of South Florida,
Tampa, USA
aknorre@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-5079-9573

Kudryavtsev Vladimir E.
Florida State University; The Institute for the Rule of Law, European
University at Saint-Petersburg,
Tallahassee, USA
vkudryavtsev@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6509-9094

Ledenev Victor V.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
vledenev@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0008-4639-0071

Osmanov Timur En.
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
osmanovtim@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4065-5787

Skougarevskiy Dmitriy A.
European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
dskougarevskiy@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4022-6210

Khodzhaeva Ekaterina A.
The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg;
Institute of Socio-Political Research, Paris Nanterre University,
Nanterre, France
ekatherina.khodzhaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4614-1733

For citation: Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E., Bobrikov D.D., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu., Gegelman A.S., Dzmitryieva A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Ledenev V.V., Osmanov T.En., Skougarevskiy D.A., Khodzhaeva E.A. Victimization in Russia. Survey methodology, *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 110-219. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4.

Abstract: The paper presents the methodological changes implemented in the RCVS (Russian Crime Victimization Survey), the first regular survey of this kind in the country. We introduced these changes to improve the representativeness and overall cross-comparability of the data. This is a triennial survey conducted between 2018 and 2024. The third wave included 14,779 respondents, 3,456 of whom were part of the panel already surveyed in the previous wave. The paper provides a comprehensive overview of unit nonresponse and its mitigation strategies. We also describe the procedure of inverse probability weighting (IPW) for the cross-sectional data using raking. For the longitudinal part of the survey, we use metadata on interviewers and call dates to construct the weights. This procedure allows us to decompose sample shift into two components—inability to contact the respondent and refusal to participate—in accordance with total survey error theory. The paper also systematizes previous attempts to organize similar surveys in the country, as well as our use of computer-assisted telephone interviewing in conducting the RCVS.

Keywords: RCVS, victim survey, CATI, total survey error, TSE, sample bias, inverse probability weighting, IPW, post-stratification, raking.
Acknowledgments: The authors thank Kirill Titaev for his contribution to the study design and the organization of the first two waves of the RCVS, as well as Denis Savelyev and the entire team at the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg for their engagement in discussing the study results.

References

1. Gilinsky Ya.I. *Deviantology: Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"] (in Russian). St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. 520 p. ISBN 5-94201-320-9.
2. Beck A., Robertson A. Crime in Russia: Exploring the Link, *between Victimisation and Concern about Crime, Crime* Prevention and Community Safety, 2003, vol. 5, no. 1, p. 27–46. DOI: 10.1057/palgrave.cpcs.8140137.
3. Zvarigin V.E., Steh E.E. The true sizes of latent criminality always remain not known. Latent criminality and actual victimisation of the population in the udmurt republic. (by results of carried out(spent) in 2007 kriminologic of research) (in Russian), *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2008, no. 1, p. 121–125.
4. Inshakov S.M. Latent Crime as an Object of Research (in Russian), *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2009, vol. 16, no. 1, p. 107–130.
5. Semukhina O. Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note, *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2014, vol. 38, no. 4, p. 305–325. DOI: 10.1080/07418820600985339.
6. Mayorov A.V. Analysis of modern society victimization (on the example of Ural federal district) (in Russian), *Victimology*, 2015, vol. 4, no. 2, p. 59–69.
7. Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Experience of measuring the level of victimization of the population of Nizhniy Novgorod region (in

Russian), *Russian Journal of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 3, p. 175–186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186.

8. Dolgorukova I. V., Kirillov A. V., Mazaev Y. N., Tanatova D. K., Yudina T. N. The Dynamics of Victimization of the Russian Population: A Sociological Evaluation, *RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 2, p. 303–317. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317.
9. Vzaimootnosheniya policii i grazhdan: issledovanie FOM po zakazu MVD Kriminal'nye ugrozy, opaseniya rossiyan i ih kontakty s organami vnutrennih del [Police-citizen relations: a FOM study commissioned by the Ministry of Internal Affairs—criminal threats, Russians' concerns, and their interactions with law enforcement agencies] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 07.11.2013. URL: https://fom.ru/posts/11180 (date of access: 25.08.2025).
10. Verkeev A.M., Volkov V.V., Dzmitryieva A.V., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Kuznetsova D.A., Kuchakov R.K., Titaev K.D., Khodzhaeva E.A. How to study victims of a crime? (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, vol. 150, no. 2, p. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01.
11. Zhmurov D.V., Korobeev A.I., Protasevich A.A. Cyber victimology. The first national study (in Russian), *Russian Investigator,* 2022, no. 11, p. 49–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-49-59.
12. Zhmurov D.V. Victimological characteristics of victims of cybercrime in Russia (in Russian), *Matters of Russian and International Law*, 2024, vol. 14, no. 4-1, p. 532–538.
13. Kamalov E., Sergeeva I. *Partnerskoe nasilie v Rossii: rezul'taty serii oprosov* [Intimate partner violence in Russia: results of a series of surveys] (in Russian). 2023. URL: https://violencemonitor.org/report_2023 (date of access: 26.06.2026).
14. Serebrennikov D., Titaev K. *Dynamics of crime and victimization in Russia 2018-2021* (in Russian). St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg, 2022. 34 p. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (date of access: 26.06.2026).
15. Serebrennikov D.E., Kuchakov R.K., Bobrikov D.D., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu., Gegelman A.S., Dmitrieva A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Ledenev V.V., Osmanov T.E., Skugarevsky D.A., Khodzhaeva E.A. Viktimizaciya v Rossii: dolgosrochnye trendy

prestupnosti [Victimization in Russia: Long-term Crime Trends] (in Russian), *Journal of Economic Sociology,* 2026, vol. 28, no. 4. (Accepted for publication).
16. Gurvich I.N. Viktimizaciya kak faktor izmeneniya pravosoznaniya grazhdan [Victimization as a factor in the changing legal consciousness of citizens] (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1999, no. 1, p. 142–143.
17. *National Crime Victimization Survey* [site]. URL: https://bjs.ojp.gov/data-collection/ncvs (date of access: 25.08.2025).
18. Van Kesteren J., Van Dijk J., Mayhew P. The International Crime Victims Surveys: A Retrospective, *International Review of Victimology*, 2014, vol. 20, no. 1, p. 49–69. DOI: 10.1177/0269758013511742.
19. Van Kesteren J., Van Dijk J. *The International Crime Victims Survey, 1989–2005. ICPSR — Interuniversity Consortium for Political and Social Research,* 2015. URL: https://www.openicpsr.org/openicpsr/project/100095/version/V2/view (date of access: 26.06.2026).
20. *Crime and Crime Prevention in Moscow,* ed. by M. Alexeyeva, A. Patrignani. Rome: United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), 1994. 176 p. ISBN 978-9290780274.
21. European Social Survey, ESS. Russian Federation (in Russian), *ESS Data portal* [site]. URL: https://ess.sikt.no/en/country/321b06ad-1b98-4b7d-93ad-ca8a24e8788a/ru (date of access: 04.09.2026).
22. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta "Evropejskoe social'noe issledovanie"* [Russia in Europe: Based on Data from the International Project "European Social Survey"] (in Russian), ed. by A.V. Andreenkov, L.A. Belyaev. Moscow: Academia, 2009. 383 p. ISBN 978-5-87444-344-3.
23. Andreenkova A.V. *Sravnitel'nye mezhstranovye issledovaniya v social'nyh naukah: teoriya, metodologiya, praktika* [Comparative Cross-National Research in the Social Sciences: Theory, Methodology, Practice] (in Russian). Moscow: Novyj hronograf, 2014. 512 p. ISBN 978-5-94881-285-4.
24. Shchepelkov V.F., Prjakhina N.I., Suslina E.V. Domestic violence in russia: a criminological analysis of its current state (based on an all-Russian public opinion poll) (in Russian), *Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no 5, p. 473–483. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).473-483.

25. Savin S.D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic violence as a social problem in the russian society: between privacy and publicity (in Russian), *RUDN Journal of Sociology*, 2025, vol. 25, no. 1, p. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78.
26. Prestupnost' v Rossii [Crime in Russia] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 23 March 2023. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14851 (date of access: 03.05.2026).
27. Telefonnye moshenniki [Telephone scammers] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 27 May 2025. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15190 (date of access: 03.05.2026).
28. Postradavshie ot prestuplenij: v nadezhde na spravedlivost' [Crime victims: hoping for justice] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 22 February 2017. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost- (date of access: 03.05.2026).
29. Telefonnoe moshennichestvo: masshtaby i poteri [Telephone fraud: scale and losses] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 7 July 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-masshtaby-i-poteri (date of access: 03.05.2026).
30. Telefonnoe moshennichestvo: monitoring [Telephone fraud: monitoring] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 20 February 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (date of access: 03.05.2026).
31. Pokupki v internete: doverie protiv moshennichestva monitoring [Online shopping: trust vs. fraud monitoring] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 16 March 2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-v-internete-doverie-protiv-moshennichestva (date of access: 03.05.2026).
32. Domashnee nasilie [Domestic violence] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 13 September 2019. URL: https://www.levada.ru/2019/09/13/domashnee-nasilie/ (date of access: 03.05.2026).
33. Nasilie nad zhenshchinami [Violence against women] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 7 April 2020. URL: https://www.levada.ru/2020/04/07/nasilie-nad-zhenshhinami/ (date of access: 25.08.2025).

34. Seksual'nye domogatel'stva [Sexual harassment] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 22 April 2020. URL: https://www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/ (date of access: 25.08.2025).
35. *Prilozhenie №2 k prikazu Rosstata ot 11.04.2024 № 149. Federal'noe statisticheskoe nablyudenie. Kompleksnoe nablyudenie uslovij zhizni naseleniya: individual'nyj voprosnik dlya lic v vozraste 15 let i bole* [Appendix No. 2 to Rosstat Order No. 149 dated April 11, 2024. Federal statistical survey. Comprehensive survey of population living conditions: individual questionnaire for persons aged 15 and older] (in Russian). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (date of access: 25.08.2025).
36. Federal'nye statisticheskie nablyudeniya po social'no-demograficheskim problemam [Federal statistical surveys on socio-demographic issues] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (date of access: 25.08.2025).
37. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. *Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections and a Longitudinal Panel, 2018–2024.* SSRN, 2026. DOI: 10.2139/ssrn.6418058.
38. *18-ya i 19-ya volny Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE: voprosy «j229–332»* [Waves 18 and 19 of the HSE Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE): questions "j229–332"] (in Russian). URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/27/1274110903/R19_ind_codebook_09.2024.pdf (date of access: 25.08.2025).
39. *34-ya volna Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE: voprosy «ddj606—ddj606.2»* [Wave 34 of the HSE Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE): questions "ddj606—ddj606.2"] (in Russian). URL: https://www.hse.ru/data/2026/09/01/247934934/R34_ind_codebook.pdf (date of access: 04.09.2026).
40. *Anketolog* [csite]. URL: https://anketolog.ru (date of access: 25.08.2025).
41. Rogozin D.M. «Darkanswer» factories or four negative features of modern opt-in online panels (in Russian), *Sociology of Power,* 2018, vol. 30, no. 3, p. 38–53. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53.

42. Korsunova V., Sokolov B. Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia, *International Journal of Public Opinion Research*, 2025, vol. 37, no. 3, p. edaf030. DOI: 10.1093/ijpor/edaf030.
43. Shcherbakov R.A. Individual Cybersecurity Practices: Relationship with Socioeco-nomic Status and Risk Experience of Risk Exposure (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2026, no. 2, p. 216–235. DOI: 10.14515/monitoring.2026.2.3117.
44. Shcherbakov R.A. Cyber aggression and cybercrime in Russia: risk factors (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2025, vol. 10, no. 10, p. 39–51. DOI: 10.7868/S3034601025100043.
45. *Online Market Intelligence (OMI)* [site]. URL: https://www.omirussia.ru (date of access: 25.08.2025).
46. Guidelines for Producing Statistics on Violence against Women—Statistical Surveys, *United Nations,* 2014. 218 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/docs/guidelines_statistics_vaw.pdf (date of access: 25.08.2025).
47. Kamalov E., Sergeeva I. What Works for Measuring Intimate Partner Violence: Evidence from a Series of List Experiments and Self-Administered Surveys, *Sociological Methods & Research*, 2026. DOI: 10.1177/00491241261436407.
48. Gilev A., Valastro T., Vyrskaia M., Zavadskaya M. *Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA) Wave 5*. 2026. DOI: 10.48320/594738E2-79D8-4337-A60F-2B30A009715F.
49. PROPA – Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes, *University of Helsinki* [site]. URL: https://blogs.helsinki.fi/propa-public-opinion/media-publications/ (date of access: 25.06.2026).
50. *Vserossijskij opros zhertv prestuplenij* [Nationwide survey of crime victims] (in Russian) [site]. URL: https://rcvs.enforce.spb.ru (date of access: 26.06.2026).
51. Russian Crime Victimization Survey (RCVS), *GitHub* [site]. URL: https://github.com/irlcode/RCVS (date of access: 26.06.2026).
52. Knorre A., Titaev K. *Crime and Victimization in Russia: The All-Russian Survey Results* (in Russian). St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (date of access: 26.06.2026).

53. *Mezhdunarodnoe issledovanie obshchestvennoj bezopasnosti v Kyrgyzstane* [International Study on Public Safety in Kyrgyzstan] (in Russian). 2015. 98 p. URL: https://reforma.kg/media/post/postpdf/2018-06-09-1934749430.pdf (date of access: 25.08.2025).
54. Van Dijk J., van Kesteren J., Troshev A., Slade G. *Issledovanie «Ocenka urovnya bezopasnosti naseleniya i doveriya k pravoohranitel'nym organam» (mezhdunarodnyj opros viktimizacii v Kazahstane)* [Study "Assessment of Public Safety Levels and Trust in Law Enforcement Agencies" (International Crime Victim Survey in Kazakhstan)] (in Russian). 2018. 66 p. ISBN 978-601-06-5338-2. URL: https://drive.google.com/file/d/1mSQ6nni9VnCRniekLuHeh1cLLff_PHS0/view (date of access: 25.08.2025).
55. *Rezul'taty viktimologicheskogo issledovaniya sredi naseleniya Ferganskoj doliny Respubliki Uzbekistan* [Results of a victimological study among the population of the Fergana Valley, Republic of Uzbekistan] (in Russian). 2023. 95 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1U2GulFXLEmB9_Vg65zeq1zubTBgoBFWf/view (date of access: 25.08.2025).
56. Van Dijk J., Chantulia T., Glonti G. *Victimization Survey Report. Support to the Security Sector Reform Programme Preparation, Funded by the European Union.* IBF International Consulting, July 2021. 75 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1NGsENibCE90RXj0_155zfErlKN05qLZ7/view (date of access: 26.06.2026).
57. Shahbazov I. *Victimization of the Azerbaijani Population: Combating Criminal and Illegal Activities through Engagement with Relevant Institutions.* Baku: Social Research Center, 2020. 24 p.
58. Shahbazov I., Afandiyev Z., Balayeva A. Some Determinants of Crime Reporting Among Economic and Financial Crime Victims: The Case of Azerbaijan, *Journal of White Collar and Corporate Crime*, 2023, vol. 4, no. 1, p. 24–37. DOI: 10.1177/2631309X211037922.
59. Cantor D. Methodological Developments and Innovations of the National Crime Victimization Survey, 1972–2023, *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2025, vol. 41, no. 1, p. 9–29. DOI: 10.1177/10439862241289783.
60. Kantar Public, Office for National Statistics Work Package A: Developing and Testing an Online Version of the CSEW Questionnaire, *Research on Transforming the Crime Survey for England and Wales*, 2022.

61. Hales J. *Longitudinal Analysis of Offending, Crime and Justice Survey 2003–06.* London: Home Office, 2009.
62. Van Der Velden P. G., Contino C., Das M. Data of the Multi-Wave Population-Based Prospective Victims in Modern Society (VICTIMS) Study on Potential Traumatic Events, Social Support, Mental Health, Coping Self-Efficacy and Services Use, *Data in Brief*, 2024, vol. 54, p. 110346. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110346.
63. Victims in Modern Society, *LISS panel* [site]. URL: https://www.dataarchive.lissdata.nl/study-units/view/945 (date of access: 25.08.2025).
64. Johnston D. W., Shields M. A., Suziedelyte A. Victimisation, Well-being and Compensation: Using Panel Data to Estimate the Costs of Violent Crime, *Economic Journal*, 2018, vol. 128, no. 611, p. 1545–1569. DOI: 10.1111/ecoj.12478.
65. Braakmann N. How Do Individuals Deal with Victimization and Victimization Risk? Longitudinal Evidence from Mexico, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012, vol. 84, no. 1, p. 335–344. DOI: 10.1016/j.jebo.2012.04.001.
66. Aebi M., Linde A. "National Victimization Surveys", in: *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*, ed. by G. Bruinsma, D. Weisburd. New York: Springer, 2014, p. 3228–3242. DOI: 10.1007/978-1-4614-5690-2_445.
67. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal Victimisation and Health: Examining the Relation in Nine Countries of the Former Soviet Union, *Social Science & Medicine*, 2013, vol. 91, p. 76–83. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.05.004.
68. Osmanov T.E., Rogozin D.M. Optimal Ratio Between Cell and Landline Phones in Dual-Frame Telephone Survey (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes,* 2016, no. 5, p. 41–63. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.04.
69. Ezhednevnyj vserossijskij opros «SPUTNIK». Pervyj v strane ezhednevnyj vserossijskij telefonnyj omnibus [«SPUTNIK» daily all-Russian survey. The country's first daily all-Russian telephone omnibus survey] (in Russian), *Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM)* [site]. URL: https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik (date of access: 25.08.2025).

70. Reestr rossijskoj sistemy i plana numeracii (vygruzka po sostoyaniyu na 29.11.2024) [Registry of the Russian numbering system and plan (data export as of 29 November 2024)] (in Russian), *Open Data Registry* [site]. URL: https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric (date of access: 25.08.2025).
71. CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2024 goda [Population of the Russian Federation by sex and age as of 1 January 2024] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (date of access: 25.08.2025).
72. *Report of the AAPOR Task Force on Transitions from Telephone Surveys to Self-Administered and Mixed-Mode Surveys.* October 2019. 327 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Report-of-the-Task-Force-on-Transitions-from-Telephone-Surveys-FULL-REPORT-FINAL.pdf (date of access: 25.08.2025).
73. Jabkowski P., Cichocki P. Survey Response Rates in European Comparative Surveys: A 20-Year Decline Irrespective of Sampling Frames or Survey Modes, *Quality & Quantity*, 2025, vol. 59, no. S1, p. 635–655. DOI: 10.1007/s11135-024-01993-9.
74. *Report from the AAPOR task force on the Future of U.S. General Population Telephone Survey Research.* 2017. 74 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Future-of-Telephone-Survey-Research-Report.pdf (date of access: 25.08.2025).
75. Marken S. Still Listening: The State of Telephone Surveys, *Gallup* [site]. URL: https://news.gallup.com/opinion/methodology/225143/listening-state-telephone-surveys.aspx (date of access: 25.08.2025).
76. Response rates in telephone surveys have resumed their decline, *Pew Research Center* [site]. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/02/27/response-rates-in-telephone-surveys-have-resumed-their-decline/ (date of access: 25.08.2025).
77. *Doklady na HIII Grushinskoj sociologicheskoj konferencii, sekciya "Problema neotvetov v turboreal'nosti"* [Presentations at the 13th Grushin Sociological Conference, session "The Problem of Non-Response in Turbo-Reality"] (in Russian), 25 May 2023. URL: https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24 (date of access: 25.08.2025).

78. *Sberbank PJSC: Empire of Lies. The Berdyansk Express: The Story of a Fraudulent Call Center — An Analytical Report* (in Russian). Moscow: Sberbank PJSC, 2022. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-vvedenie?ysclid=mqvjpnx4h8791305232 (date of access: 26.06.2026).
79. *Saturn* [site]. URL: https://saturn.siisltd.ru/ (date of access: 25.08.2025).
80. *Standard Definitions. Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys*. 2023. 90 p. URL: https://aapor.org/wp-content/uploads/2024/03/Standards-Definitions-10th-edition.pdf (date of access: 25.08.2025).
81. Reiczigel J., Földi J., Ózsvári L. Exact Confidence Limits for Prevalence of a Disease with an Imperfect Diagnostic Test, *Epidemiology and Infection*, 2010, vol. 138, no. 11, p. 1674–1678. DOI: 10.1017/S0950268810000385.
82. Losenkova N.A., Galashova N.B. Issledovatel'skie kompetencii interv'yuera: vozmozhnosti i predely [Interviewer research competencies: possibilities and limits] (in Russian), *7th Grushin Sociological Conference*. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2018/prez/7/Galashova_Losenkova.pdf (date of access: 25.08.2025).
83. Knorre A., Titaev K. *Russian Crime Victimization Survey 2018*. Harvard Dataverse, 2019. DOI: 10.7910/DVN/C2OTH9.
84. Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E. "CHto takoe zhertva? Konceptualizaciya viktimizacii v oprosah [What Is a Victim? Conceptualizing Victimization in Surveys]" (in Russian), in: *Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: kollektivnaya monografiya* [Contemporary Russian Deviantology: A Collective Monograph], ed. by Ya.I. Gilinsky, K.V. Kharabet. St. Petersburg: Aletejya, 2026.
85. Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E. *CHto takoe zhertva? Konceptualizaciya viktimizacii v oprosah* [What is a victim? Conceptualizing victimization in surveys] (in Russian). DOI: 10.31235/osf.io/k8yz7_v1. URL: https://osf.io/preprints/socarxiv/k8yz7_v1 (date of access: 25.08.2025).
86. Knorre A., Titaev K., Serebrennikov D. *Russian Crime Victimization Survey 2021*. Harvard Dataverse, 2022. DOI: 10.7910/DVN/SGRQTI.

87. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. *Russian Crime Victimization Survey 2024*. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/WMO7Y2.
88. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D., Titaev K. *Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections 2018, 2021, 2024, and Panel 2021–2024*. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/ISMDV5.
89. Groves R. Nonresponse Rates and Nonresponse Bias in Household Surveys, *Public Opinion Quarterly*, 2006, vol. 70, no. 5, p. 646–675. DOI: 10.1093/poq/nfl033.
90. Groves R., Couper M. *Nonresponse in Household Interview Surveys*. New York: Wiley, 1998. 356 p. DOI: 10.1002/9781118490082.
91. Brick J. M. Unit Nonresponse and Weighting Adjustments: A Critical Review, *Journal of Official Statistics*, 2013, vol. 29, no. 3, p. 329–353. DOI: 10.2478/jos-2013-0026.
92. Rubin D. Inference and Missing Data, *Biometrika*, 1976, vol. 63, no. 3, p. 581–592. DOI: 10.1093/biomet/63.3.581.
93. Little R. Missing Data Analysis, *Annual Review of Clinical Psychology*, 2024, vol. 20, no. 1, p. 149–173. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-080822-051727.
94. Bollen K. A., Biemer P. P., Karr A. F., Tueller S., Berzofsky M. E. Are Survey Weights Needed? A Review of Diagnostic Tests in Regression Analysis, *Annual Review of Statistics and Its Application*, 2016, vol. 3, no. 1, p. 375–392. DOI: 10.1146/annurev-statistics-011516-012958.
95. Kish L. *Survey Sampling*. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p. ISBN 978-0-471-48900-9.
96. Valliant R., Dever J. A., Kreuter F. *Practical Tools for Designing and Weighting Survey Samples*. 2nd ed. Cham: Springer, 2018. 776 p. ISBN 978-3-319-93631-4. DOI: 10.1007/978-3-319-93632-1.
97. Churikov A.V. *Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskih issledovanij* [Fundamentals of Sampling Design for Sociological Research] (in Russian). Moscow: Public Opinion Foundation Institute, 2020. 240 p. ISBN 978-5-93947-034-6.
98. Horvitz D. G., Thompson D. J. A Generalization of Sampling Without Replacement from a Finite Universe, *Journal of the American Statistical Association*, 1952, vol. 47, no. 260, p. 663–685. DOI: 10.1080/01621459.1952.10483446.

99. Little R., Rubin D. *Statistical Analysis with Missing Data*. 3rd ed. Hoboken: Wiley, 2019. 462 p. ISBN 978-0-470-52679-8. DOI: 10.1002/9781119482260.
100. Dutwin D., Buskirk T. D. Telephone Sample Surveys: Dearly Beloved or Nearly Departed? Trends in Survey Errors in the Era of Declining Response Rates, *Journal of Survey Statistics and Methodology*, 2021, vol. 9, no. 3, p. 353–380. DOI: 10.1093/jssam/smz044.
101. Little R., Vartivarian S. Does Weighting for Nonresponse Increase the Variance of Survey Means? *Survey Methodology*, 2005, vol. 31, no. 2, p. 161–168.
102. Kreuter F., Olson K., Wagner J., Yan T., Ezzati-Rice T. M., Casas-Cordero C., Lemay M., Peytchev A., Groves R., Raghunathan T. E. Using Proxy Measures and Other Correlates of Survey Outcomes to Adjust for Non-Response: Examples from Multiple Surveys, *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 2010, vol. 173, no. 2, p. 389–407. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2009.00621.x.
103. Little R. Discussion, *Journal of Official Statistics*, 2013, vol. 29, no. 3, p. 363–366. DOI: 10.2478/jos-2013-0029.
104. Van Buuren S. *Flexible Imputation of Missing Data*. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2018. 415 p. ISBN 978-1-138-58831-8. DOI: 10.1201/9780429492259.
105. Heymans M., Eekhout I. *Applied Missing Data Analysis*. Amsterdam, The Netherlands: Heymans and Eekhout. 2019.
106. Seaman S. R., White I. R., Copas A. J., Li L. Combining Multiple Imputation and Inverse-Probability Weighting, *Biometrics*, 2012, vol. 68, no. 1, p. 129–137. DOI: 10.1111/j.1541-0420.2011.01666.x.
107. Mitra R., Reiter J. P. A Comparison of Two Methods of Estimating Propensity Scores after Multiple Imputation, *Statistical Methods in Medical Research*, 2016, vol. 25, no. 1, p. 188–204. DOI: 10.1177/0962280212445945.
108. Pishgar F., Greifer N., Leyrat C., Stuart E. MatchThem: Matching and Weighting after Multiple Imputation, *The R Journal*, 2021, vol. 13, no. 2, p. 228–238. DOI: 10.32614/RJ-2021-073.
109. Heckman J. The Common Structure of Statistical Models of Truncation, Sample Selection and Limited Dependent Variables and a Simple Estimator for Such Models, *Annals of Economic and Social Measurement*, 1976, vol. 5, no. 4, p. 475–492.

110. Heckman J. Sample Selection Bias as a Specification Error, *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 1, p. 153–161. DOI: 10.2307/1912352.
111. Rosenbaum P. R., Rubin D. B. The Central Role of the Propensity Score in Observational Studies for Causal Effects, *Biometrika*, 1983, vol. 70, no. 1, p. 41–55. DOI: 10.1093/biomet/70.1.41.
112. Austin P. C. An Introduction to Propensity Score Methods for Reducing the Effects of Confounding in Observational Studies, *Multivariate Behavioral Research*, 2011, vol. 46, no. 3, p. 399–424. DOI: 10.1080/00273171.2011.568786.
113. Chesnaye N. C., Stel V., Tripepi G., Dekker F., Fu E., Zoccali C., Jager K. An Introduction to Inverse Probability of Treatment Weighting in Observational Research, *Clinical Kidney Journal*, 2022, vol. 15, no. 1, p. 14–20. DOI: 10.1093/ckj/sfab158.
114. Guo S., Fraser M. *Propensity Score Analysis: Statistical Methods and Applications*. Los Angeles: Sage, 2010. 370 p. ISBN 978-1-4129-5356-6.
115. Gelman A. Struggles with Survey Weighting and Regression Modeling, *Statistical Science*, 2007, vol. 22, no. 2, p. 153–164. DOI: 10.1214/088342306000000691.
116. Ahmad Z., Zhang L. "Nonparametric Estimation for Longitudinal Data with Informative Missingness", in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology,* ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 491–512. DOI: 10.1002/9781119376965.ch20.
117. Kolenikov S. Post-Stratification or a Non-Response Adjustment? *Survey Practice*, 2016, vol. 9, no. 3, p. 1–12. DOI: 10.29115/SP-2016-0014.
118. *Vserossijskoe obsledovanie domohozyajstv po potrebitel'skim finansam (6-ya volna). Tekhnicheskij otchet* [All-Russian Household Survey on Consumer Finances (6th Wave). Technical Report] (in Russian). 2025. 59 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/174711/inf.pdf (date of access: 25.08.2025).
119. Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics 1995, *International Household Survey Network (IHSN)* [site]. 28 October 2014. URL: https://catalog.ihsn.org/catalog/6193 (date of access: 25.08.2025).
120. Battaglia M. P., Hoaglin D. C., Frankel M. R. Practical Considerations in Raking Survey Data, *Survey Practice*, 2009, vol. 2, no. 5, p. 1–10. DOI: 10.29115/SP-2009-0019.

121. Kolenikov S. Calibrating Survey Data Using Iterative Proportional Fitting (Raking), *The Stata Journal*, 2014, vol. 14, no. 1, p. 22–59. DOI: 10.1177/1536867X1401400104.
122. Autumn: Fast, Modern, and Tidy Raking, *GitHub* [site]. URL: https://github.com/aaronrudkin/autumn (date of access: 25.08.2025).
123. Survey: Analysis of Complex Survey Samples, *Cran.R* [site]. URL: https://cran.r-project.org/web/packages/survey/index.html (date of access: 25.08.2025).
124. PracTools: Designing and Weighting Survey Samples, *Cran.R* [site]. URL: https://cran.r-project.org/web/packages/PracTools/index.html (date of access: 25.08.2025).
125. Lumley T. *Complex Surveys: A Guide to Analysis Using R.* Hoboken: Wiley, 2010. 296 p. ISBN 978-0-470-28430-8. DOI: 10.1002/9780470580066.
126. CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2024 goda [Population of the Russian Federation by sex and age as of 1 January 2024] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (date of access: 25.08.2025).
127. Itogi vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 goda. Tom 3 Obrazovanie [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Volume 3: Education] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (date of access: 25.08.2025).
128. Vybory Prezidenta Rossijskoj Federacii 17 marta 2024 goda. Svodnaya tablica [Election of the President of the Russian Federation, March 17, 2024. Summary table.] (in Russian), *Vestnik central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii*, 2024, no. 7(467). URL: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-(467)-2024.pdf (date of access: 25.08.2025).
129. Russian Crime Victimization Survey (RCVS), *GitHub* [site]. URL: https://github.com/irlcode/RCVS (date of access: 25.08.2025).
130. *Prikaz Rosstata ot 03.06.2010 № 209 "Ob utverzhdenii Metodologicheskih ukazanij po ocenke obshchej chislennosti naseleniya"* [Order of Rosstat No. 209 dated June 3, 2010, "On Approval of Methodological Guidelines for Estimating the Total Population"] (in Russian) (date of access: 25.08.2025).

131. Andreev E.M., Churilova E.V. The results of the 2021 all-Russian population census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years (in Russian), *Demographic Review,* 2023, т. 10, № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967.
132. Chudinovskikh O.S. On the issue of the possibility of studying migration based on the materials of the 2020 all-Russia population census (in Russian), *Demographic Review*, 2025, vol. 12, no. 2, p. 4–34. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27489.
133. Prokofieva L.M., Korchagina I.I. The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses (in Russian), *Demographic Review*, 2023, vol. 10, no. 2, p. 4–17. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17763.
134. Gallardo-Gómez D., Richardson R., Dwan K. Standardized Mean Differences in Meta-analysis: A Tutorial, *Cochrane Evidence Synthesis and Methods*, 2024, vol. 2, no. 3, p. e12047. DOI: 10.1002/cesm.12047.
135. Austin P. C. Using the Standardized Difference to Compare the Prevalence of a Binary Variable Between Two Groups in Observational Research, *Communications in Statistics — Simulation and Computation*, 2009, vol. 38, no. 6, p. 1228–1234. DOI: 10.1080/03610910902859574.
136. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013, *International Journal of Epidemiology*, 2016, vol. 45, no. 2, p. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
137. Deng Y., Hillygus D. S., Reiter J. P., Si Y., Zheng S. Handling Attrition in Longitudinal Studies: The Case for Refreshment Samples, *Statistical Science*, 2013, vol. 28, no. 2, p. 238–256. DOI: 10.1214/13-STS414.
138. Watson N., Wooden M. "Identifying Factors Affecting Longitudinal Survey Response", in: *Methodology of Longitudinal Surveys,* ed. by P. Lynn. Chichester: Wiley, 2009, p. 157–181. DOI: 10.1002/9780470743874.ch10.
139. Lugtig P. Panel Attrition: Separating Stayers, Fast Attriters, Gradual Attriters, and Lurkers, *Sociological Methods & Research*, 2014, vol. 43, no. 4, p. 699–723. DOI: 10.1177/0049124113520305.

140. Peracchi F. The European Community Household Panel: A Review, *Empirical Economics*, 2002, vol. 27, no. 1, p. 63–90. DOI: 10.1007/s181-002-8359-0.
141. Nicoletti C., Peracchi F. Survey Response and Survey Characteristics: Microlevel Evidence from the European Community Household Panel, *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 2005, vol. 168, no. 4, p. 763–781. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2005.00369.x.
142. Watson N. *Longitudinal and Cross-sectional Weighting Methodology for the HILDA Survey*. 2012. 58 p.
143. West B. T., Blom A. G. Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis, *Journal of Survey Statistics and Methodology*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 175–211. DOI: 10.1093/jssam/smw024.
144. Rogozin D. Vliyanie interv'yuera na dostupnost' respondentov v telefonnom oprose [The interviewer's influence on respondent availability in a telephone survey] (in Russian), *Sociological Journal*, 2004, no. 1–2, p. 75–105.
145. Bärnighausen T., Bor J., Wandira-Kazibwe S., Canning D. Correcting HIV Prevalence Estimates for Survey Nonparticipation Using Heckman-type Selection Models, *Epidemiology*, 2011, vol. 22, no. 1, p. 27–35. DOI: 10.1097/EDE.0b013e3181ffa201.
146. Sokolov B.O., Korsunava V.I. Demographic correlates of attrition in longitudinal online surveys in Russia: evidence from four waves of the «values in crisis» project (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2025, no. 9, p. 34–48. DOI: 10.7868/S3034601025090046.
147. Values in Crisis International (SUF edition), *AUSSDA* [site]. DOI: 10.11587/LIHK1L. URL: https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L (date of access: 25.10.2025).
148. Kühne S., Kroh M. "Interviewer Effects in Panel Surveys", in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology*, ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 302–336. DOI: 10.1002/9781119376965.ch13.
149. Watson N. Evaluation of Weighting Methods to Integrate a Top-up Sample with an Ongoing Longitudinal Sample, *Survey Research Methods*, 2014, vol. 8, no. 3, p. 195–208. DOI: 10.18148/srm/2014.v8i3.5818.
150. Watson N., Lynn P. "Refreshment Sampling for Longitudinal Surveys", in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology*, ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 1–25. DOI: 10.1002/9781119376965.ch1.

151. Verbeek M. “Pseudo-Panels and Repeated Cross-Sections”, in: *The Econometrics of Panel Data*, ed. by L. Mátyás, P. Sevestre. Berlin: Springer, 2008, vol. 46, p. 369–383. DOI: 10.1007/978-3-540-75892-1_11.
152. Hirano K., Imbens G. W., Ridder G., Rubin D. B. Combining Panel Data Sets with Attrition and Refreshment Samples, *Econometrica*, 2001, vol. 69, no. 6, p. 1645–1659. DOI: 10.1111/1468-0262.00260.
153. Sakshaug J. W., Struminskaya B. Augmenting Surveys with Paradata, Administrative Data, and Contextual Data, *Public Opinion Quarterly*, 2023, vol. 87, no. S1, p. 475–479. DOI: 10.1093/poq/nfad026.

Information about the authors

Ruslan K. Kuchakov
Director of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Dmitrii E. Serebrennikov
Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg; Leading Researcher of the Kazakhstan Sociology Lab, Corporate Foundation «El Umiti» Foundation»

Dmitrii D. Bobrikov
Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Sergey V. Bondarkov
Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Timur Yu. Bocharov
PhD, Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Arina S. Gegelman
Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Aryna Dzmitryieva
PhD, Researcher of the University of Hagen

Alex V. Knorre
PhD, Assistant Professor in the Department of Criminology of the University of South Florida

Vladimir E. Kudryavtsev
Graduate student of the Florida State University; Associate Research Fellow of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Victor V. Ledenev
Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg

Timur En. Osmanov
Visiting Lecturer, Department of Methods of Collecting and Analyzing Sociological Information, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences National Research University Higher School of Economics

Dmitriy A. Skougarevskiy
PhD, S.A. Muromtsev Associate Professor of Empirical Legal Studies at the European University at St. Petersburg

Ekaterina A. Khodzhaeva
Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg; visiting researcher of the Institute of Socio-Political Research, Paris Nanterre University

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.5
EDN: QJPBEK

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА

Гребенюк Александр Александрович
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
Эл. почта: gaa-mma@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9003-4551

Волкова Ирина Сергеевна
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
Эл. почта: irenevolkova815@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3935-0548

Для цитирования: *Гребенюк А. А., Волкова И. С.* Методологические и методические особенности исследования образа будущего государства // Социология: методология, методы, атематическое моделирование (Социология: 4М). 2026. т. 35, № 3(64). С. 220-253. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.5. EDN: QJPBEK.

В статье представлена попытка обобщения методов анализа образов будущего, в частности, образа будущего государства как комплексного и в значительной степени иррационального конструкта коллективного сознания, зафиксированного в текстовом, графическом, звуковом или числовом формате. Раскрываются особенности многоуровневых методологических подходов к анализу образа будущего (тематический анализ, комплексный социально-гуманитарный анализ, причинно-уровневый анализ, лингвополитическая прогностика), а также возможности применения отдельных социологических и психологических методов, герменевтики, семиотики, архетипического анализа, когни-

тивистики и киберметрии на примере отечественных и зарубежных исследований.

Ключевые слова: образ будущего, образ государства, измерение образа будущего, методология анализа образа будущего, конструирование будущего.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке программы развития МГУ имени М.В. Ломоносова, проект «Разработка комплексной методологии современной теории социального поведения».

Введение

Типы «знания» о будущем претерпели впечатляющую эволюцию форм: от пророчеств, гаданий и предсказаний к научным прогнозам, проектам, моделям. Однако возрастающая рационализация не означает исчезновения из коллективного сознания более ранних форм антиципации. Более того, представления об образе будущего остаются в значительной степени иррациональными, при этом оставаясь в фокусе ученых. Соглашаясь с Максом Шелером [1], определим своим предметом анализа не только рациональное «знание» о будущем, но и социальное безумие, суеверия, эсхатологические проекты и т.д. В данном случае перед исследователем встает задача поиска оптимальных методов, применение которых позволит зафиксировать наиболее четкие картины будущего, расположенные в коллективном сознании.

Между тем, прогностический опыт И.В. Бестужева-Лады показал низкую эффективность «лобовых» прожективных опросов, что обуславливает необходимость поиска альтернативных методов анализа образа будущего и, в частности, образа будущего государства в коллективном сознании [2]. Речь идет о применении общенаучных и специальных методов, применяемых как в социологии, так и в психологии, политологии, экономике, филологии, футурологии. В статье описываются комплексные

методологические подходы к анализу данного феномена: тематический анализ, комплексный социально-гуманитарный анализ, причинно-уровневый анализ, лингвополитическая прогностика. В качестве методов рассматриваются социологические и психологические методы, герменевтика, семиотика, архетипический анализ, когнитивистика и кибермерия. Делается вывод о необходимости разработки комплексной междисциплинарной методологии, сочетающей классические и современные методы анализа данных, в том числе цифровая социология, кибермерия и анализ больших данных.

Вводные методологические замечания

В данной работе под **образом будущего государства** (далее – ОБ) мы понимаем конструкт коллективного сознания, ориентированный на краткосрочную, среднесрочную или долгосрочную перспективу развития государства в рамках основных сфер общества, субъективный образ которых представлен как «**желаемое**» или «**вероятное**» будущее. Важно отметить: во-первых, ОБ включает **рациональные** (сценарии, прогнозы) и **иррациональные элементы** (мечты, архетипы, верования, интуитивные предвосхищения); во-вторых, исследователя ОБ могут заинтересовать как статистические данные, так и корпусы текстов, произведения изобразительного искусства, кино, музыка, различные артефакты повседневной жизни и многое другое, что обуславливает необходимость поиска комплексной методологии.

При существующем многообразии методов перед авторами встает необходимость классифицирования методов анализа ОБ, причем поиск оснований данной классификации является ключевым вопросом.

Классическая типологизация изучаемых социологами данных включает количественные и качественные данные; типоло-

гизация методов – количественные и качественные методы обработки данных. Грег Гест, Кэтлин М. Маккуин, Эмили И. Нэйми вслед за американским антропологом Рассом Бернардом призывают различать данные явления [3]. В **таблице №1** представлена матрица исследовательских подходов в соответствии с типами методов и данных. В ячейках A, B, C и D приведены предметы анализа и доступные для данных предметов процедуры с примерами, составленными на основе анализа отечественных исследований ОБ.

Так, в качестве типов данных, которые могут изучаться при анализе ОБ, могут рассматриваться числовые и текстовые данные (материалы интервью и фокус-групп, научная фантастика и иная художественная литература, публикации СМИ и сообщения соцмедиа, личные дневники и т.д.), аудиовизуальные данные (фотографии, кинематограф, иные произведения искусства), различные материальные артефакты (технологические достижения) и другие.

Внесем некоторые уточнения к таблице №1. Во-первых, говорить о количественном анализе качественных данных, описанном в ячейке C, не вполне верно: применение количественных методов предваряется преобразованием предмета анализа в смысловые единицы (коды, тематики, семантические группы и т.д.). Во-вторых, Расс Бернард предостерегает исследователя, занимающегося качественным анализом качественных данных, от соблазна думать, что данный подход «каким-то образом позволяет прикоснуться к данным» [3]. Герменевтика таит в себе опасность чрезмерной субъективности, что обуславливает необходимость ученого постоянно становиться в позицию наблюдателя второго порядка, говоря языком Н. Лумана, и отслеживать историческую, социальную, парадигмальную «перспективу» своих высказываний. В данном случае также актуальна установка М. Вебера: наука должна быть свободной от оценки (оценочных суждений), но не от ценностей, которые ученый должен декларировать заранее.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ. АВТОРСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ТАБЛИЦЫ ГРЕГА ГЕСТА, КЭТЛИН М. МАККУИН, ЭМИЛИ И. НЭЙМИ [3]

		Типы данных	
		Качественные данные (нечисловые)	Количественные данные
Типы анализа данных	Качественный анализ	*A. Интерпретация значений* Предмет анализа – тексты, изображения, видео, артефакты Примеры: - герменевтика - контент-анализ - семиотика - лингвополитическая прогностика - сравнительная метафорология	*B. Интерпретация закономерностей, полученных при анализе числовых данных* Предмет анализа – графы, диаграммы, ряды данных Примеры: - анализ показателей уровня оптимизма в отношении будущего России (мониторинги ФНИСЦ РАН «Как живешь, Россия?»; «Российское общество и вызовы времени»)
	Количественный анализ	*C. Статистический и математический анализ закодированного текста/ изображения/видео* Предмет анализа – закодированные (протегированные) тексты (частоты, таблицы истинности, матрицы) Примеры: - контент-анализ - кластерный анализ - поиск зависимости между переменными (Хи-квадрат и др.)	*D. Статистический и математический анализ числовых данных* Предмет анализа – интервальные, порядковые, относительные данные Примеры: - корреляционный, регрессионный анализ - дисперсионный анализ (ANOVA) - факторный анализ

Остановимся на **особенностях некоторых типов данных**.

Помимо документов в классической текстовой форме исследователю могут быть чрезвычайно полезны неструктурированные **массивы данных социальных медиа**. Публикации и комментарии в соцмедиа представляют собой богатую площадку общественного мнения по самым разнообразным проблемам, в том числе по ОБ. Не менее важно концептуализировать соцмедиа как площадку негативных информационно-психологических воздействий на массовое сознание, последствия которого отражаются в отдельных показателях: тональность, количество просмотров, количество комментариев, всплески активности по определенным тематикам. В зависимости от целей исследования ученый может использовать различные методологии сбора данных (комментарии к постам ЛОМов, комментарии с ограничениями по типам площадок соцмедиа, типам сообществ, тематике и многое другое), а также палитру методов анализа данных (к примеру, лингвистические методы и дискурс-анализ).

Богатым символическим содержанием обладают визуальные объекты, в частности, **фотографии и рисунки**. К анализу последних обращается Петр Штомпка, основатель «визуальной социологии» [4]. Любопытные для социолога снимки ученый описывает следующим образом: «социологические визуальные данные … те и только те, которые связаны с деятельностью человека, а точнее те, на которых человек и коллективы оставили отпечаток своей активности и присутствия» [4]. В качестве примера можно привести фотографии загрязненной природы, которые зачастую используются в призывах политиков и экоактивистов о регуляции промышленных выбросов, усовершенствовании перерабатывающих заводов, введении раздельного сбора отходов и иных действий с целью избежать экологической катастрофы в уже недалеком будущем. В данном случае ярко проявляется такая черта ОБ, как перформативность.

Наконец, обратим внимание на **материальные артефакты** как предметное воплощение «будущего в настоящем». Изучение данных объектов проводится в рамках направления STS (исследования науки и технологий). Вопрос о развитии технологий служит неотъемлемым элементом как футуристических прогнозов, так и ОБ в сознании общества на всех уровнях социальной жизни. На микроуровне предметом этнографического исследования могут служить особенности взаимодействия человека и технологических новшеств; на мезо- и макроуровне – внедрение новейших разработок в различные типы организаций и сектора экономики. В качестве примера приведем крупнейшие выставки новых технологий в России: «Иннопром», «Форум будущих технологий», «Робототехника и ИИ», ExpoElectronica и т.д.

Прежде чем перейти к конкретным видам методологии и методик, необходимо упомянуть **поисковый** (content-driven) и **подтверждающий** (hypothesis-driven) **подходы к анализу данных**: они отвечают различным целям исследования, а также отличаются используемыми методами. Поисковые исследования направлены на генерацию нового знания в ходе анализа данных, выборка которых обычно не вероятностна; подтверждающие исследования, напротив, работают по дедуктивному принципу. Это различие особенно важно учитывать при выборе метода для изучения ОБ, в ходе которого требуется постоянно балансировать между известным и неизведанным (несуществующим, неопределенным), каким будущее является онтологически.

Заключительное замечание касается глубины временной перспективы: в данном исследовании мы рассматриваем подходы к анализу преимущественно среднесрочного (3-5 лет) и долгосрочного ОБ (10+ лет) [5], опуская анализ краткосрочного ОБ.

Комплексные методологические подходы к анализу образов будущего государства

В отечественной и зарубежной литературе представлены несколько перспективных междисциплинарных видов комплексной методологии анализа ОБ. Проанализируем каждый из их:

1. **тематический анализ** (Грег Гест, Кэтлин М. Маккуин, Эмили И. Нэйми [3]);
2. **комплексный социально-гуманитарный анализ** (И.В. Желтикова [6]);
3. **причинно-уровневый анализ** (С.А. Каболи, П. Тапио [7]);
4. **лингвополитическая прогностика** (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова [8, 9]).

1.Тематический анализ

Российский социолог С.В. Абрамов в диссертационном исследовании «Конструкт будущего как объект жизненного мира и регулятив социокультурного поведения россиян» в качестве одного из основных методов изучения ОБ государства предлагает **тематический анализ [10]**. Данная методология, разработанная американскими социологами Грегом Гестом, Кэтлин М. Маккуин, Эмили И. Нэйми**,** подразумевает анализ упоминаний проблематик, связанных с образом будущего, в различных дискурсах и составление кодового списка [3]. Код – формальное описание темы, определяющее ее семантические границы. Существует два вида тем: семантические и латентные. Первый вид выявляется ученым в том случае, если анализ текста проводится в рамках сказанного – «аналитик не ищет ничего, кроме того, что сказал/написал респондент» [11]. Второй вид подразумевает более глубокую работу с текстом: аналитик «начинает выявлять лежащие в основе идеи, предположения, концептуализации, идеологии, которые формируют семантическое содержание дан-

ных» [11]. Иными словами, социолог помещает объект анализа в социально-исторический контекст, памятуя тезис Маннгейма о бытийно-связанном мышлении, и приступает к «расколдовыванию» текста. Тип анализа (нисходящий, восходящий) варьируется в зависимости от цели исследования.

Таким образом, ядро тематического анализа – сегментация текста, обнаружение и отбор тем, разработка кодовых групп в рамках анализа таких качественных данных, как данные глубинных интервью, фокус-групп, текстовых полевых записей и т.д. Авторы заявляют о комплексности подхода, который во многом опирается одновременно на феноменологические посылки и «обоснованную теорию» (grounded theory).

2.Комплексный социально-гуманитарный анализ

Комплексный социально-гуманитарный анализ введен в научный оборот российским социологом **И.В. Желтиковой** [6]. Общей установкой подхода является текстоцентричность, а также историческая, социальная, культурная обусловленность любого знания. Цель КГА – выявление обобщенного, узнаваемого конкретным социумом образа будущего.

КГА включает следующие этапы:

1. поиск релевантных для анализа материалов, которыми могут стать источники различных форматов – текстовые, визуальные, сетевые игры, опросы и т.д.;
2. анализ отобранных источников на предмет представлений о будущем;
3. выделение основных параметров в видении будущего и объединение по типу сложности;
4. тематическая группировка представлений о будущем, присутствующих в различных группах источников;
5. синтез итоговых ОБ.

Наиболее трудоемкий этап рассматриваемого подхода – анализ источников, который может быть осуществлен с помощью

герменевтических и семиотических методов. Особенностью подхода, выгодно его отличающей, является анализ т.н. «неявного» будущего (в англоязычной литературе – «скрытого» или «латентного» будущего, «latent futures», а также «будущего в процессе становления», «futures-in-the-making» [12]). Б. Адам, К. Гровз понимают под ним незаметный в настоящем процесс материальных изменений, которые неизбежно проявятся в будущем [12]. Так, Р. Таттон и И.В. Желтикова приводят разнообразные примеры из области экологии: глобальное потепление в связи с выбросами углекислого газа, загрязнение мирового океана, растущая устойчивость к антибиотикам [12]; загрязнение озера Байкал, незаконная вырубка дальневосточных лесов [6]. Приведенные в пример процессы могут отсутствовать в артикулированном виде в прогнозах будущего, что не отменяет их значимости в региональном или международном контексте. Элементы «неявного будущего» могут встречаться в таких источниках, как транскрипты открытых правительственных пресс-конференций, корпусы текстов, составленных из запросов и обращений граждан к власти, а также в различных произведениях искусства (фильмы, художественная литература и т.д.). Поэтому согласимся с утверждением Желтиковой: «мы считаем продуктивным анализировать **нетематизированные тексты**, в которых образ будущего не описывается, а подразумевается в выдвигаемых вопросах, и делать его черты явными» [6].

3.Причинно-уровневый анализ

Методология причинно-уровневого анализа (casual layered analysis, CLA) была разработана финскими учеными С.А. Каболи, П. Тапио [7].

Суть методологии причинно-уровневого анализа состоит в рассмотрении ОБ как комплексного феномена, состоящего из четырех вертикальных уровней (перечислены по убыванию степени обобщенности и рациональности): уровни литании,

системной/социальной причинности (институциональный уровень), дискурса/мировоззрения (ценностно-смысловой уровень), мифов/метафор/архетипов. Центральное положение CLA заключается в необходимости применения различных методов в связи с многоуровневым характером социальной реальности. (Необходимо отметить, что авторский подход отсылает нас к проблеме познания, форм и видов знания, в особенности, *вненаучного* знания, которому исследователи ОБ отводят особое место в структуре образа.)

Для исследования компонентов ОБ, находящихся на низших уровнях, ученые проводили глубинные интервью, в ходе которых использовался **метод активного воображения**. Данный метод был разработан К. Юнгом в целях погружения в глубинные слои личности, образы в которых могут значительно дополнить рациональные представления о том или ином феномене. Для определения метода обратимся к Р.А. Джонсону: «Активное воображение – это диалог, который вы ведете с различными частями своей личности, живущими в бессознательном <…> В активном воображении события происходят на уровне *воображения*, который не относится ни к сознанию, ни к бессознательному, а представляет собой нейтральную полосу» [13]. Каболи и Тапио приводят два правила применения указанного метода: воображаемая ситуация должна восприниматься интервьюируемым как реальная; возникающие в процессе образы не ограничены какими-либо рамками. Ученые использовали фрейм «реальность 10 лет спустя», прося участников исследования вообразить будущее в указанной временной перспективе.

Авторы также обратились к дедуктивному **качественному контент-анализу** полученных интервью. Интересно, что для изучения наиболее «глубокого» уровня сознания (мифы, метафоры, архетипы) объектами исследования стали произведения искусства – художественные фильмы, поэзия, произведения попкультуры и т.д. В итоге ученые выделили 4 типа ОБ: «Больное

общество» («Living with the Chill»), «Страх и надежда» («Fear and Hope»), «Шанс для самоотверженных» («Life as a Chance for Dedication»), «Только представьте…» («Imagine...!»).

4.Лингвополитическая прогностика

Начало данному подходу в российской науке положил **А.П. Чудинов**, развив **Уральскую школу политической лингвистики**. Последователями ученого являются **О.А. Солопова, Э.В. Будаев и др.** Так, **О.А. Солопова**, исследуя ОБ России в политическом интернет-дискурсе современной КНР [8], периодике США и Великобритании XIX в. [9], а также в современных англоязычных текстах политической направленности, использует междисциплинарный подход **лингвополитической прогностики**, который «успешно соединяет языковую и социально-политическую реальность в изучении моделей будущего» [9]. Данный подход интегрирует когнитивную лингвистику, прогностику, политологию, метафорологию и реализуется с помощью комплексного моделирования.

Лингвополитическая прогностика тесно связана с **когнитивно-дискурсивным анализом**. КДА, в свою очередь, является методологическим ответвлением **дискурс-анализа**: отличительной особенностью первого является акцент на особенностях конструирования концептов (ментальных репрезентаций, образов – особенности употребления терминологии см. [14]) в сознании индивида. Теоретико-методологические предпосылки дискурс-анализа можно найти в научных изысканиях Фердинанда де Соссюра, Э. Бенвениста, Л. Альтюссера, Р. Якобсона, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ю. Хабермаса и иных философов. **Когнитивно-дискурсивный анализ ОБ** включает в себя такие методы, как описательный, компонентный и контекстуальный анализ, моделирование, метод построения сценариев, сопоставительный анализ (при исследовании репрезентации ОБ в дискурсах различных народов, культур, стран), анализ

фреймов. Объектами лингвистического анализа являются средства выразительности речи (метафоры, эпитеты, антитезы, эвфемизмы, аналогии, эмоционально-оценочная лексика и иные).

В качестве примера сопоставительного анализа приведем исследование **Н.М. Великой, А.А. Зайцевой и Е.А. Ирсетской [**15], которые проанализировали два корпуса публикаций СМИ (174 статьи в 4 российских периодических изданиях), опубликованных в периоды 2013-2014 гг. и 2022-2023 гг. Авторы выявили следующие ключевые дискурсы, присущие обоим периодам: «Россия – евразийский колосс», «прорыв и преодоление», «осажденная крепость», а также дискурсы справедливости и отмены. В рамках наиболее популярного дискурса – Россия как евразийский колосс – подчеркивалась особая роль страны в многополярном политическом порядке, а также необходимость «восстановления величия страны на основе традиционных ценностей, специфической духовности и уникальной общероссийской или евразийской идентичности» [15]. Данный дискурс довольно устойчив – как отмечают авторы, существенных различий между указанными периодами не наблюдается.

В рамках российской лингвополитической прогностики особое место отводится **метафорологии.** Метафора представляет собой одну из основных ментальных операций, способом изучения, структурирования и объяснения мира. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают: «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [16]. В рамках современной когнитивной лингвистики толкование метафоры вышло за пределы языка, в область взаимодействия мышления и культуры. В качестве ключевого определения метафоры примем трактовку А.Н. Баранова: это «устойчивые соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [16].

Примером использования указанного подхода является исследование **Салли Уайатт** «Обсуждая будущее: метафоры в Интернет-пространстве» [17], автор которого выделяет 6 технологических метафорических тем, описывающих сценарии будущего США (точка отсчета – 2000 г.): революция, эволюция, спасение, прогресс, универсализм и «американская мечта». Исследовательница подчеркивает: «метафоры не только помогают нам думать о будущем; они являются ресурсом, используемым различными субъектами для его [будущего] формирования» [17]. Преимуществом описанного методологического подхода является возможность описать не только рациональные компоненты ОБ, но и эмоциональные и «имажинативные».

А.В. Фролова в поисках метафор ОБ России в неинституциональном интернет-дискурсе США и Китая [18] проводит анализ массивов данных, собранных на платформах Quora (особенно популярна в США, Канаде, Великобритании, Австралии) и Zhihu (китайский веб-сервис обмена мнениями). С помощью определения ключевых слов и словосочетаний исследовательница составила корпус текстов, из которых сделала выборку комментариев по наличию релевантных метафор. В результате была получена 21 метафорическая модель будущего России. Лидерами по частотности упоминай стали физиологическая и зооморфная модели. Так, в рамках физиологической модели государство рассматривается как организм, его история – как генетика, будущее – как жизнь или смерть страны; цикл государства – как путь от рождения до смерти, органы власти – как внутренние органы и т.д.

Преимущества метафорического подхода к изучению ОБ состоит в упрощении задачи респондента: так, использование метафор позволяет одновременно легко и метко описать «означающее». **А.П. Чудинов** подчеркивает, что это особенно важно в случае рефлексии над крайне сложной политической сферой [9]. Однако простота описания является одновременно недостатком

подхода: метафора освещает лишь узкий круг свойств предмета, при этом сохраняется риск чрезмерного упрощения социальной действительности.

Актуальные методы анализа образа будущего

Далее рассмотрим группы методов, которые применяются для исследования ОБ, исходя из понимания образа будущего как междисциплинарного феномена. Необходимость не ограничиваться социологическим инструментарием обусловлена комплексностью образа: в зависимости от исследовательской оптики становится возможным описать не только образ, но и его носителей, а также выделить семиотические, лингвистические, дискурсивные и иные особенности. Итак, рассмотрим следующие группы методов:

1. Социологические и статистические;
2. Психологические;
3. Герменевтические;
4. Семиотические;
5. Архетипический анализ;
6. Когнитивистика и киберметрия.

Социологические и статистические методы

В прикладной социологии изучение ОБ имеет под собой прежде всего практическую основу, выступая и как способ социальной диагностики, и как основа для конструирования, прогнозирования и планирования.

Среди отечественных исследователей ОБ в социологическом измерении необходимо выделить М.К. Горшкова, В.К. Левашова, И.В. Желтикову, Ю.Г. Волкова, В.С. Комаровского, И.Н. Трофимову, Л.Л. Мехришвили, В.В. Гаврилюк и Т.В. Гаврилюк, Ю.Р. Вишневского, А.Л. Андреева, И.А. Андреева и Е.Д. Слободенюк и др. Приведенные авторы в качестве **мето-**

дов сбора данных используют количественные опросы, фокус-группы и глубинные интервью, исследуя как характеристики ОБ в целом в сознании граждан, так и отдельные его составляющие. Методы анализа данных колеблются от качественного и количественного контент-анализа до кластерного, факторного, корреляционного, дисперсионного анализа.

В качестве примера приведем исследование социологов **ИС РАН «О чем мечтают россияне» [**19] (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, Р. Крумм, А.Л. Андреев и др.) и продолживший его **проект «Российское общество и вызовы времени» [**20]. Объект мониторинга – социокультурные показатели, факторы формирования представлений об идеальном будущем, как личном, так и общественном: желаемом государственном устройстве, трудовой деятельности, личной и семейной жизни, досуговых практиках, «русской мечте». С последней тесно связано поддержание культурно-цивилизационной идентичности россиян. На основании описательных статистик «русскую мечту» авторы описывают следующим образом: это «идея государства как «общего дела», это приоритет социальных прав над политическими, это сильно выраженное чувство справедливости, это приверженность социальному равенству и, наконец, это понимание свободы как «воли» [19]. В ходе опросов, проводимых в рамках проекта «Российское общество и вызовы времени» [20], респондентам предлагается выбрать наиболее важные в картине будущего России характеристики, выделить главные уроки реформирования страны на протяжении последних 20 лет, расставить приоритеты тех задач, которые наиболее важны для процветания России и личной жизни респондентов и т.д.

Значимой возможностью социологических исследований является выделение групп сторонников различных сценариев с помощью **кластерного анализа**. Так, А.Л. Андреев, И.А. Андреев, Е.Д. Слободенюк [21] с помощью двухэтапного кластерного анализа выделили 6 групп респондентов по отноше-

нию к ОБ России (критерии: приверженность к переменам или стабильности; идеологическая дифференциация).

Дисперсионный анализ ANOVA используется в целях поиска статистически значимых различий между группами респондентов по определенным характеристикам. В частности, Н.П. Шилова с помощью данного метода определила различия в оценке временных перспектив у респондентов 14-28 лет: период обучения в школе оказался в фокусе внимания лишь у 14-летних учащихся; с 15 лет, как утверждает автор, становится наиболее актуальным профессиональное обучение, в период поздней юности – профессиональная автономия [21]. Аналогичный метод можно применять в случае анализа различий между группами в зависимости от уровня жизни и иных признаков.

Регрессионный анализ нацелен на поиск факторов, влияющих на формирование того или иного ОБ. В качестве примера приведем исследование **Т.А. Нестика** «Отношение личности к коллективному прошлому и оценка вероятности сценариев будущего России» [23]. В качестве потенциально влияющих на ОБ автор рассматривает следующие признаки: социальные аксиомы и ценности, социально-демографический портрет, отношение к коллективному прошлому. В результате ученый получил портрет социальных групп, разделяющих различные представления о будущем, сгруппированные в сценарии: «сильная вертикаль», «ограничение свобод», «гражданские инициативы», «смута».

Продуктивным методом исследования ОБ является также **контент-анализ** (и количественный, и качественный). В качестве богатого источника данных для **контент-анализа** служит публичная коммуникация. Как замечает **Е.И. Шейгал,** она служит местом обитания **перформативного ОБ [**24]. Социолог указывает: «значительная часть политической коммуникации посвящена прогнозированию будущего и размышлениям о прошлом (воссозданию прошлого) [24]. Такие явления, как политическая пропаганда, партийная программа, инаугурационное выступле-

ние изначально ориентированы на картины будущего благосостояния населения. Освещение в медиа регулярных политических мероприятий (от совещаний и стратегических сессий до выборов) дают почву для размышления над ОБ и на профессиональном, и на бытовом уровне, что обуславливает перспективность контент-анализа публикаций СМИ. Примером использования метода служит упомянутое ранее исследование **Н.М. Великой, А.А. Зайцевой и Е.А. Ирсетской** «Репрезентация образа будущего России в печатных сми в контексте консолидации российского обществ» [15]: с помощью контент-анализа 174 статей в 4 российских периодических изданиях, опубликованных в периоды 2013-2014 гг. и 2022-2023 гг., авторы охарактеризовали тональность публикаций и глубину горизонта планирования будущего, а также выделили внутренние и внешние факторы конструирования образа будущего.

Психологические методы

Одними из наиболее часто применяемых методов изучения ОБ являются методы психологические. В российской науке они представлены исследованиями школы **И.Б. Шестопал**, а также **Т.А. Нестика, Е.В. Разгоняевой, Е. Головахи и А. Кроника, А.А. Тихоновой, Н.Г. Скворцова** и иных исследователей. Данные методы универсальны и используются в исследованиях разных дисциплинарных ракурсов – не только психологических, но и политологических, социологических, медицинских.

В рамках социальной психологии отечественными исследователями изучается темпоральная ориентация россиян, **взаимосвязь представлений о прошлом, настоящем и будущем**. На изучение этих феноменов направлены: методика Т.П. Емельяновой «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего»; методики Т.А. Нестика «Связь коллективного прошлого и будущего», «Шкала преемственности коллективной истории» [23].

Проверка гипотез в многофакторных моделях требуют использования программы Amosv.20: так, в результате **структурного моделирования** в данной программе Нестик выявил связи между «отношением личности к прошлому, настоящему и будущему России, а также представлениями личности о мире и социальной идентичностью» [23].

В комплексных исследованиях последних лет активно используются **проективные методики**. Так, исследования школы **Е.Б. Шестопал** содержат **ассоциативное тестирование (изображения, цвета, запахи), рисуночные тесты (респондентам предлагается представить Россию или российскую власть в виде дома, реального/несуществующего животного), методику «неоконченных предложений» [**25] и т.д. Указанные методы успешно дополняют таких социологические методы сбора информации, как анкетирование и интервьюирование.

Внимания заслуживает также **техника песочного моделирования** [26]**,** используемая, в частности, А.Ю. Домбровской в исследовании формирования позитивного ОБ России [27]. Изначально созданная английским педиатром Маргарет Ловенфельд, техника получила развитие в психотерапии и психологическом консультировании, а затем стала применяться как вспомогательный метод проективной диагностики в рамках учебных и рабочих отношений. Как отмечает **Е.Г. Замолоцких, А.С. Огнев, Э.В. Лихачева [28]**, при работе с композицией пациент не только раскрывает какую-либо актуальную проблему, но и определяет стратегию действий в будущем: «средства и процедура создания песочной композиции облегчает выбор приоритетов, помогает уточнить контекст, стимулирует поиск новых образов возможного будущего» [28]. Таким образом, песочные композиции выступают своего рода проекциями внутреннего мира человека, что сближает данный метод с рисуночными тестами.

Исследователи также зачастую используют такой метод из психологического арсенала, как стандартизированное пси-

хометрическое тестирование (шкала «аттитюдов ко времени» Нюттена, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, семантический дифференциал времени Ч. Осгуда).

Герменевтика

Суть герменевтического метода – анализ корпуса текстов, подбор которых осуществляется в соответствии с целями и задачами исследования.

В качестве примера исследования, автор которого руководствовался герменевтическим подходом, можно назвать исследование **А.А. Фокина** «Коммунизм не за горами. Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х годов» [29]. Для воссоздания советского ОБ историк использует различные типы документов: партийный программы, официальные лозунги, различные жанры народного фольклора (анекдоты, частушки) и др. Все многообразие источников Фокин условно разделяет на 3 «круга»: первый – официальные представления о будущем на рубеже 1950-1960-х гг., а именно, III Программа КПСС; второй – связанные с III Программой КПСС, но выходящие за ее границы идеи (диссертации, исторические документы и т.д.); третий – рецепция коммунистических идей населением СССР.

В рамках герменевтического подхода стоит упомянуть также работу американского исследователя **Дж. Датора** [30], который использовал герменевтический метод для анализа многочисленных источников – экономических прогнозов, религиозны текстов, выступлений политиков и политических деклараций, научных исследований, экспертных комментариев и т.д. В результате анализа ученый выделил 4 сценария возможного будущего (или 4 «альтернативные» версии будущего), универсальных для различных стран: продолжающийся рост (Continued Growth), порядок (Discipline), трансформация (Transformation) и коллапс (Collapse).

И.В. Желтикова также делает отдельный акцент на источниках, которые содержат ОБ в неявной форме: к ним причисляются «художественные фильмы, напрямую не посвященные будущему, дневниковые записи, вопросы к власти, содержащиеся в письмах, видеообращениях, телефонных звонках, электронных обращениях» [6]. Фокус на разнородных источниках позволяет получить наиболее полную картину ОБ.

Семиотика

Семиотический подход нацелен на изучение означающего и означаемого как символических компонентов образа. В зависимости от культурных, религиозных и в целом исторических условий в коллективном сознании циркулируют различные знаки (символы, коды): события, которые трактуются как предзнаменования или предвестия будущего (к примеру, христианской эсхатологии); технологические разработки, которые пронизывают все сферы жизни общества; герои произведений искусства; отдельные предметы и т.д.

А.И. Щербинин и **Н.Г. Щербинина** отмечают, что политическая коммуникация «преимущественно говорит на «языке образов», а образы могут рассматриваться как «знаки, включенные в семиотику языка» [31]. Исследователи рассматривают ОБ как символический феномен, который «программируется» культурой конкретного общества. Универсальной распространенной моделью «кода» будущего является миф. В качестве примера авторы приводят мифосхему «хаос-космос» (приближение конца, разрушения природного и социального мира и последующее возрождение мира, которое происходит по воле политического лидера-спасителя) [31].

Семиотический подход актуален и при исследовании визуальных материалов, в частности, фотографий. Как отмечает **П. Штомпка**, фотография может служить предметом герменевтического анализа, а также семиотической, структурной и дис-

курсивной интерпретации [4]. А.С. Чернавский утверждает: «в семиотической интерпретации фотографический образ представляется знаком или системой знаков, за которыми стоят соответствующие культурные значения» [32]. Аналогичное можно отнести к сфере искусства в целом.

Архетипический анализ

Р.А. Петровой разработана **методика архетипического анализа** в рамках исследования ОБ [33]. Автор анализирует заключенные в представлениях о вероятном будущем России **«сценарные архетипы».** Данный феномен возник в результате интеграции сценарного подхода к ОБ и архетипического анализа, который отсылает нас к психологии К. Юнга. Согласно **М. Элиаде**, архетипы понимаются как онтологические **образцы** коллективного сознания, конституирующие основу ментальной жизни народа; философ указывает, что человек постоянно ощущает потребность «реализовывать» архетипы, «жаждет трансцендентных форм» [34].

По мнению Р.А. Петровой, для текущей геополитической ситуации в России актуальны такие архетипические сценарии, как «**укрепление национальной идентичности**» (отсылает к архетипу *Самости*), «**перманентная конфронтация**» (архетип *Защиты* и *Защитника*), «**культурная модернизация**» (архетипы *Трансформации, Искателя* и др.), а также разнообразные эсхатологические сценарии развития мира в целом, пронизанные страхами конца истории или ожиданиями качественной трансформации миропорядка (архетипы *Апокалипсиса*, *Смерти*, *Возрождения* и др.).

Не менее интересен **архетипический анализ русских проектов**, проведенный **А.В. Булатовой [**35]. Исследовательница отмечает, что все удачные «русские проекты» должны быть простроены «на коллективных архетипических представлениях и определенных традиционных механизмах их функциониро-

вания» [35]. Автор обращается к истории русских проектов с 988 года (крещение Руси) и отслеживает основные смысловые вехи «русской идеи». Вслед за Элиаде автор под архетипом понимает «образцовое событие, являющееся точкой отсчета, началом возникновения этого мира» [35]. Вплоть до начала XIX века в обществе господствовали религиозно-нравственные идеалы, точка отсчета располагалась в будущем – ею считалась смерть и воскрешение Христа. Так, в качестве ранних концепций России можно назвать следующие: «Святая Русь», «Москва – Третий Рим». Будущее страны связывалось с эсхатологической идеей богоизбранности. Данная идея претерпела кризис в XIX веке и трансформировалась в оживленные споры славянофилов, западников, народников о сути «русского». Образы-архетипы лидера государства, как отмечает Булатова, также подвержены христианскому влиянию. Среди них можно выделить главные: 1) образ милосердного, страдающего и 2) гневающегося, карающего грешников Бога.

Когнитивистика и киберметрия

Новый оригинальный подход к изучению ОБ связан с современными технологическими возможностями. **А.Ю. Домбровская** и **А.С. Огнев** апробировали методы цифровой киберметрии [36].

Авторы справедливо указывает на несостоятельность «монодизайна» эмпирического исследования ОБ. В качестве наиболее результативных методов, применение которых способствует получению максимально полного ОБ, авторы рекомендуют комбинацию **когнитивистики и психосемантических методов**, а именно **инструментальной и проективной когнитивистики, айтрекинга, полиграфологии, кардиометрии, песочного игрового моделирования, ассоциативного моделирования (метафорические ассоциативные карты, аттестованные наборы символических фигур и т.д.), киберметрии, анализа соцмедиа**. Предложенные методы, как указывают авторы, нацелены, прежде

всего, на оценку аффективной составляющей ОБ. Для проведения исследования, сфокусированного на мечтах и целях молодежи (500 испытуемых в возрасте от 18 до 25 лет) авторы использовали в качестве инструмента метафорические ассоциативные карты, с помощью которых, во-первых, респондентом отбирались иллюстрации для своих целей; во-вторых, составлялась батарея визуальных стимулов, реакции респондентов на которые фиксировались гемодинамическим компьютерным анализатором «Кардиокод» и полиграфом Барьер-14. Авторы анализировали прагматическое, аффективное и нормативное восприятие стимульного материала. В качестве примера Дормбровская приводит карты, содержащие изображения ледокола, Юрия Гагарина и контурной карты России: молодежь определяет их как символы гордости.

Заключение

Изучение такого комплексного междисциплинарного феномена, как образ будущего, требует творческого комбинационного подхода к выбору источников и способов анализа данных. На данный момент происходит закономерная трансформация методологического инструментария, направленная на преодоление эпистемологических ограничений классических социологических подходов. Они все чаще комбинируются с методами цифровой социологии и киберметрией, что позволяет, помимо прочего, работать с цифровыми следами, а также с методами психологии, лингвистики, когнитивистики и анализа больших данных, которые значительно расширяют границы исследуемого. К примеру, применение технологий искусственного интеллекта открывает возможность выявления социальных настроений, латентных тенденций и ведущих нарративов о будущем в публичном дискурсе в режиме, близком к реальному времени.

Однако говорить о замене классических методов не приходится: рассмотренные в данной работе методологические подходы дополняют, а не исключают друг друга. Грамотно разработанная методология под исследование образа будущего с заданными целями позволяет обнаружить явные и неявные формы данного феномена, различного по смысловому наполнению, глубине временного горизонта, желательности и вероятности, эмоциональной окраске и иным важным особенностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. М: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 306 с. ISBN: 978-5-88230-265-7.

2. *Бестужев-Лада И.В.* Социальное прогнозирование. Курс лекций. М.: Педагогическое общество России. 2002. 392 с. ISBN 5-93134-152-8.

3. *Guest G., MacQueen K.M., Namey E.E.* Applied thematic analysis // SAGE Publications. 2012. 365 p. DOI: 10.4135/9781483384436. ISBN: 978-1-4129-7167-6.

4. *Штомпка П.* Визуальная социология: фотография как метод исследования / Пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2007. 168 с. ISBN: 978-5-98704-245-8, 978-5-98704-492-6.

5. *Тощенко Ж.Т.* Социология управления: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 290 с. ISBN 978-5-534-17977-4.

6. *Желтикова И.В.* Образ будущего. Монография. Орёл: «Картуш», 2021. 164 с. ISBN 978-5-9708-0901-6.

7. *Kaboli S.A., Tapio P.* How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018, vol. 96. P. 32-43. DOI: 10.1016/j.futures.2017.11.004.

8. *Солопова О.А., Будаев Э.В., Бойко А.В.* Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР // Политическая лингвистика. 2020, № 6(84). С. 96-107. DOI: 10.26170/pl20-06-10. EDN: NNCCZU.

9. *Солопова О.А., Чудинов А.П.* Лингвополитическая прогностика: что говорят метафоры прошлого о будущем России (на материале политических дискурсов США и Великобритании XIX в.) // Политическая наука. 2017, № 2. С. 158-176. DOI: 10.31249/poln/2025.04.00. EDN: ZAFKXB.

10. *Абрамов С.В.* Конструкт будущего как объект жизненного мира и регулятив социокультурного поведения россиян / Дис. канд. соц. наук. Ставрополь, 2021.

11. *Maguire M., Delahunt B.* Doing a Thematic Analysis: A Practical, Step-by-Step Guide for Learning and Teaching Scholars // All Ireland Journal of Higher Education (AISHE-J). 2017, vol. 9. DOI: 10.62707/aishej.v9i3.335.

12. *Tutton R.* Wicked futures: Meaning, matter and the sociology of the future // The Sociological Review. 2017, vol. 65, № 3. P. 478-492. DOI: 10.1111/1467-954X.12443.

13. *Джонсон Роберт А.* Сны. Воображение. Внутренняя работа. М: Независимая фирма «Класс», 2010. 244 с. ISBN 978-5-86375-172-6.

14. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с. ISBN: 5-85803-242-7.

15. *Великая Н.М., Зайцева А.А., Ирсетская Е.А.* Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023, т. 11, № 4. С. 8–29. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.1. EDN: EXVFUC.

16. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ., под ред. А. Н. Баранова. М.: Editorial URSS, 2004. 256 с. DOI: 10.2307/430414. ISBN 5-354-00222-2.

17. *Wyatt S.* Talking about the future: Metaphors of the Internet // Contested Futures: A Sociology of Prospective Techno-Science. Aldershot, UK: Ashgate. 2000. P. 109-26.

18. *Фролова А.В.* Метафорическое моделирование образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая / Дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023.

19. *Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л., Аникин В.А., Бараш Р.Э., Бызов Л.Г., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Мчедлова М.М., Петухов В.В., Тюрина И.О.* О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с. ISBN 978-5-7777-0538-9.

20. Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая. ФНИСЦ РАН, Институт социологии / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1.

21. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022, № 10. С. 49-61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7.

22. *Шилова Н.П.* Возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости // Психологическая наука и образование. 2023, т. 28, № 3. С. 62–74. DOI: 10.17759/pse.2023280305.

23. *Нестик Т.А.* Отношение личности к коллективному прошлому и оценка вероятности сценариев будущего России // Вестник Университета Российской академии образования. 2018, № 5. С. 14–22. EDN: VVBFJM.

24. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с. ISBN 5-7333-0144-9.

25. *Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021, № 464. С. 99–112. DOI: 10.17223/15617793/464/12.

26. *Огнев А.С.* Внутренний мир на песке. Интервью с профессором РосНОУ Александром Огневым. Международный фестиваль «Наука 0+», 26.09.2022.

27. *Домбровская А.Ю., Огнев А.С.* Возможности проективного эксперимента в формировании стратегии информационного сопровождения политики будущего // Среднерусский вестник общественных наук. 2025, № 20(1). С. 108–123. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-108-123. EDN: DABRGZ.

28. *Замолоцких Е.Г., Огнев А.С., Лихачева Э.В.* Субъектогенетический подход к описанию механизмов психологического песочного моделирования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016, № 7-2. С. 162-167. EDN: WEZCZB.

29. *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с. ISBN 978-5-8243-2161-6.

30. *Dator J.* "New beginnings" within a new normal for the four futures // Foresight. 2014, vol. 16(6). P. 496-511. DOI: 10.1108/FS-09-2013-0046.

31. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2020, № 56. С. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25. EDN: OIAVVZ.

32. *Чернавский А.С.* Фотографический образ как предмет интерпретации // Методология моделирования и прогнозирования современного мира: Коллективная монография / Под ред. Т.В. Карадже. М.: МПГУ, 2012. 198 с. ISBN: 978-5-4263-0096-5.

33. *Петрова Р.А.* Сценарные архетипы как методологический прием исследования образов будущего России // Образ будущего: Сборник статей Второй Международной научно-практической конференции, Орел, 24–25 февраля 2022 года / Под ред. И.В. Желтиковой. Орел: Издательство «Картуш», 2022. С. 89-97. ISBN 978-5-9708-1006-4.

34. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. 488 с. ISBN 5-86218-346-9.

35. *Булатова А.В.* Будущее России как проект: социально-философский анализ / Дис. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2002.

36. *Домбровская А.Ю., Огнев А.С.* Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании // Гуманитарные науки. 2023, № 13(3). С. 128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134. EDN: GOTQLV.

Сведения об авторах

Гребенюк Александр Александрович
Доктор экономических наук, заместитель директора ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе
SPIN-код: 4007-9651
Elibrary AuthorID: 506099
Scopus ID: 56297122600

Волкова Ирина Сергеевна
Ассистент кафедры социологии знания ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026 г.
Статья принята к публикации: 17.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.5

METHODOLOGY AND METHODS FOR STUDYING THE IMAGE OF THE FUTURE STATE

Grebenyuk Alexander A.
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
gaa-mma@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9003-4551

Volkova Irina S.
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
irenevolkova815@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3935-0548

For citation: Grebenyuk A.A., Volkova I.S. Methodology and methods for studying the image of the future state. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 220-253. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.5.

Abstract. This article presents an attempt to generalize methods for analyzing images of the future, in particular, the image of the future state as a complex and largely irrational construct of collective consciousness recorded in textual, graphic, audio, or numerical format. It examines the specific features of multilevel methodological approaches to analyzing images of the future (thematic analysis, comprehensive socio-humanitarian analysis, causal-level analysis, and linguopolitical prognostics), as well as the possibilities of applying selected sociological and psychological methods, hermeneutics, semiotics, archetypal analysis, cognitive science, and cybermetrics, using domestic and foreign studies as examples.
Keywords: image of the future, image of the state, measurement of the image of the future, methodological framework for the analysis of future images, construction of the future.
Acknowledgments: This work was done with the support of MSU Program of Development, Project «Development of a Comprehensive Methodology for the Modern Theory of Social Behavior».

References

1. Scheler M. *Probleme einer Soziologie des Wissens* (in Russian). Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2011. 306 p. ISBN: 978-5-88230-265-7.
2. Bestuzhev-Lada I.V. *Social Forecasting. A Course of Lectures* (in Russian). Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2002. 392 p. ISBN 5-93134-152-8.
3. Guest G., MacQueen K. M., Namey E. E. Applied thematic analysis, *SAGE Publications*, 2012. 365 p. DOI: 10.4135/9781483384436. ISBN: 978-1-4129-7167-6.
4. Sztompka P. *Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza* (transl., in Russian). Moscow: Logos, 2007. 168 p. ISBN: 978-5-98704-245-8, 978-5-98704-492-6.
5. Toshchenko Zh.T. *Sociology of Management: Textbook and Workshop for Universities* (in Russian). Moscow: Yurait, 2025. 290 p. ISBN 978-5-534-17977-4.
6. Zheltikova I.V. *The image of the future* (in Russian). Orel: Kartush, 2021. 164 p. ISBN 978-5-9708-0901-6.
7. Kaboli S.A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults, *Futures*, 2018, vol. 96, p. 32-43. DOI: 10.1016/j.futures.2017.11.004.
8. Solopova O.A., Budaev E.V., Boiko A.V. Metaphorical image of Russia's future in the non-institutional political internet discourse of the PRC (in Russian), *Politicheskaya lingvistika (Political Linguistics)*, 2020, no. 6(84), p. 96–107. DOI: 10.26170/pl20-06-10.
9. Solopova O.A., Chudinov A.P. Linguo-Political Prognostication: What Metaphors of the Past Say About Russia's Future (Based on the Political Discourses of the USA and Great Britain of the 19th Century) (in Russian), *Politicheskaya nauka (Political Science),* 2017, no. 2, p. 158–176. DOI: 10.31249/poln/2025.04.00.
10. Abramov S.V. *The construct of the future as an object of the lifeworld and a regulator of the socio-cultural behavior of Russians* (in Russian). Dissertation of the Candidate of Sociological Sciences dissertation. Stavropol, 2021.

11. Maguire M., Delahunt B. Doing a Thematic Analysis: A Practical, Step-by-Step Guide for Learning and Teaching Scholars, *All Ireland Journal of Higher Education (AISHE-J)*, 2017, vol. 9. DOI: 10.62707/aishej.v9i3.335.
12. Tutton R. Wicked futures: Meaning, matter and the sociology of the future, *The Sociological Review,* 2017, vol. 65, no. 3, p. 478-492. DOI: 10.1111/1467-954X.12443.
13. Johnson Robert A. *Inner Work: Using Dreams and Active Imagination for Personal Growth* (in Russian). Moscow: Class, 2010, 244 p. ISBN 978-5-86375-172-6.
14. Kolesov V. V. *Language and mentality* (in Russian). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 240 p. ISBN 5-85803-242-7.
15. Velikaya N.M., Zaitseva, A.A., Irsetskaya E.A. Representation of the image of Russia's future in print media in the context of Russian society's consolidation (in Russian). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2023, vol. 11, no. 4, p. 8-29. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.1.
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* (transl., in Russian), ed. by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. DOI: 10.2307/430414. ISBN 5-354-00222-2.
17. Wyatt S. "Talking about the future: Metaphors of the Internet", in *Contested Futures: A Sociology of Prospective Techno-Science*, ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. UK: Ashgate, 2000, p. 109-26.
18. Frolova A.V. *Metaphorical modeling of the image of Russia's future in non-institutional political internet discourse of the USA and China* (in Russian). Dissertation of the Candidate of Philological Sciences dissertation. Ekaterinburg: 2023.
19. Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E., Andreev A.L., Anikin V.A., Barash R.E., Byzov L.G., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Mchedlova M.M., Petukhov V.V., Tyurina I.O. *What the Russians Dream of: ideal and reality* (in Russian), ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir, 2013. 400 p. ISBN 978-5-7777-0538-9.
20. *Russian society and the challenges of time. Book eight* (in Russian), ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir, 2025. 352 p. ISBN 978-5-7777-0969-1.
21. Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians' perceptions of the future of Russia (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniia ,* 2022, no. 10, p. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7.

22. Shilova N.P. Age differences in ideas about the future from adolescence to adulthood (in Russian), *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie,* 2023, vol. 28, no. 3, p. 62-74. DOI: 10.17759/pse.2023280305.
23. Nestik T.A. An individual's attitude to the collective past and assessment of the probability of Russia's future scenarios (in Russian), *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia,* 2018, no. 5, p. 14–22.
24. Sheigal E.I. *Semiotics of political discourse* (in Russian). Moscow: Gnozis, 2004. 326 p. ISBN 5-7333-0144-9.
25. Shestopal E.B. Image of an ideal future: Russians' normative concepts of authorities (in Russian), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2021, no. 464, p. 99-112. DOI: 10.17223/15617793/464/12.
26. Ognev A.S. *The inner world on the sand: An interview with professor of RosNOU Alexander Ognev* (in Russian). International Festival «Nauka 0+», 26.09.2022.
27. Dombrovskaya A.Yu., Ognev A.S. Possibilities of the projective experiment in shaping the strategy for informational support of future policy (in Russian), *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2025, no. 20(1), p. 108-123. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-108-123.
28. Zamolotskikh E.G., Ognev A.S., Likhacheva E.V. A subject-genetic approach to describing the mechanisms of psychological sand modeling (in Russian), *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk,* 2016, no. 7-2, p. 162–167.
29. Fokin A.A. *"Communism is around the corner". Images of the future for the political elite and the population of the USSR on the cusp of 1950s and 1960s* (in Russian). Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2017. 223 p. ISBN 978-5-8243-2161-6.
30. Dator J. "New beginnings" within a new normal for the four futures, *Foresight*, 2014, vol. 16(6), p. 496-511. DOI: 10.1108/FS-09-2013-0046.
31. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Political construction of the image of the future (in Russian), *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia,* 2020, no. 56, p. 285–299. DOI 10.17223/1998863X/56/25.
32. Chernavskii A.S. "The photographic image as a subject of interpretation" (in Russian), in: *Methodology of modeling and forecasting the modern world*, ed. by T.V. Karadzhe. Moscow: MPSU, 2012, p. 182-196. ISBN: 978-5-4263-0096-5.

33. Petrova R.A. “Scenario archetypes as a methodological technique for studying images of Russia’s future” (in Russian), in: *The image of the future: Proceedings of the Second International Scientific-Practical Conference*, ed. by I.V. Zheltikova. Orel: Kartush, 2022, p. 89-97. ISBN 978-5-9708-1006-4.
34. Eliade M. *Essential Sacred Writings from around the World* (transl., in Russian). Moscow: Ladomir, 1999. 488 p. ISBN 5-86218-346-9.
35. Bulatova A.V. *The future of Russia as a project: a socio-philosophical analysis* (in Russian). Dissertation of the Candidate of Sociological Sciences dissertation. Ekaterinburg, 2002.
36. Dombrovskaya A.Yu., Ognev A.S. Measuring the image of the future of the Russian Federation in the minds of Russian youth: cognitivism and cybermetrics in applied political research (in Russian), *Humanities*, 2023, no. 13(3), p. 128–134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134.

Information about the authors

Alexander A. Grebenyuk
Doctor of Economic Sciences, Deputy Director for Research at the School of Social Sciences and Humanities, Lomonosov Moscow State University
Scopus ID: 56297122600

Irina S. Volkova
Assistant at the Department of Sociology of Knowledge, Graduate School of Social Sciences, Lomonosov Moscow State University

МЕТОДИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.6
EDN: BWKOIA

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ: АПРОБАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ

Оганян Артём Ашотович
Международная лаборатория прикладного сетевого анализа (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
Эл. почта: aoganyan@hse.ru
ORCID: 0009-0008-4106-8972

Девятко Инна Феликсовна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия
Эл. почта: deviatko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1955-7592

Для цитирования: *Оганян А. А., Девятко И. Ф.* Влияние социального сравнения на изменение моральных суждений: апробация экспериментального подхода к оценке // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 254-291. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.6. EDN: BWKOIA.

Изменяются ли наши оценки чужих поступков, когда рядом высказывается тот, кого в нашем окружении считают авторитетом? В настоящей работе представляется оригинальный экспериментальный дизайн, впервые объединяющий четыре элемента в единую полевую проце-

дуру: виньетки как стимульный материал для моральных суждений, социометрический отбор референтов из реальных академических групп, живое парное взаимодействие как механизм предъявления оценок референтов и экспериментальный план «до-после» для фиксации изменений во времени. В шести студенческих группах (N=35 пар) мы проверяем гипотезы о конформности моральных суждений и модерирующей роли статуса референта. Первая гипотеза подтверждается с мощностью, близкой к максимальной: суждения участников систематически сдвигаются в сторону позиции референта пропорционально расхождению между ними. Гипотеза же о статусном модерировании оказалась вне досягаемости статистической мощности имеющегося дизайна, что само по себе является важным методическим результатом. Статья фиксирует уроки апробации и предлагает конкретные решения для следующих шагов исследования.

Ключевые слова: моральные суждения; социальное сравнение; моральная конформность; теория статусных ожиданий; социометрия; метод виньеток; нормативное влияние; статус; экспериментальный дизайн; групповая динамика

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-070) (финансирование для автора А.А. Оганяна). Мы выражаем глубокую благодарность Елене Ярской-Смирновой, Полине Гусевой, Кире Легут и Максиму Малкову за неоценимую поддержку в процессе сбора данных. Также выражаем благодарность Светлане Бирюковой за ценные комментарии при подготовке рукописи. Мы признательны редакции журнала и анонимным рецензентам за комментарии, позволившие улучшить итоговый текст работы. Наконец, мы благодарим участников 5-й Международной исследовательской конференции «Взаимодействие. Интеграция. Инклюзия: от размышления к действию» (Москва, 2025) и XXVI Апрельской международной научной конференции им. Е. Г. Ясина (Москва, 2026) за полезное обсуждение содержательных и методических аспектов настоящего исследования.

Введение

Моральные суждения, которые индивид выносит о моральных заслугах, правильности или допустимости действий, виновности, ответственности, заслуженности порицания третьих лиц по своей природе коммуникативны: они производятся и предъявляются другим и через эту трансляцию участвуют в воспроизводстве нормативного порядка [1]. Такие моральные суждения с позиции третьего лица, или арбитра (далее — МСПА) все чаще становятся самостоятельным предметом социологического анализа: исследовались факторы суждений о виновности и ответственности [к примеру, 2; 3], о моральной ценности альтруистических поступков [4; 5] или дистрибутивной справедливости [например, 6; 7]. Однако в этих работах в роли факторов выступают характеристики самой оцениваемой ситуации — гипотетические действия, последствия, вовлеченные акторы. Значительно менее изученным остается другой класс факторов: интерактивные характеристики социального контекста, в котором суждение производится, и прежде всего суждения, исходящие от других участников этого контекста. Есть основания полагать, что в условиях нормативной неопределенности и ограниченной информации об оцениваемой ситуации суждения третьих лиц могут формировать итоговую позицию индивида, причем этот процесс также может определяться статусной структурой группы.

Настоящая статья посвящена экспериментальной проверке этого предположения. Нас интересует, меняются ли МСПА индивида под влиянием оценок референта и зависит ли сила такого влияния от статусной ассиметрии между ними. Для ответа на этот вопрос мы разработали дизайн, соединяющий в единую процедуру четыре элемента, которые ранее не были представлены вместе: виньетки как стимульный материал для МСПА; социометрический отбор референтов в реальных учебных группах;

парное интервью как способ предъявить суждения референтов участнику; и план «до-после» для измерения эффекта этих суждений на МСПА индивида. Поскольку исследование является пилотным, его содержательные выводы носят предварительный характер. Основной вклад мы связываем с апробацией метода, оценкой его возможностей и ограничений. В следующих разделах излагаются теоретические основания и исследовательский контекст, затем — дизайн, процедура и инструментарий, после чего представляются результаты и обсуждается их значение.

Теоретический контекст: основания ожидать эффект статуса на моральные суждения

Поставленный во введении вопрос оказывается эмпирически открытым и теоретически нетривиальным. Социология накопила достаточный материал, чтобы рассматривать МСПА как самостоятельный объект, в котором процесс применения нормы к конкретной ситуации становится наблюдаемым. Однако теория социального сравнения, наиболее естественная объяснительная рамка для описания того, как этот процесс корректируется под влиянием окружающих, применительно к МСПА сталкивается с принципиальным затруднением: она не позволяет однозначно определить, чьи именно оценки должны влиять на индивида и каков будет итог этого влияния. Это затруднение, как мы покажем далее, разрешается обращением к теории статусных ожиданий, но и она имеет собственные границы применимости, которые мы также обозначим.

В последние два десятилетия социология морали переживает заметное возрождение, связанное с пониманием моральных представлений как неоднородных, эмпирически наблюдаемых и привязанных к социальной структуре явлений [8; 9; 1]. МСПА занимают важное место в этой исследовательской традиции: они представляют собой коммуникативный модус суще-

ствования моральных норм и одновременно эмпирически измеримый объект, в котором наблюдаемым становится сам процесс применения нормы к ситуации. Чтобы приписать кому-то вину, индивид должен увидеть в ситуации пострадавшую сторону, связать действие с причиненным ей ущербом и оценить, насколько оно было намеренным и контролируемым. Теория диадической морали [10] описывает механизм этого процесса: моральная оценка опирается на интуитивный шаблон «агенс—пациенс», в котором интенциональный актор причиняет ущерб уязвимой стороне. Но поскольку шаблон активируется по разным признакам и в разных пропорциях в зависимости от ситуации, итоговая оценка остается недоопределенной.

В таком случае индивид может искать внешние источники для уточнения собственной оценки — этот эффект описан в классической теории социального сравнения [11]. Однако МСПА устроены сложнее, чем задачи, для которых эта теория разрабатывалась. Согласно различению, восходящему к Г. Келли [12], экспериментам Дж. Геталса и Р. Э. Нельсона [13] и триадической модели сравнения мнений [14], стратегии сравнения расходятся в зависимости от типа суждения: для фактических суждений (belief) индивиды ищут подтверждение от непохожего референта, а для оценочных (value) — от похожего. МСПА же совмещают фактическую (что произошло, кто виновен, насколько серьезны последствия) и оценочную составляющие (заслуживает ли это порицания). Эта неоднородность фиксируется и эмпирически: распространенность объективистского и субъективистского восприятия моральных суждений существенно варьируется в зависимости от ситуации [15]. Соответственно, ни одна из классических стратегий сравнения не является исчерпывающей, и для ответа на вопрос, чьи оценки будут влиять на индивида, требуется иная теоретическая рамка.

Такую рамку предлагает теория статусных ожиданий [16; 17]. В ней статусные характеристики делятся на специфические —

связанные с компетентностью в узком классе задач — и диффузные, к которым относятся, например, пол, возраст, этнос, образование, которые формируют не только частные ожидания, но и обобщенное ожидание компетентности (general expectation state), применимое в принципе к любой новой задаче. Перенос диффузной характеристики на конкретную задачу осуществляется через так называемый «процесс бремени доказательства» (burden-of-proof process): характеристика считается релевантной до тех пор, пока что-либо в ситуации явно не диссоциирует ее от задачи. Из этого механизма вытекают два важных для нас следствия. Во-первых, носитель более высокого диффузного статуса воспринимается как более компетентный одновременно в фактической и оценочной плоскости, и его суждения получают непропорциональный вес именно в силу обобщенности ожиданий, что снимает затруднение, оставленное теориями сравнения. Во-вторых, в задачах, где объективный критерий правильности отсутствует или слаб, диффузный статус имеет особое значение: при отсутствии конкурирующих оснований для оценки релевантной компетентности именно он определяет, чье суждение принимается как ориентир.

Исследования в традиции теории статусных ожиданий подтверждают ее ключевые тезисы. Статусные характеристики структурируют распределение влияния и принятие чужих оценок в малых группах [17], причем этот эффект проявляется и в экспериментах с обсуждением мнений по дискуссионным вопросам [18]. Вместе с тем теория формулирует и собственные граничные условия. Изначально она не выходила за рамки совместного решения задач, где участники объединены общей целью и легитимно учитывают вклад друг друга в ее решение. В последствии было показано, что статусные эффекты возникают и в индивидуальных задачах на оценивание (например, интеллекта), если их результат социально значим и индивид вынужден соотносить собственную компетентность с компетентностью

других [19]. Существенно также, что специфические статусные характеристики, прямо релевантные конкретной задаче, могут «перебивать» действие диффузных, а делегитимация существующей иерархии — нейтрализовать их [17].

Необходимо отметить, что связь между статусом и моральными суждениями также изучалась в других плоскостях. Наиболее разработана линия о влиянии статуса оцениваемого: высокостатусные нарушители чаще оцениваются строже за одни и те же поступки [20; 21], однако это культурно неоднородное наблюдение [22]. Другая линия рассматривает влияние статуса оценивающего на его собственные суждения, и здесь результаты менее последовательны. Так, индивиды с более низким социально-экономическим статусом склонны применять к окружающим более строгие моральные стандарты, чем к себе [23]. Однако если статус оценивающего манипулируется экспериментально, результаты оказываются неоднозначными [24], либо нулевыми [25]. Влияние же статуса референта — того лица, чью оценку принимает к сведению индивид при формировании собственной — остается менее изученным. Повторимся, что, с нашей точки зрения, теория статусных ожиданий в ее современной формулировке позволяет объяснить такое влияние.

Наиболее естественным контекстом для проверки нашего предположения является малая группа, особенно учебная, где для операционализации диффузного статуса логично использовать социометрическую популярность. Во-первых, она по определению не связана напрямую с компетентностью в задаче моральной оценки, что позволяет проверять эффект статуса как такового. Во-вторых, это реальная характеристика положения индивида в группе, а не лабораторный конструкт. Наконец, подобная операционализация уже апробирована: нормы, исходящие от социометрически популярных одноклассников, значимо влияли на нормативные оценки подростков [26]. Отсюда вытекает наше содержательное предположение: изменение

МСПА индивида должно быть сильнее при предъявлении оценок высокопопулярного референта, чем сопоставимого по популярности.

Методологический пробел между наблюдением и лабораторией

Несмотря на ясное теоретическое ожидание, эмпирически эффект влияния статуса референта на МСПА индивида проверить нелегко. Существующая литература распадается на несколько групп, каждая из которых дает частичный ответ, и именно характер этой частичности задает методическую задачу нашего исследования.

Первая группа — обсервационные исследования социальных сетей в реальных группах, выносящих коллективные решения. Ярким примером является работа Э. Лазеги и коллег [27], изучавших консультативную сеть третейских судей Парижского коммерческого суда. Их анализ показал, что выбор, с кем советоваться по нормативным вопросам (насколько строго присуждать «моральный ущерб») определяется не сходством нормативных установок, а статусом советчика. Это сильное свидетельство в пользу того, что в реальных профессиональных группах статусные процессы доминируют над содержательным согласием относительно норм. Однако обсервационный дизайн оставляет открытыми два вопроса: 1) связь зафиксирована между статусом и выбором советчика, а не между статусом референта и сдвигом собственных суждений индивида — то есть фиксируется лишь одна из стадий процесса; 2) статус в этой работе неотделим от формальной должности и накопленной экспертизы, и развести его с конкурирующими источниками влияния становится затруднительно.

Вторую группу составляют лабораторные эксперименты на моральную конформность. Например, П. Кунду и Д. Камминс

показали, что устные оценки трех «незнакомых сверстников»-конфедератов[1] значимо сдвигают суждения участника по классическим моральным дилеммам (вроде «дилеммы вагонетки») [28]. Г. Печ и Э. Каспар позднее распространили этот результат на оценки реалистичных постконфликтных сценариев и сравнили три формы социального воздействия — авторитет, группа, отдельный сверстник [29]. При том, что эти работы дают некоторое эмпирическое подтверждение тому, что моральные оценки податливы ко мнениям других, они не отвечают на вопрос о роли статуса. Кунду и Камминс используют статусно-нейтральных конфедератов вне какой-либо реальной группы, а Печ и Каспар манипулируют типом источника влияния, но не его положением в группе, и потому фиксируют различия между ролями, а не между уровнями диффузного статуса. Помимо этого, формат предъявления типов источника у Печа и Каспар в значительной степени условный, а не реальный, как у Кунду и Камминса.

Также существуют эксперименты на статусное влияние, проводимые в рамках самой теории статусных ожиданий. Например, Диппонг и коллеги исследовали обсуждения в малых группах, где статусные позиции участников приписывались экспериментально, и показали, что статусные ожидания структурируют сети влияния и предсказывают индивидуальное изменение мнений [18]. Это методически наиболее строгий из имеющихся подходов, но материал их дискуссий — вопросы общего характера, а не моральные суждения. Группы при этом собираются ситуативно, а статус приписывается и не считывается из реальной структуры отношений, что является уязвимостью такого дизайна.

[1] Конфедераты — это «подсадные» испытуемые, помощники исследователя, которые предварительно инструктируются отвечать на его вопросы определенным образом.

Ближе всего к нашему вопросу подходит работа Пинью и коллег, в которой объединены социометрия и эксперимент [26]. Авторы фиксируют сети голландских школьников, идентифицируют в каждом классе наиболее популярных учеников и в двух волнах измеряют, как личные нормативные оценки рисковых и просоциальных действий сдвигаются после предъявления ответов популярных сверстников или большинства класса. Работа подтверждает, что социометрически выделенный референт действительно влияет на нормативные оценки, и дает прямой методический прецедент использования популярности как источника нормативного сигнала. Вместе с тем некоторые особенности этой работы оставляют наш вопрос открытым: 1) изучаются не МСПА, а личные нормы поведения, что заметно ближе к ценностным суждениям из обсуждавшегося выше различения; 2) оценки референта предъявляются опосредованно и анонимно, через текстовое сообщение в анкете, а не в живом взаимодействии; 3) выборка — подростки, для которых влияние сверстников обладает специфическими свойствами, и переносимость выводов на иные группы ограничена.

Обобщая результаты выше, видно, что существующие подходы позволяют оценить либо реальную сетевую структуру без каузальности, либо каузальность без статуса, либо статус без морального материала, либо все три элемента разом — но опосредованно и на специфической выборке. Между тем социологические работы последних лет все более явно показывают, что социальное сравнение в принципе следует изучать в сетевых терминах: то, на кого индивид ориентируется и насколько сильно поддается воздействию этого ориентира, во многом определяется структурой его связей [30]. Наш дизайн — попытка сделать в эту сторону еще один шаг и проверить, поддается ли эффект статуса референта на МСПА регистрации в условиях, где статус считывается из реальной групповой структуры, а оценки референта предъявляются индивиду напрямую.

Настоящее исследование

Исходя из обозначенного зазора, мы предлагаем экспериментальный план, в котором четыре элемента — реалистичный стимульный материал для МСПА, социометрически считываемый статус референта в реальной академической группе, прямое предъявление его оценок участнику в живом парном взаимодействии и последовательная регистрация изменения МСПА во времени — соединяются в единую процедуру. Этот дизайн позволяет сформулировать и проверить две связанные гипотезы:

Гипотеза 1 (Г1). Изменение собственных МСПА участника значимо связано с расхождением между его первоначальным суждением и суждением референта. Ее подтверждение показывает, что используемая процедура чувствительна к воздействию оценок референта на МСПА участника, и одновременно позволяет дать количественную характеристику этого эффекта.

Гипотеза 2 (Г2). Величина изменения собственных МСПА участника различается между условием восходящего социального сравнения (ВСС) и латерального, т. е. равностатусного социального сравнения (ЛСС) — сдвиг относительно МСПА референта будет более выраженным в асимметричной паре, чем в симметричной. Здесь проверяется содержательное предположение о том, что статусная асимметрия между участником-арбитром и референтом должна усиливать эффект социального сравнения, превращая референта с более высоким диффузным статусом в более влиятельный источник нормативной информации. Тем самым Г2 уточняет Г1, проверяя уже не сам факт реакции на референта, а то, что эта реакция модерируется статусным различием, как предсказывает теория статусных ожиданий.

Участники

Исследование проводилось очно весной–летом 2025 г. на базе шести учебных групп бакалавров НИУ ВШЭ в ходе регу-

лярных учебных занятий. Всего в трех этапах участвовало 128 человек. Финальную выборку прошедших все три этапа составили 35 человек (30 женщин; M $(SD)_{возраст}$ = 19,26 (0,56); M $(SD)_{успеваемость}$ = 7,40(0,79). Такая разница объясняется тем, что в анализе мы учитывали ответы примерно половины испытуемых (подробнее далее). Более того, не каждый из них посетил все три этапа эксперимента, поэтому финальная аналитическая выборка сократилась еще сильнее[2]. Все участники предоставили информированное согласие и могли отказаться от участия в любой момент.

Экспериментальный план

Исследование было проведено в смешанном факторном дизайне 2×2 (см. рис. 1): внутрисубъектный фактор изменения МСПА (до-после экспериментальной интервенции) и межсубъектный фактор типа сравнения (ВСС, ЛСС). Распределение по типам сравнения осуществлялось на основе социометрических данных, собранных на этапе пре-теста. Мы отказались от рандомизации в силу теоретической рамки исследования, ведь нас интересует эффект статуса как объективно закрепленного в структуре реальной группы, а не как воспринимаемого ярлыка.

По итогам социометрии для каждой академической группы вычислялось распределение входящих номинаций и его квартили. В условие ВСС включались пары, в которых участник-арбитр имел число номинаций в диапазоне [min; Q1] (наименее популярные), а его референт в диапазоне (Q3; max] (наиболее популярные). В условие ЛСС — пары, в которых оба участника находились в диапазонах (Q1; Q2] или (Q2; Q3], то есть были статусно сопоставимы. Пары формировались из числа присутство-

[2] При этом совокупная неявка (среднее количество отсутствующих на каждом этапе независимо от участия в других этапах) была невысокой и составила 24 чел. (18% от списочной и фактической численности). Подробнее см. рис. 1.

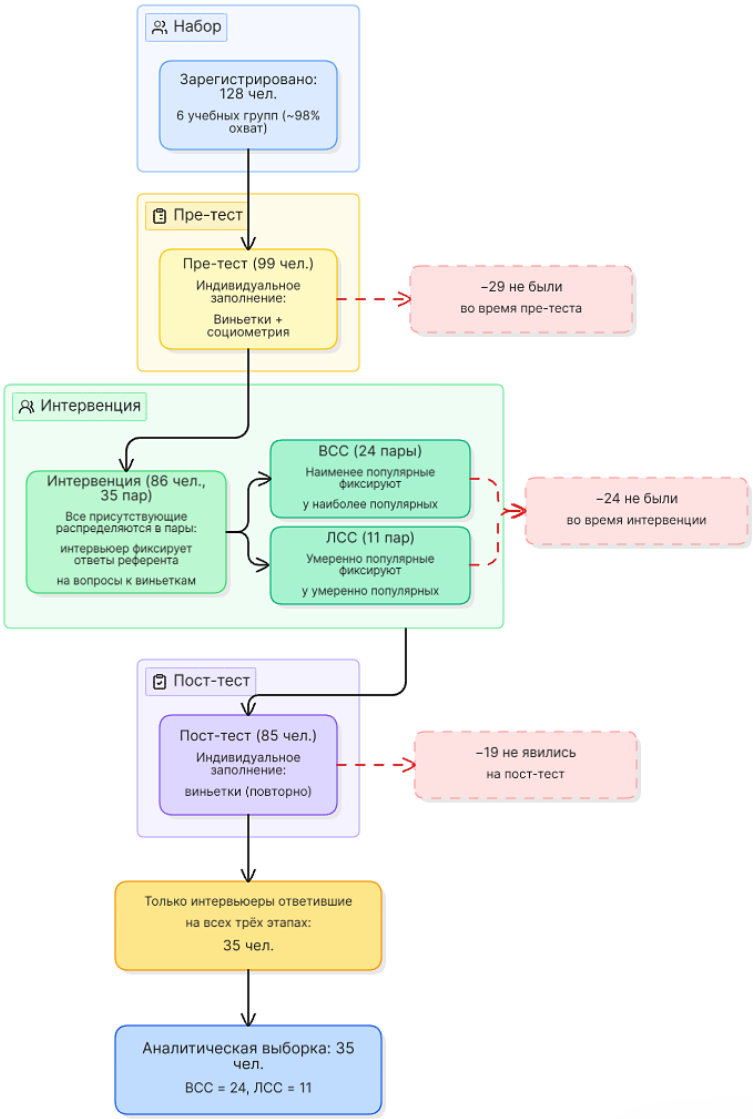

Рис. 1. Схема и ход проведения эксперимента

вавших на этапе интервенции, и участники не получали никакой информации о принципе их составления. Роли в паре были асимметричны и фиксированы: участник выступал интервьюером (именно его суждения отбирались в аналитическую выборку), а его одногруппник выступал референтом. Задачей испытуемых на данном этапе было интервьюирование второго участника с декларируемой целью совершенствования навыка проведения интервью и фиксации данных. Поскольку в каждой группе наиболее популярных индивидов объективно меньше, чем наименее популярных, некоторые референты последовательно интервьюировались несколькими участниками.

Экспериментальное воздействие (интервенция) реализовывалось через парное интервью, а не через анкетное предъявление оценок референта. Во-первых, это приближает ситуацию к естественному обмену мнениями в группе, минимизируя посредничество исследователя. Во-вторых, гарантируется, что участник получает оценки именно того референта, чей статус зафиксирован социометрически, в отличие от анонимного анкетного предъявления, где источник информации остается абстрактным. Вместе с тем живое взаимодействие создает неконтролируемые элементы — участники могли обсуждать виньетки, и степень этого обсуждения варьировалась между парами. Инструкция допускала разговор, но не предписывала референту убеждать интервьюера, что позволяло сохранить единообразие процедуры при естественности контакта.

Процедура

Сбор данных проходил в три этапа с интервалами в среднем 21 день в пяти группах и 26 дней в шестой из-за особенностей ее учебного расписания. Все этапы проводились очно в ходе регулярных занятий, а ответы фиксировались через онлайн-анкеты, которые участники открывали на личных устройствах по QR-коду. Экспериментатор (Оганян А. А.) озвучивал цель

исследования как изучение отношения студентов к различным неоднозначным житейским ситуациям, а мотивацией к участию служило исключительно предложение поучаствовать в важном и интересном исследовании.

На первом этапе (пре-тест) участники самостоятельно заполняли анкету, содержавшую две виньетки с вопросами об оценке виновности для измерения МСПА (см. подробнее в «Стимулы и переменные»), а также социометрический вопрос. Порядок предъявления виньеток и имен одногруппников в социометрическом вопросе рандомизировался между участниками. На основе полученных социометрических данных исследователь формировал пары для следующего этапа.

На втором этапе (интервенции) проводилось парное интервью. Исследователь называл имена участников, составлявших пару, и просил их расположиться отдельно от остальных. Интервьюер получал новую анкету с инструкцией последовательно зачитать референту каждую виньетку и соответствующий вопрос об оценке виновности, а затем зафиксировать ответ референта. Таким образом, интервьюер узнавал позицию референта прямо от него, в живом взаимодействии. Участникам сообщалось, что они могут обсудить ответы друг с другом, однако инструкция не побуждала референта переубеждать интервьюера. В конце той же анкеты интервьюер отвечал на вопрос о воспринимаемом сходстве с референтом по семибалльной шкале от 1 («у нас нет ничего общего») до 7 («у нас очень много общего»).

На третьем этапе (пост-тест) участники повторно и индивидуально заполняли новую анкету с теми же виньетками и вопросами об оценке виновности. Взаимодействие с референтом на этом этапе уже не осуществлялось.

Стимулы и переменные

В качестве стимульного материала использовались две виньетки из проведенного ранее исследования [3], где они были

апробированы на студенческой выборке и продемонстрировали достаточную тест-ретестовую надежность[3]. Для настоящего исследования они были отобраны по методическому критерию: среди виньеток того исследования именно они характеризовались наибольшей стандартной ошибкой ответов, то есть вызывали наибольшую неопределенность у респондентов. Это свойство для нас очень важно, потому что согласно теории статусных ожиданий влияние референта на суждение индивида должно быть наиболее выраженным именно в условиях неопределенности.

Обе виньетки описывают ситуацию, в которой должностные лица принимают решение, влекущее непреднамеренные негативные последствия для конкретного человека. Такой шаблон хорошо зарекомендовал себя в социологическом изучении причинности и моральных суждений [10]. В первой виньетке (Q1) фракция депутатов добивается принятия закона, расширяющего перечень рецептурных лекарств; в результате жена тяжелобольного пенсионера, покупавшая ранее нужное лекарство без рецепта, была вынуждена купить дорогостоящий препарат-заменитель, потратив ветеранскую доплату к пенсии мужа. Во второй виньетке (Q2) аналогичное решение принимает министр здравоохранения единолично; последствия для той же семьи оказываются более тяжелыми — жена тратит всю свою пенсию и значительную часть накоплений. После каждой виньетки участник оценивал виновность ее героев по шкале от 0 («совсем не виновны») до 100 («полностью виновны») с шагом в 10.

Отметим, что виньетки различаются одновременно по нескольким измерениям — тип актора (коллективный / едино-

[3] Инструментарий включал еще две виньетки, которые были исключены из анализа ввиду низкого качества данных (высокий процент непонимания задания, зафиксированный в ходе полевого этапа).

личный) и тяжесть ущерба, — поскольку отбирались исключительно по критерию неопределенности, без контроля за их содержательными различиями. Это ограничивает возможность содержательного сравнения эффектов между виньетками, однако не препятствует основной цели — проверить, воспроизводится ли предполагаемый эффект на разном материале.

В качестве ковариат в анализ включались успеваемость (GPA, Grade Point Average, средневзвешенный балл) участника как мера академического статуса, независимая от социометрической популярности[4], и воспринимаемое сходство с референтом как возможный конфаундер: сходство с партнером по взаимодействию само по себе способно модерировать эффект социального сравнения согласно триадической модели [14].

План анализа

Основным аналитическим инструментом для проверки обеих гипотез служит линейная регрессия на изменениях суждений. Этот метод позволяет оценить не просто факт изменения суждения, а его пропорциональность величине услышанного расхождения. Ключевые переменные определяются следующим образом:

- Изменение собственного суждения (количественной оценки степени вины протагонистов виньетки) участника от претеста к пост-тесту: $\Delta_{\text{собств.}} = Q_{\text{посттест}} - Q_{\text{претест}}$, где положительное значение означает, что суждение участника о виновности стало строже
- Расхождение между суждением референта, услышанным участником в ходе интервенции, и первоначальным суждением самого участника: $\Delta_{\text{реф.}} = Q_{\text{реф.}} - Q_{\text{претест}}$, где положи-

[4] Измеряется по 10-балльной шкале. Была получена из официально публикуемого поименного рейтинга учащихся за ближайший к проведению исследования период.

тельное значение означает, что референт оценил виновность строже, чем участник до интервенции. Использование суждений референта во время интервенции обусловлено тем, что именно они составляли реальный стимул, предъявлявшийся участнику в ходе парного интервью.

Г1 проверяется через оценку следующей модели раздельно для Q1 и Q2:

$$\Delta_{\text{собств.}} = \beta_0 + \beta_1 \Delta_{\text{реф.}} + \beta_2 GPA + \beta_3 \text{воспр. сх-во} + \epsilon$$

Ключевым является коэффициент β_1: его значимость и положительный знак означают, что суждение участника сдвигается в сторону позиции референта пропорционально величине расхождения между ними.

Г2 проверяется через добавление к базовой модели эффекта взаимодействия с типом сравнения:

$$\Delta_{\text{собств.}} = \beta_0 + \beta_1 \Delta_{\text{реф.}} + \beta_2 \text{тип. ср.} + \beta_3 (\Delta_{\text{реф.}} \times \text{тип. ср.}) + \\ + \beta_4 GPA + \beta_5 \text{воспр. сх-во} + \epsilon,$$

где тип. ср. — дихотомическая переменная условия (ЛСС = 0, ВСС = 1). Такой подход предпочтителен простому сравнению средних $\Delta_{\text{собств.}}$ между условиями, поскольку $\Delta_{\text{реф.}}$ принципиально варьирует между парами независимо от условия: если не контролировать это, сравнение ВСС и ЛСС смешивало бы эффект статусной асимметрии с эффектом случайного разброса в суждениях референтов. Ключевым является коэффициент β_3: если Г2 верна, чувствительность суждений участника к позиции референта должна быть выше в условии ВСС, чем в ЛСС, то есть $\beta_3 > 0$.

Поскольку исследование является пилотным и объем выборки определялся практическими ограничениями сбора данных, априорный анализ мощности мы не проводили. Вместо этого точность оценок характеризуется доверительными интер-

валами для коэффициентов, что позволяет судить о том, какие размеры эффекта совместимы с данными, прежде всего для Г2.

Результаты

Предварительная проверка

Перед основным анализом была проведена проверка качества данных. Пропущенные значения по ключевым переменным анализа отсутствуют. Ковариаты сбалансированы между условиями по успеваемости участника ($t = 0{,}76$, $p = 0{,}460$) и референта ($t = -1{,}44$, $p = 0{,}164$), воспринимаемому сходству ($t = 0{,}98$, $p = 0{,}335$) и гендерному совпадению в паре[5] ($\chi^2 \leq 2{,}21$, $p \geq 0{,}295$), а также пре-тестовым суждениям (Q1: $t = -1{,}34, p = 0{,}201$; Q2: $t = -0{,}64$, $p = 0{,}529$). Ожидаемо не сбалансировано число входящих номинаций участника: в условии ВСС оно систематически ниже, чем в ЛСС ($t = 5{,}48, p < 0{,}001$), что подтверждает корректность манипуляции условием.

Отдельно отметим нестабильность суждений референтов между волнами. Среднее абсолютное изменение от претеста к интервенции составило 16,2 балла по обеим виньеткам ($r = 0{,}66$ для Q1 и $r = 0{,}74$ для Q2), тогда как от интервенции к пост-тесту — 10,9 и 12,8 баллов соответственно, при более высоких корреляциях ($r = 0{,}88$ и $r = 0{,}76$). Четыре референта продемонстрировали изменение более 30 баллов от пре-теста к интервенции. Это означает, что суждение, услышанное участником на стадии экспериментального воздействия, не всегда отражало устойчивую позицию референта, и это потенциально снижает однозначность предъявляемого стимула и ретестовую надежность измерения моральной оценки. В зависимой перемен-

[5] Хотя мы не включали пол в аналитические модели, поскольку гендерное соотношение было неравномерным, для дополнительной проверки мы всё же рассмотрели гендерное соотношение в паре, где был участник.

ной $\Delta_{\text{собств.}}$ обнаружено два выброса с $|z| > 2{,}5$ по Q1 (±90 баллов) и один по Q2 (−100 баллов). Предикторы $\Delta_{\text{реф.}}$ выбросов не содержали.

Гипотеза 1

Таблица 1

ОЦЕНКИ МОДЕЛЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ МСПА ПО ВИНЬЕТКАМ СОГЛАСНО Г1

	$\Delta_{\text{собств.}}$ Q1			$\Delta_{\text{собств.}}$ Q2		
Предикторы	$\hat{\beta}$	*95% ДИ*	p	$\hat{\beta}$	*95% ДИ*	p
(Константа)	129,96	42,93 – 216,99	**0,005**	123,44	37,23 – 209,65	**0,006**
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q1	0,37	0,12 – 0,62	**0,005**			
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q2				0,52	0,30 – 0,74	**<0,001**
GPA	-14,23	-24,61 – -3,85	**0,009**	-12,81	-23,13 – -2,49	**0,017**
воспр. сх-во	-5,20	-11,94 – 1,53	0,125	-6,05	-12,67 – 0,57	0,072
N	35			35		
$R^2_{\text{скорр.}}$	0,357			0,477		

Результаты (табл. 1) подтверждают гипотезу для обеих виньеток. Для Q1: $\hat{\beta}\Delta_{\text{реф.}} = 0{,}374$ ($SE = 0{,}122$, $p = 0{,}005$), модель в целом: $R^2 = 0{,}414$ ($R^2_{\text{скорр.}} = 0{,}357$), $F(3{,}31) = 7{,}29$, $p < 0{,}001$. Для Q2 эффект выражен сильнее: $\hat{\beta}\Delta_{\text{реф.}} = 0{,}521$ ($SE = 0{,}109$, $p < 0{,}001$), модель в целом: $R^2 = 0{,}523$ ($R^2_{\text{скорр.}} = 0{,}477$), $F(3{,}31) = 11{,}33$, $p < 0{,}001$. Таким образом, на каждые 10 баллов расхождения между суждением референта и первоначальным суждением участника приходится сдвиг собственного суждения приблизительно на 3,7 и 5,2 балла в ту же

сторону в зависимости от типа суждения. Визуализация этого эффекта на рис. 2. О точности оценок позволяют судить доверительные интервалы в таблице 1 ($Q1$: 0,12–0,62; $Q2$: 0,30–0,74): для $Q1$ интервал широк и допускает как слабый, так и сильный сдвиг. Добавление совпадения пола пары в модель не дает значимого прироста объясненной дисперсии ($\Delta R^2 \leq 0{,}014$, $F < 0{,}73$, $p > 0{,}40$), что исключает гендерную однородность пары как потенциальное искажение. Успеваемость участника является значимым отрицательным предиктором в обеих моделях ($Q1$: $\hat{\beta}_{GPA} = -14{,}23$, $p = 0{,}009$; $Q2$: $\hat{\beta}_{GPA} = -12{,}81$, $p = 0{,}017$), а влияние воспринимаемого сходства — на уровне тенденции ($Q1$: $p = 0{,}125$; $Q2$: $p = 0{,}072$).

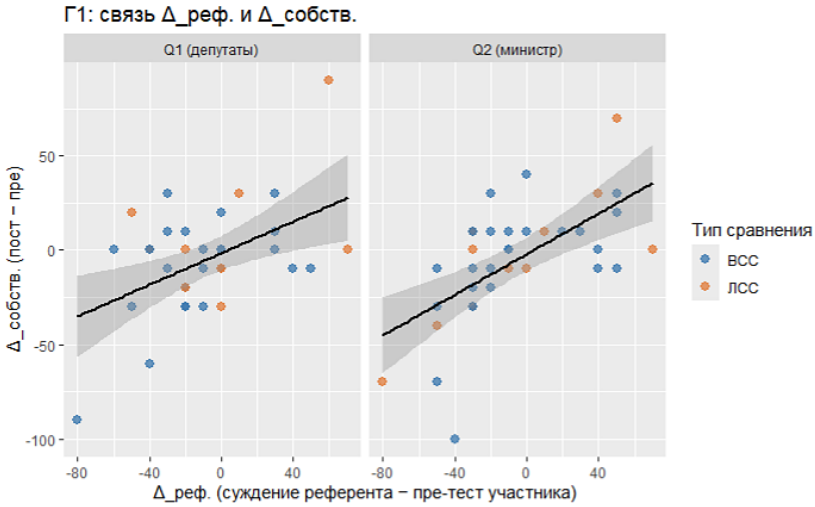

Рис. 2. Взаимосвязь между $\Delta_{\text{собств.}}$ и $\Delta_{\text{реф.}}$

Гипотеза 2

Таблица 2

ОЦЕНКИ МОДЕЛЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ МСПА ПО ВИНЬЕТКАМ СОГЛАСНО Г2

	$\Delta_{\text{собств.}}$ Q1			$\Delta_{\text{собств.}}$ Q2		
Предикторы	$\hat{\beta}$	*95% ДИ*	p	$\hat{\beta}$	*95% ДИ*	p
(Константа)	163,51	72,85 – 254,16	**0.001**	136.48	42.87 – 230.10	**0.006**
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q1	0,33	-0,08 – 0,74	0.109			
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q2				0.58	0.24 – 0.92	**0.002**
тип.ср.$_{\text{ВСС}}$	-17,98	-35,82 – -0,13	**0.048**	-8.77	-26.95 – 9.40	0.332
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q1 × тип.ср.$_{\text{ВСС}}$	-0,02	-0,52 – 0,48	0.938			
$\Delta_{\text{реф.}}$ Q2 × тип.ср.$_{\text{ВСС}}$				-0.10	-0.56 – 0.35	0.648
GPA	-16,17	-26,45 – -5,90	**0.003**	-13.46	-24.16 – -2.76	**0.015**
воспр. сх-во	-6,65	-13,34 – 0,04	0.051	-6.50	-13.35 – 0.35	0.062
N	35			35		
$R^2_{\text{скорр.}}$	0,401			0,461		

Коэффициент взаимодействия пренебрежимо мал и незначим для обеих виньеток ($\hat{\beta}(\Delta_{\text{реф.}}\ \text{Q1} \times \text{тип. ср.}_{\text{ВСС}}) = -0{,}02$, $p = 0{,}938$, $\Delta R^2 = 0{,}0001$; ($\hat{\beta}(\Delta_{\text{реф.}}\ \text{Q2} \times \text{тип. ср.}_{\text{ВСС}}) = -0{,}10$, $p = 0{,}648$, $\Delta R^2 = 0{,}003$). Визуализация этих эффектов на рис. 3.

При $N = 35$ и 6 коэффициентах в модели минимальный эффект взаимодействия, обнаружимый с мощностью 80% ($\alpha = 0{,}05$), соответствует $f^2 \approx 0{,}27$[6], более умеренное статусное модерирование данный дизайн зарегистрировать не мог. Доверительные интервалы при этом широки (Q1: от $-0{,}52$ до 0,48; Q2: от $-0{,}56$ до 0,35) и допускают как отсутствие различий между условиями, так и различия наклонов в обе стороны, сопоставимые по величине с самим наклоном для ЛСС (0,33 и 0,58 соответственно, табл. 2). Таким образом, данные не позволяют нам ни подтвердить, ни опровергнуть Г2: незначимость взаимодействия не равнозначна отсутствию эффекта, а широкие доверительные интервалы оставляют место для различий наклонов в обе стороны.

Примечательно, что в модели для Q1 главный эффект типа сравнения оказывается значимым: участники в условии ВСС демонстрируют изменение суждения в среднем на 18 баллов меньше, чем в условии ЛСС ($\hat{\beta}(\text{тип. ср.}_{\text{ВСС}} = -17{,}98$, $p = 0{,}048$), причем это наблюдение не воспроизводится для Q2 ($\hat{\beta}(\text{тип. ср.}_{\text{ВСС}} = -8{,}77, p = 0{,}332$). Вероятнее всего, это отражение незначимых, но все же наблюдавшихся выборочных различий пре-тестовых суждений между условиями по Q1 ($\text{М}_{\text{ЛСС}} = 50{,}0$, $\text{М}_{\text{ВСС}} = 64{,}2$, $\text{p} = 0{,}201$) в сочетании с регрессией к среднему, а не содержательный эффект типа сравнения.

[6] Согласно критериям Коэна [31], значения $f^2 \geq 0{,}02$, $f^2 \geq 0{,}15$ и $f^2 \geq 0{,}35$ соответствуют малой, средней и большой величине эффекта.

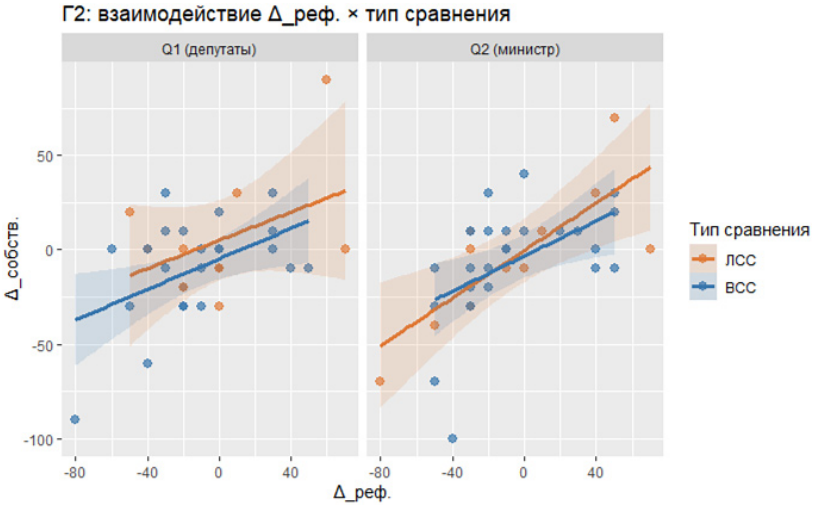

Рис. 3. Взаимодействие между $\Delta_{\text{собств.}}$ и $\Delta_{\text{реф.}}$ по типу сравнения.

Обсуждение

Содержательные выводы

Результаты по Г1 подтверждают, что МСПА участника сдвигаются в сторону услышанной позиции референта пропорционально величине расхождения между ними. Эффект воспроизводится для обеих виньеток, а модели в целом объясняют заметную долю дисперсии изменений суждений (скорректированный R^2 0,36 и 0,48), хотя она и включает вклад успеваемости и воспринимаемого сходства. Принципиально, что данный результат получен в условиях, методически менее строгих, чем в экспериментах на моральную конформность [28]: реальные суждения живого одногруппника, предъявленные в относительно неструктурированном очном взаимодействии, вдобавок к длительному временному лагу между измерениями, теоретически должны были потерять весь свой эффект. Тем не менее мы его зафикси-

ровали, и это может служить основанием для осторожного оптимизма при дальнейших исследованиях с использованием данной методики[7].

Значимый отрицательный эффект успеваемости в обеих моделях заслуживает отдельного внимания, хотя и не изучался нами целенаправленно. Так, студенты с более высокой успеваемостью сдвигали свои суждения в ответ на позицию референта в меньшей степени. Данное обстоятельство можно объяснить как за счет того, что учащиеся с высокой успеваемостью могут просто иметь более устойчивые первоначальные суждения не в силу статусных ожиданий, а в силу большей когнитивной определенности, так и за счет большей склонности таких студентов к аналитической обработке информации, что может снижать восприимчивость к чужим мнениям как «якорям». Эти предположения, однако, требуют отдельной проверки.

Результаты по Г2 менее однозначны. Эффект взаимодействия не достиг статистической значимости ни для Q1, ни для Q2. Однако доверительные интервалы широки и совместимы как с отсутствием различий между условиями, так и со значимыми различиями наклонов в обе стороны, поэтому данные не дают однозначного ответа на гипотезу о статусном модерировании. Более того, при небольшом размере выборки нашего исследования в принципе мог быть обнаружен только сравнительно большой по размеру эффект. Тогда отсутствие значимого результата является свидетельством определенной недостаточности дизайна. Незначимые коэффициенты взаимодействия вкупе со значимостью главных эффектов типа сравнения не дают оснований для содержательных выводов, однако могут предполагать, что виньетки по-разному взаимодействуют с экспериментальным условием. Учитывая, что они различаются одновременно по

[7] Часть связи может отражать ошибку измерения и регрессию к среднему, особенно с учетом выявленной нестабильности суждений. Оценке этого искажения должен быть посвящен дополнительный анализ.

типу актора и тяжести последствий, необходим более глубокий анализ роли содержания предъявляемой ситуации.

Методологические выводы

С методической точки зрения главным результатом нашей работы является демонстрация работоспособности процедуры. Мы успешно совместили виньетки как стимульный материал для МСПА, социометрический отбор референтов и парное интервью как механизм предъявления их оценок в единую полевую процедуру, проведенную в условиях реального учебного процесса. То, что Г1 подтверждается для обеих виньеток, говорит о способности процедуры регистрировать связь между позицией референта и изменением суждения участника.

Вместе с тем апробация выявила несколько методических уязвимостей и ограничений, которые необходимо устранить в последующих исследованиях. Первая и наиболее серьезная — нестабильность суждений самих референтов между волнами. Среднее абсолютное изменение в 16 баллов от пре-теста к интервенции и наличие четырех случаев изменения более чем на 30 баллов означают, что ретестовая надежность для данного способа измерения морального суждения была недостаточной. Частично это неизбежное следствие живого взаимодействия, которое и делает процедуру экологически валидной, но систематический контроль за устойчивостью позиции референта (например, через повторный замер его суждений непосредственно перед интервенцией), вероятно, позволил бы снизить неопределенность. Также можно предположить, что отбор стимульного материала для вынесения моральных суждений мог бы включать предварительную оценку ретестовой надежности для различных вариантов виньеток в той же выборке с целью отбора тех, которые демонстрируют соответствующие психометрические качества.

Вторая уязвимость — малый объем выборки и непропорциональность экспериментальных групп. Это обусловлено не столько

выбытием участников, сколько самой логикой социометрического отбора: наименее популярных студентов в каждой группе объективно меньше, чем умеренно популярных, а наиболее популярных — еще меньше. Преодоление данного структурного ограничения, вероятно, требует либо существенного увеличения числа групп, либо изменения критериев формирования условий.

Третья уязвимость — неконтролируемая неоднородность взаимодействия внутри пар. Степень обсуждения виньеток, длительность разговора, интенсивность аргументации референта — все это варьировало между парами, но не фиксировалось. В последующих исследованиях стоит осуществлять б*о*льший контроль за ходом интервенции.

Отдельного внимания заслуживает неравномерность интервалов между волнами: в пяти группах они составляли в среднем 21 день, в шестой — 26 дней из-за особенностей расписания. Это создает потенциальное искажение: если эффект конформности затухает со временем, более длинный интервал между интервенцией и пост-тестом будет систематически занижать наблюдаемый сдвиг в суждениях участников соответствующей группы. Проверить, насколько это искажает общую картину, на имеющихся данных затруднительно из-за малого числа наблюдений по каждой группе отдельно. В последующих исследованиях интервалы между волнами следует фиксировать как ковариату и стандартизировать насколько это позволяет полевой контекст, а в идеале — предусмотреть дополнительные волны измерений для оценки динамики затухания эффекта.

Помимо описанных методических уязвимостей, необходимо обозначить содержательные ограничения. Выборка однородна по возрасту, образовательному уровню и гендерному составу (преимущественно девушки), что ограничивает обобщаемость результатов. Сам контекст студенческой группы, вероятно, также предполагает специфический тип статусных отношений, и вопрос о том, воспроизводится ли обнаруженный механизм в других

организационных или неформальных контекстах, остается открытым. Наконец, данный дизайн не позволяет разграничить несколько механизмов, через которые также может действовать социальное сравнение: нормативное давление (желание соответствовать референту), информационное влияние (обновление убеждений на основе новой информации) и простое усреднение. Разграничение этих механизмов потребует дополнительных манипуляций и измерений.

Направления для будущих исследований

Непосредственным следующим шагом является репликация на бо́льшей выборке, достаточной для того, чтобы обеспечить приемлемую мощность для проверки Г2. Предположительно, этого можно достичь, если задействовать несколько десятков учебных групп, или же перейти к иному контексту рекрутинга. Параллельно перспективным направлением видится систематический учет типа сетевых отношений между участниками и референтами. Наш дизайн, в силу пилотного характера, оперирует только социометрической популярностью, но можно обоснованно ожидать, что характер диадической связи (дружба, слабое знакомство, или даже антипатия) будет модерировать эффект статуса независимо от его абсолютной величины [32]. Это в свою очередь потребует расширенной социометрии, включающей не только номинации популярности, но и замер прямых связей между участниками.

Заключение

Во введении мы поставили вопрос о том, являются ли МСПА — моральные суждения, которые индивид выносит о действиях третьих лиц и которые через свою трансляцию участвуют в воспроизводстве нормативного порядка, — открытыми для влияния социального контекста, и, в частности, статусной пози-

ции тех, чьи оценки индивид принимает к сведению. Полученные данные позволяют ответить на первую часть этого вопроса утвердительно: МСПА действительно реагируют на позицию референта, и эта реакция поддается количественной оценке. Вторая часть, о роли статусной асимметрии, остается открытой, но не потому, что данные указывают на отсутствие эффекта, а потому, что оценки взаимодействия пока недостаточно точны для надежного вывода.

Основной итог работы, таким образом, двойной. Содержательно, мы получили экспериментальное свидетельство того, что суждения о виновности третьих лиц подвержены влиянию мнения окружающих в условиях реального группового взаимодействия. Вслед за этим наблюдением можно задаться вопросом о том, в какой мере нормативный порядок, воспроизводимый через такие суждения, отражает статусную структуру групп, в которых они формируются. С методической же точки зрения, мы апробировали связку четырех элементов, прежде не объединявшихся в единый дизайн, и показали ее принципиальную работоспособность в полевых условиях. Вопрос о статусной модерации, как в содержательном, так и методологическом ключе, остается на повестке следующего, более масштабного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девятко И.Ф.* Понятие нормы в социологической теории: от классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М.: Весь Мир, 2017. С. 10–42. ISBN 978-5-7777-0706-2. EDN: YVZJYT.

2. *Alicke M.D.* Culpable control and the psychology of blame // Psychological bulletin. 2000, vol. 126, № 4. P. 556-574. DOI: 10.1037/0033-2909.126.4.556.

3. *Deviatko I.F., Gavrilov K.A.* Causality and Blame Judgments of Negative Side Effects of Actions May Differ for Different Institutional Domains // Sage Open. 2020, vol. 10, № 4. DOI: 10.1177/2158244020970942. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244020970942 (дата обращения: 01.05.2025).

4. *McManus R.M., Kleiman-Weiner M., Young L.* What We Owe to Family: The Impact of Special Obligations on Moral Judgment // Psychological Science. 2020, vol. 31, № 3. P. 227–242. DOI: 10.1177/0956797619900321.

5. *Deviatko I.F., Bykov A.* Weighing the moral worth of altruistic actions: A discrepancy between moral evaluations and prescriptive judgments // Philosophical Psychology. 2022, vol. 35, № 1. P. 95–121. DOI: 10.1080/09515089.2021.1950666.

6. *Konow J.* Which is the fairest one of all? A positive analysis of justice theories // Journal of economic literature. 2003, vol. 41, № 4. P. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.

7. *Калинин Р.Г., Девятко И.Ф.* Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019, № 2(150). С. 95-114. DOI: 10.14515/ monitoring.2019.2.05. EDN: ONMLFV.

8. *Hitlin S., Vaisey S.* The New Sociology of Morality // Annual Review of Sociology. 2013, vol. 39, № 1. P. 51–68. DOI: 10.1146/annurev-soc-071312-145628.

9. *Девятко И.Ф.* Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2007, № 25. С. 5–21. EDN: JXMAZF.

10. *Schein C., Gray K.* The Theory of Dyadic Morality: Reinventing Moral Judgment by Redefining Harm // Personality and Social Psychology Review. 2018, vol. 22, № 1. P. 32–70. DOI: 10.1177/1088868317698288.

11.*Festinger L.* A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954, vol. 7, № 2. P. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.

12. *Kelley H.H.* Moral evaluation // American Psychologist. 1971, vol. 26, № 3. P. 293–300. DOI: 10.1037/h0031276.

13. *Goethals G.R., Nelson R.E.* Similarity in the influence process: The belief-value distinction // Journal of Personality and Social Psychology. 1973, vol. 25, № 1. P. 117–122. DOI: 10.1037/h0034266.

14. *Suls J., Martin R., Wheeler L.* Three Kinds of Opinion Comparison: The Triadic Model // Personality and Social Psychology Review. 2000, vol. 4, № 3. P. 219–237. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0403_2.

15.*Bykov A., Mikhaleva V.* Toward Sociology of Metaethics: The Effects of Sociopsychological and Demographic Factors on Folk Moral Objectivism (in a Non-Western Context) // Sociology Compass. 2026, vol. 20, № 3. DOI: 10.1111/soc4.70178. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/soc4.70178 (дата обращения: 27.04.2026).

16. *Berger J., Cohen B.P., Zelditch M.* Status Characteristics and Social Interaction // American Sociological Review. 1972, vol. 37, № 3. P. 241–255. DOI: 10.2307/2093465.

17. *Correll S.J., Ridgeway C.L.* Expectation States Theory // Handbook of Social Psychology / ed. by J. Delamater. Boston: Springer, 2006. P. 29–51. ISBN: 978-0-387-36921-1. DOI: 10.1007/0-387-36921-X_2.

18. *Dippong J., Kalkhoff W., Johnsen E. C.* Status, Networks, and Opinion Change: An Experimental Investigation // Social Psychology Quarterly. 2017, vol. 80, № 2. P. 153–173. DOI: 10.1177/0190272517693211.

19. *Lovaglia M.J., Lucas J.W., Thye, S.R., Markovsky B.* Status Processes and Mental Ability Test Scores // American Journal of Sociology. 1998, vol. 104, № 1. P. 195–228. DOI: 10.1086/210006.

20. *Fragale A.R., Overbeck J.R., Neale M.A.* Resources versus respect: Social judgments based on targets' power and status positions // Journal of Experimental Social Psychology. 2011, vol. 47, № 4. P. 767–775. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.03.006.

21. *Lin Z., Cui F., Wu Y., Wei Q.* The effect of wrongdoer's status on observer punishment recommendations: the mediating role of envy and the moderating role of belief in a just world // Frontiers in Psychology. 2024, vol. 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1227961. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2024.1227961/full (дата обращения: 27.04.2026).

22. *Dong M., van Prooijen J-W., Wu S., van Lange P.A.M.* Culture, Status, and Hypocrisy: High-Status People Who Don't Practice What They Preach Are Viewed as Worse in the United States Than China // Social Psychological and Personality Science. 2022, vol. 13, № 1. P. 60–69. DOI: 10.1177/1948550621990451.

23. *Wang X., Chen Z., Poon K., Jiang T.* Perceiving a Lack of Social Justice: Lower Class Individuals Apply Higher Moral Standards to Others // Social Psychological and Personality Science. 2021, vol. 12, № 2. P. 186–193. DOI: 10.1177/1948550619898558.

24. *Gawronski B., Brannon S.M.* Power and moral dilemma judgments: Distinct effects of memory recall versus social roles // Journal of Experimental Social Psychology. 2020, vol. 86. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.103908. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103119303518 (дата обращения: 27.04.2026).

25. *Dubljević V., Sattler S., Racine E.* Deciphering moral intuition: How agents, deeds, and consequences influence moral judgment // PLoS ONE. 2018, vol. 13, № 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0204631. URL: https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0204631 (дата обращения: 27.04.2026).

26. *Pinho A., Molleman L., Braams B.R., van den Bos W.* Majority and popularity effects on norm formation in adolescence // Scientific Reports. 2021, vol. 11, № 1. DOI: 10.1038/s41598-021-92482-8. URL: https://www.nature.com/articles/s41598-021-92482-8 (дата обращения: 14.01.2026).

27. *Lazega E., Mounier L., Snijders T., Tubaro P.* Norms, status and the dynamics of advice networks: A case study // Social Networks. 2012, vol. 34, № 3. P. 323–332. DOI: 10.1016/j.socnet.2009.12.001.

28. *Kundu P., Cummins D.D.* Morality and conformity: The Asch paradigm applied to moral decisions // Social Influence. 2013, vol. 8, № 4. P. 268–279. DOI: 10.1080/15534510.2012.727767.

29. *Pech G.P., Caspar E.A.* A cross-cultural EEG study of how obedience and conformity influence reconciliation intentions // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2025, vol. 20, № 1. DOI: 10.1093/scan/nsaf038. URL: https://academic.oup.com/scan/article/doi/10.1093/scan/nsaf038/8125306 (дата обращения: 27.01.2026).

30. *Zhang J., Centola D.* How Social Networks Shape Social Comparison // Social Comparison, Judgment, and Behavior / ed. by J. Suls, R. L. Collins, L. Wheeler. New York: Oxford University PressNew, 2020. P. 443–461. ISBN 978-0-19-062911-3. DOI: 10.1093/oso/9780190629113.003.0016.

31. *Cohen J.* Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.

32. *Earp B.D., McLoughlin K.L., Monrad J.T., Clark M.S., Crockett M.J.* How social relationships shape moral wrongness judgments // Nature Communications. 2021, vol. 12, №. 1. DOI: 10.1038/s41467-021-26067-4. URL: https://www.nature.com/articles/s41467-021-26067-4 (дата обращения: 27.04.2026).

Сведения об авторах

Оганян Артём Ашотович

Младший научный сотрудник, аспирант, Международная лаборатория прикладного сетевого анализа (НИУ ВШЭ)

ResearcherID: MSW-4720-2025

SPIN-код: 9373-2364

Девятко Инна Феликсовна

Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой анализа социальных институтов (НИУ ВШЭ); главный научный сотрудник, руководитель отдела теории и истории социологии (ФНИСЦ РАН)

ResearcherID: N-6127-2015

SPIN-код: 2496-0170

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026 г.

Статья принята к публикации: 21.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.6

SOCIAL COMPARISON INFLUENCE ON MORAL JUDGEMENT CHANGE: TEST OF THE EXPERIMENTAL DESIGN

Oganyan Artem A.
International Laboratory for Applied Network Research (HSE University), Moscow, Russia
aoganyan@hse.ru
ORCID: 0009-0008-4106-8972

Devyatko Inna F.
HSE University; Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
deviatko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1955-7592

For citation: Oganyan A. A., Devyatko I. F. Social Comparison Influence on Moral Judgement Change: Test of the Experimental Design. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 254-291. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.6.

Abstract. When individuals evaluate the moral culpability of others, do they adjust their judgments after learning how a peer has assessed the same situation — and does it matter whether that peer ranks higher or lower in the group's social hierarchy? This paper presents a novel experimental procedure that integrates four elements previously not combined in a single field design: vignette-based elicitation of third-party moral judgments, sociometric identification of referents within real academic groups, and face-to-face dyadic interaction as the mechanism of referent influence in a three-wave pretest–intervention–posttest experimental design. Across six student groups (N = 35 dyads) we test two hypotheses about moral conformity and its moderation by status asymmetry. The first hypothesis is strongly confirmed: participants' moral judgments shift systematically toward the referent's position in proportion to the initial discrepancy between them. A significant

negative effect of academic performance suggests that higher-achieving students are less susceptible to referent influence, a finding that warrants dedicated follow-up. The second hypothesis that upward social comparison produces stronger conformity vs. lateral comparison proved beyond the reach of the current design: the study was underpowered for detecting the interaction effect. The paper documents the methodological lessons of this pilot and proposes specific design improvements for subsequent research.

Keywords: moral judgment; social comparison; moral conformity; expectation states theory; sociometry; vignette method; normative influence; status; experimental design; group dynamics

Acknowledgments: This research was conducted within the framework of the HSE Basic Research Program (HSE-BR-2025-070) (funding for author A.A. Oganyan). We express our deep gratitude to Elena Yarskaya-Smirnova, Polina Guseva, Kira Legut, and Maxim Malkov for their invaluable support during the data collection process. We also thank Svetlana Biryukova for her valuable comments during the preparation of the manuscript. We are grateful to the journal's editorial team and the anonymous reviewers for their comments, which helped improve the final text of the paper. Finally, we thank the participants of the 5th International Research Conference "Interaction. Integration. Inclusion: From Reflection to Action" (Moscow, 2025) and the XXVI Yevgeny Yasin April International Academic Conference (Moscow, 2026) for their valuable discussion of the substantive and methodological aspects of this study.

References

1. Deviatko I.F. "Social norms: from attempts of definition towards new interpretations of sources of normative value and plurality of normative systems" (in Russian), in: *Norms and morality in sociological theory: from classical conceptions to new ideas*, Moscow: Ves Mir, 2017, p. 10–42. ISBN 978-5-7777-0706-2.
2. Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame, *Psychological Bulletin*, 2000, vol. 126, no. 4, p. 556–574. DOI: 10.1037/0033-2909.126.4.556.
3. Deviatko I.F., Gavrilov K.A. Causality and blame judgments of negative side effects of actions may differ for different institutional domains, *Sage Open*, 2020, vol. 10, no. 4. DOI: 10.1177/2158244020970942.

URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244020970942 (date of access: 01.05.2025).
4. McManus R.M., Kleiman-Weiner M., Young L. What we owe to family: The impact of special obligations on moral judgment, *Psychological Science*, 2020, vol. 31, no. 3, p. 227–242. DOI: 10.1177/0956797619900321.
5. Deviatko I.F., Bykov A. Weighing the moral worth of altruistic actions: a discrepancy between moral evaluations and prescriptive judgments, *Philosophical Psychology*, 2022, vol. 35, no. 1, p. 95–121. DOI: 10.1080/09515089.2021.1950666.
6. Konow J. Which is the fairest one of all? A positive analysis of justice theories, *Journal of Economic Literature*, 2003, vol. 41, no. 4, p. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.
7. Kalinin R.G., Deviatko I.F. Who will pay for the water supply: social context of distributive justice perception (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 2(150), p. 95–114. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.05.
8. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality, *Annual Review of Sociology*, 2013, vol. 39, no. 1, p. 51–68. DOI: 10.1146/annurev-soc-071312-145628.
9. Deviatko I.F. Causality in everyday consciousness and in sociological explanation: outlines of a new research approach (in Russian), *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, 2007, no. 25, p. 5–21.
10. Schein C., Gray K. The theory of dyadic morality: reinventing moral judgment by redefining harm, *Personality and Social Psychology Review*, 2018, vol. 22, no. 1, p. 32–70. DOI: 10.1177/1088868317698288.
11. Festinger L. A theory of social comparison processes, *Human Relations*, 1954, vol. 7, no. 2, p. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
12. Kelley H.H. Moral evaluation, *American Psychologist*, 1971, vol. 26, no. 3, p. 293–300. DOI: 10.1037/h0031276.
13. Goethals G.R., Nelson R.E. Similarity in the influence process: the belief-value distinction, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1973, vol. 25, no. 1, p. 117–122. DOI: 10.1037/h0034266.
14. Suls J., Martin R., Wheeler L. Three kinds of opinion comparison: the triadic model, *Personality and Social Psychology Review*, 2000, vol. 4, no. 3, p. 219–237. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0403_2.

15. Bykov A., Mikhaleva V. Toward sociology of metaethics: the effects of sociopsychological and demographic factors on folk moral objectivism (in a non-Western context), *Sociology Compass*, 2026, vol. 20, no. 3. DOI: 10.1111/soc4.70178. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/soc4.70178 (date of access: 27.04.2026).
16. Berger J., Cohen B.P., Zelditch M. Status characteristics and social interaction, *American Sociological Review*, 1972, vol. 37, no. 3, p. 241–255. DOI: 10.2307/2093465.
17. Correll S.J., Ridgeway C.L. "Expectation states theory", in: *Handbook of Social Psychology*, ed. by J. Delamater. Boston: Springer, 2006, p. 29–51. DOI: 10.1007/0-387-36921-X_2. ISBN 978-0-387-36921-1.
18. Dippong J., Kalkhoff W., Johnsen E.C. Status, networks, and opinion change: an experimental investigation, *Social Psychology Quarterly*, 2017, vol. 80, no. 2, p. 153–173. DOI: 10.1177/0190272517693211.
19. Lovaglia M.J., Lucas J.W., Thye S.R., Markovsky B. Status processes and mental ability test scores, *American Journal of Sociology*, 1998, vol. 104, no. 1, p. 195–228. DOI: 10.1086/210006.
20. Fragale A.R., Overbeck J.R., Neale M.A. Resources versus respect: social judgments based on targets' power and status positions, *Journal of Experimental Social Psychology*, 2011, vol. 47, no. 4, p. 767–775. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.03.006.
21. Lin Z., Cui F., Wu Y., Wei Q. The effect of wrongdoer's status on observer punishment recommendations: the mediating role of envy and the moderating role of belief in a just world, *Frontiers in Psychology*, 2024, vol. 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1227961. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2024.1227961/full (date of access: 27.04.2026).
22. Dong M., van Prooijen J.-W., Wu S., van Lange P.A.M. Culture, status, and hypocrisy: high-status people who don't practice what they preach are viewed as worse in the United States than China, *Social Psychological and Personality Science*, 2022, vol. 13, no. 1, p. 60–69. DOI: 10.1177/1948550621990451.
23. Wang X., Chen Z., Poon K., Jiang T. Perceiving a lack of social justice: lower class individuals apply higher moral standards to others, *Social Psychological and Personality Science*, 2021, vol. 12, no. 2, p. 186–193. DOI: 10.1177/1948550619898558.

24. Gawronski B., Brannon S.M. Power and moral dilemma judgments: distinct effects of memory recall versus social roles, *Journal of Experimental Social Psychology*, 2020, vol. 86. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.103908. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103119303518 (date of access: 27.04.2026).
25. Dubljević V., Sattler S., Racine E. Deciphering moral intuition: how agents, deeds, and consequences influence moral judgment, *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, no. 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0204631. URL: https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0204631 (date of access: 27.04.2026).
26. Pinho A., Molleman L., Braams B.R., van den Bos W. Majority and popularity effects on norm formation in adolescence, *Scientific Reports*, 2021, vol. 11, no. 1. DOI: 10.1038/s41598-021-92482-8. URL: https://www.nature.com/articles/s41598-021-92482-8 (date of access: 14.01.2026).
27. Lazega E., Mounier L., Snijders T., Tubaro P. Norms, status and the dynamics of advice networks: a case study, *Social Networks*, 2012, vol. 34, no. 3, p. 323–332. DOI: 10.1016/j.socnet.2009.12.001.
28. Kundu P., Cummins D.D. Morality and conformity: the Asch paradigm applied to moral decisions, *Social Influence*, 2013, vol. 8, no. 4, p. 268–279. DOI: 10.1080/15534510.2012.727767.
29. Pech G.P., Caspar E.A. A cross-cultural EEG study of how obedience and conformity influence reconciliation intentions, *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2025, vol. 20, no. 1. DOI: 10.1093/scan/nsaf038. URL: https://academic.oup.com/scan/article/doi/10.1093/scan/nsaf038/8125306 (date of access: 27.01.2026).
30. Zhang J., Centola D. How social networks shape social comparison, in: *Social Comparison, Judgment, and Behavior*, ed. by J. Suls, R. L. Collins, L. Wheeler. New York: Oxford University Press, 2020, p. 443–461. DOI: 10.1093/oso/9780190629113.003.0016. ISBN 978-0-19-062911-3
31. Cohen J. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
32. Earp B.D., McLoughlin K.L., Monrad J.T., Clark M.S., Crockett M.J. How social relationships shape moral wrongness judgments, Nature Communications? 2021, vol. 12, no. 1. DOI: 10.1038/s41467-021-26067-4. URL: https://www.nature.com/articles/s41467-021-26067-4 (date of access: 27.04.2026).

Information about the authors

Artem A. Oganyan
Junior Research Fellow, Postgraduate Student, International Laboratory for Applied Network Research (HSE University)
ResearcherID: MSW-4720-2025

Inna F. Devyatko
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Analysis of Social Institutions (HSE University), Chief Researcher, Head of the Department of Theory and History of Sociology (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences)
ResearcherID: N-6127-2015

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7
EDN: DYIBUG

РАЗРАБОТКА И ВАЛИДИЗАЦИЯ ИНДЕКСА ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРА УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ В РОССИИ

Григорьев Андрей Владимирович
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Эл. почта: avgrigorev45@mail.ru
ORCID: 0009-0000-3271-2422

Для цитирования: *Григорьев А. В.* Разработка и валидизация индекса воцерковленности как предиктора участия в выборах в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 292-313. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7. EDN: DYIBUG.

Статья посвящена разработке и валидизации индекса воцерковленности как инструмента измерения институциональной религиозности, а также проверке его предсказательной силы применительно к электоральному участию в России. Исследование построено на данных 7-й волны Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*, 2017–2022 гг., $N = 1701$). Методологически работа опирается на постсекулярную теоретическую рамку, рассматривающую возвращение религии в публичную сферу, и учитывает специфику государственно-церковных отношений в современной России. В качестве ключевой независимой переменной сконструирован индекс воцерковленности методом главных компонент (*МГК*) на основе частоты посещения богослужений, молитвенной практики и религиозной самоидентификации. Содержательная и конвергентная валидность индекса верифицированы через его сопоставление с обобщённым показателем религиозности. Для проверки

гипотезы применена множественная линейная регрессия с контролем социально-демографических факторов (доход, образование, возраст, пол), предварительно стандартизированных для сопоставимости коэффициентов. Результаты показали отсутствие статистически значимого влияния воцерковленности на электоральную активность ($p > 0{,}33$ во всех спецификациях; в полной модели $p = 0{,}40$). Наиболее значимыми предикторами участия оказались возраст ($\beta = 0{,}072$, $p < 0{,}001$) и уровень образования ($\beta = 0{,}041$, $p < 0{,}001$), тогда как доход и пол не проявили устойчивого влияния в полной модели. Полученные выводы указывают на институциональную автономию электорального поведения от религиозной идентичности в исследуемый период, внося важный нюанс в дискуссию о политической роли религии в постсекулярном обществе.

Ключевые слова: воцерковленность, электоральное поведение, политическое участие, религиозность, World Values Survey, Россия, постсекулярность, регрессионный анализ.

В условиях постсекулярного поворота, характеризующегося возвращением религии в публичную сферу [1], вопрос о её влиянии на политическое поведение граждан приобретает особую актуальность. В России, где православная традиция исторически переплетена с государственностью, а религиозные институты, прежде всего Русская православная церковь (РПЦ), играют заметную публичную роль, анализ связи между религиозностью и электоральной активностью представляет значительный научный и практический интерес. Классические работы, такие как исследования П. Бергера о сакрализации идентичности [2] или Ю. Хабермаса о постсекулярном обществе [3], задают рамку, в которой религия перестает быть сугубо частным делом, становясь ресурсом для конструирования публичных смыслов и коллективных действий. В российском контексте ряд авторов отмечают феномен государственно-церковного симбиоза и его потенциальное влияние на политические предпочтения [4; 5].

Однако эмпирические исследования дают неоднозначные результаты. Если одни работы указывают на корреляцию между религиозностью и поддержкой определенных политических сил или более высоким уровнем гражданской активности [6], другие не находят устойчивой связи [7]. Часть расхождений может объясняться различиями в операционализации ключевых понятий. В отличие от общей религиозности (*religiousness*), которая часто измеряется через декларируемую принадлежность или веру, концепт воцерковленности (churchliness) делает акцент на институциональном измерении – регулярности участия в религиозных практиках (богослужения, молитва) и идентификации с религиозной общиной [8; 9]. Такой подход позволяет более точно уловить степень интеграции индивида в религиозный институт и, потенциально, восприимчивость к его нормативным предписаниям, в том числе в сфере гражданского долга.

В данной статье ставится задача проверить гипотезу о влиянии уровня воцерковленности на вероятность участия российских граждан в национальных выборах. В качестве теоретической основы используется постсекулярная рамка, дополненная учётом специфики российских государственно-церковных отношений. Эмпирический анализ строится на репрезентативных данных WVS, что позволяет контролировать ключевые социально-демографические факторы и получить статистически надежные оценки.

Постсекулярность и возвращение религии в публичную сферу

Постсекулярность как концепт описывает ситуацию, в которой религия, вопреки прогнозам классической секуляризационной теории, не уходит из публичного пространства, а возвращается в него в новых формах [3]. Н. Луман рассматривал религию как функциональную подсистему общества, специализирующуюся

на коммуникации по поводу непредвиденного (*contingency*) [10]. В постсекулярном обществе эта подсистема вступает в конкуренцию и диалог со светскими институтами за производство смыслов [11]. П. Бергер указывал на процесс «сакрализации» социальной и политической идентичности, когда религиозные символы и нарративы используются для легитимации коллективных действий [2]. Таким образом, религиозная принадлежность и практики могут транслироваться в модели гражданского, в том числе электорального, поведения.

Религия и политическое участие: российский контекст

В России православие исторически было тесно связано с государством, и эта связь в трансформированном виде сохраняется в современный период [4]. Ряд исследователей отмечают, что РПЦ позиционирует себя как хранительница традиционных ценностей и национальной идентичности, что может влиять на политические ориентации верующих [5; 12]. Эмпирические исследования демонстрируют, что религиозный фактор может играть роль в региональных электоральных результатах [13] и формировании партийных предпочтений [6]. Однако характер этого влияния неоднозначен и опосредован множеством факторов, включая тип религиозности (внеконфессиональная против институциональной).

Воцерковленность как ключевая независимая переменная

В настоящем исследовании в фокусе находится именно институциональная религиозность, операционализированная через понятие воцерковленности. Следуя подходу В.В. Локосова и Ю.Ю. Синелиной [8], А.Ю. Кульковой [6], М.И. Богачёва [9],

воцерковленность понимается как комплексная характеристика, включающая:

1. Регулярность участия в религиозных обрядах (посещение богослужений).
2. Частоту частной религиозной практики (молитва).
3. Субъективную религиозную идентификацию (самооценка как религиозного человека).

Этот подход позволяет отказаться от расплывчатой категории «общей религиозности» в пользу более конкретного и поведенчески ориентированного конструкта, имеющего четкое институциональное измерение.

Методология исследования

Данные. Эмпирической базой исследования послужили данные 7-й волны Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey, WVS*) для России [15]. Сбор данных осуществлялся в рамках международного сравнительного проекта *World Values Survey Association* (некоммерческая организация, которая управляет проектом, объединяет социологов из более чем 120 стран и стремится обеспечить высокое качество методологии, а также улучшить стандарты в области кросс-национальных опросов) по стандартизированной методологии. В России полевой этап проведен с 11 по 29 декабря 2017 г. Метод сбора данных – личное формализованное интервью по месту жительства респондента. Выборка носит репрезентативный характер для взрослого населения страны (18 лет и старше) и построена по многоступенчатой стратифицированной схеме с отбором населенных пунктов, домохозяйств и респондентов на последних этапах. В качестве подрядчика полевых работ выступала российская исследовательская организация, участвующая в реализации международного проекта Всемирного исследования ценностей. Дизайн исследования и инструментарий полностью стандартизированы

и сопоставимы с другими странами, участвующими в 7-й волне Всемирного исследования ценностей, что обеспечивает возможность межстрановых сравнений. Подготовка данных включала следующие процедуры: (1) рекодирование системных кодов отказа от ответа и неприменимости (отрицательные значения и код «Мне не разрешено голосовать» по Q222) в пропущенные значения; (2) удаление наблюдений, у которых отсутствует хотя бы одна из переменных, включённых в регрессионные модели (списочное исключение наблюдений). Выборка не взвешивалась: переменная W_WEIGHT в волне WVS-7 для России отсутствует, дизайн-веса в открытом доступе не предоставлены, поэтому анализ проводился на невзвешенных данных, что является ограничением и должно учитываться при обобщении результатов. Итоговая аналитическая выборка составила N = 1701 респондента.

Переменные и их операционализация

Зависимая переменная – Участие в национальных выборах (бинарная). Сконструирована на основе вопроса Q222: «Как часто Вы участвуете в выборах на национальном уровне?». Ответы «Всегда» (1) и «Обычно» (2) были рекодированы в 1 (участвует), «Никогда» (3) – в 0 (не участвует). Ответ «Мне не разрешено голосовать» (4) и служебные коды отказа от ответа (−1, n = 33; −2, n = 9) были исключены как пропуски (итого 44 наблюдения, 2,4% исходных 1810). После этого оставалось 1766 наблюдений с валидным значением Q222, из которых участвуют в выборах 1456 (82,4%), не участвуют – 310 (17,6%). После дополнительного исключения 65 наблюдений с пропусками по контрольным переменным (listwise deletion) регрессионная выборка составила N = 1701. В ней 81,8% (n = 1391) указали на участие в выборах, 18,2% (n = 310) – на неучастие. Подобная несбалансированность результирующей переменной (соотношение примерно 4,5:1) является стандартной проблемой для данных

об электоральном участии в России и заслуживает отдельного обсуждения. С одной стороны, высокая доля декларируемого участия может отражать как реальную высокую явку, так и социально желательные ответы. С другой стороны, несбалансированность снижает статистическую мощность в отношении предикторов участия/неучастия и может приводить к консервативным оценкам значимости коэффициентов. В качестве проверки чувствительности была оценена логистическая регрессия с теми же предикторами: качественный характер результатов (отсутствие значимого эффекта воцерковленности) сохраняется. *Ключевая независимая переменная* – Индекс воцерковленности. Построен методом главных компонент (МГК) на основе трех переменных, предварительно унифицированных по направлению (большее значение = большая религиозность):

1. Q171_unified: «Как часто Вы посещаете религиозные службы?» (шкала 1–7, реверсирована).
2. Q172_unified: «Как часто Вы молитесь?» (шкала 1–8, реверсирована).
3. Q173: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?» (шкала 1–3: 1 = религиозный, 2 = нерелигиозный, 3 = атеист; оставлена как есть, поскольку направление шкалы противоположно Q171/Q172; МГК автоматически согласует направления через знак нагрузки).

Перед применением МГК все переменные были приведены к z-значениям. Пригодность данных для факторного анализа проверена с помощью критерия Кайзера–Мейера–Олкина: KMO = 0,63, что соответствует удовлетворительному (приемлемому) уровню. Результаты анализа главных компонент приведены в таблице 2. Первая главная компонента объяснила 69,1% дисперсии (собственное значение $\lambda = 2{,}073$) и была использована в качестве индекса; вторая компонента объясняла 22,1%, третья – 8,8%, что подтверждает одномерность конструкта. Нагрузки на первую компоненту составили (по модулю):

Q171_unified – 0,614, Q172_unified – 0,619, Q173_unified – 0,489. Знак нагрузок определяется ориентацией оси МГК: в полученном решении первая компонента ориентирована таким образом, что её высокие значения соответствуют высокой воцерковленности. Все нагрузки значимые и однонаправленные, что свидетельствует о том, что компонента улавливает единый латентный фактор институциональной религиозности. Надежность шкалы, измеренная альфа-Кронбаха, составила 0,702 (стандартизированная альфа – 0,771), что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности. Корреляции между компонентами варьировались от 0,415 до 0,735 и приведены на рисунке 1.

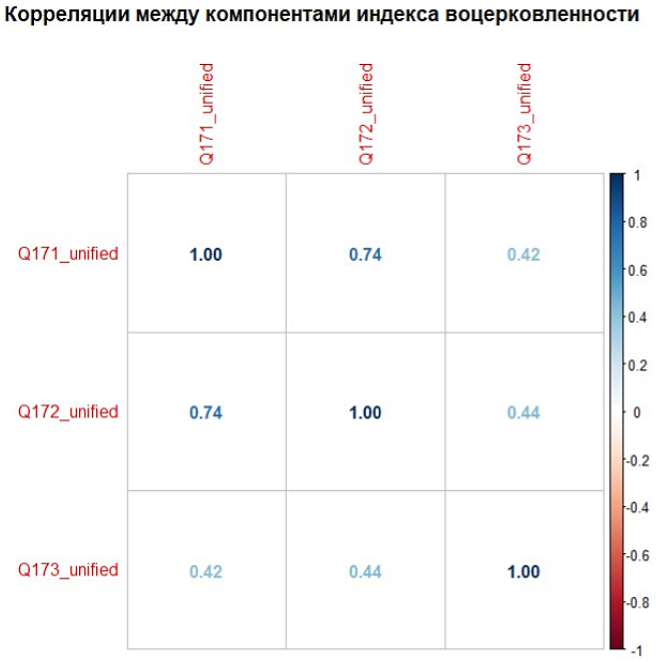

Рис. 1. Корреляции между компонентами индекса воцерковленности

Валидизация индекса воцерковленности

Наряду с оценкой надёжности индекса важно оценить его валидность – то, действительно ли он измеряет воцерковленность как институциональную религиозность. Для оценки конвергентной валидности индекс воцерковленности был сопоставлен с обобщённым показателем религиозности (Q164: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?»). Полученная корреляция Пирсона между индексом и Q164 свидетельствует о наличии конвергентной валидности: индекс воцерковленности закономерно связан с более широким пониманием религиозности, но не тождествен ему. Это соответствует теоретическому замыслу: воцерковленность как институциональное измерение является более специфичным конструктом, чем общая религиозная самоидентификация. Для оценки дискриминантной валидности индекс был сопоставлен с переменными, не связанными напрямую с религиозностью: уровнем дохода ($r = -0{,}047$) и уровнем образования ($r = 0{,}003$). Низкие корреляции с социальными ресурсами подтверждают, что индекс измеряет именно религиозную вовлечённость, а не общий социальный статус. Таким образом, совокупность данных о конвергентной и дискриминантной валидности подтверждает правомерность применения индекса в качестве меры воцерковленности. Отсутствие значимого влияния индекса на электоральное участие поэтому не может быть сведено просто к недостаткам индекса.

Контрольные переменные (все приведены к z-значениям для сопоставимости коэффициентов):

1. Доход (Q288): Самооценка места домохозяйства на лестнице доходов (шкала 1–10).
2. Образование (Q275): Уровень образования по классификации ISCED 2011 (шкала 0–8).
3. Возраст (Q262/X003): Возраст в годах (непрерывная).
4. Пол (Q260/X001): Бинарная переменная (0 – мужчина, 1 – женщина).

Метод анализа

Для проверки гипотезы была применена множественная линейная регрессия (метод наименьших квадратов). Были оценены три последовательные модели:

- Модель 1: включает только индекс воцерковленности.
- Модель 2: добавляет контроль доходов и образования.
- Модель 3 (полная): добавляет контроль возраста и пола.

Интерпретация стандартизированных коэффициентов (β): изменение зависимой переменной в единицах стандартного отклонения при изменении независимой переменной на одно стандартное отклонение. Для проверки на мультиколлинеарность рассчитаны коэффициенты инфляции дисперсии (КИД), все значения <1,18, что указывает на её отсутствие.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты регрессионного анализа позволяют оценить силу и направление влияния воцерковленности на вероятность участия в выборах, а также роль контрольных переменных. Визуальное представление основных взаимосвязей, выявленных полной моделью (Модель 3), иллюстрирует рисунок 2.

Для детального количественного анализа представлены стандартизованные коэффициенты и их статистическая значимость по трем последовательным моделям регрессии (таблица 1).

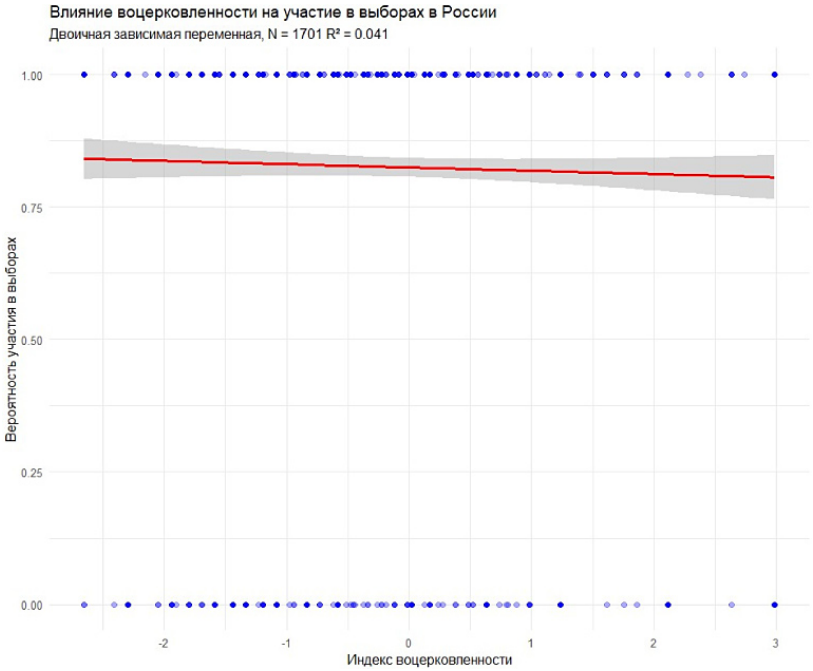

Рис. 2. Влияние воцерковленности на участие в выборах в России (N = 1701, R² = 0.041)

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ И КОНТРОЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ (СТАНДАРТИЗОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ)

Переменная	**Модель 1**	**Модель 2**	**Модель 3**
Индекс воцерковленности	-0.006	-0.007	-0.005
	(0.006)	(0.006)	(0.006)
Доход (ст.)		-0.027***	-0.010
		(0.010)	(0.010)
Образование (ст.)		0.030***	0.041***
		(0.010)	(0.010)
Возраст (ст.)			0.072***
			(0.010)
Пол (женщина = 1)			-0.014
			(0.019)
Константа	0.825***	0.825***	0.832***
	(0.009)	(0.009)	(0.014)
Наблюдения	1701	1701	1701
R^2	0.001	0.008	0.041
Скорректированный R^2	-0.00004	0.007	0.038

**Примечание:* В скобках указаны стандартные ошибки: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1.*

Для проверки основных допущений линейной регрессии (линейность, гомоскедастичность остатков, нормальность их распределения) были построены диагностические графики для полной модели (Модель 3), представленные на рисунке 3.

1. График остатков от предсказанных значений по сравнению с подобранными: не выявляет систематических паттернов (например, U-образной кривой), что свидетельствует в пользу

соблюдения предположения о линейности связи. Распределение остатков выглядит случайным вокруг горизонтальной линии ноля.

2. График «масштаб-расположение» (Scale-Location): отсутствует явная тенденция к росту или убыванию разброса остатков по мере увеличения предсказанных значений. Это указывает на выполнение условия гомоскедастичности (постоянства дисперсии остатков).

3. Квантиль-квантильный график остатков (Q-Q Residuals): точки в целом ложатся вдоль прямой линии, что говорит о приблизительном соответствии распределения остатков нормальному. Небольшие отклонения на концах распределения являются типичными для эмпирических данных и не критичны для устойчивости оценок регрессии при большом объеме выборки.

4. График расстояния Кука (Cook's distance): ни одно наблюдение не превышает порогового значения, обычно равного 1 (или 4/n). Это означает, что в данных отсутствуют сильно влиятельные наблюдения (выбросы), которые могли бы существенно исказить оценки коэффициентов модели.

Таким образом, диагностика модели не выявляет грубых нарушений ключевых статистических допущений, что позволяет считать полученные оценки регрессии (Таблица 1) статистически корректными и пригодными для интерпретации.

Влияние воцерковленности

Основной результат исследования состоит в том, что индекс воцерковленности не оказывает статистически значимого влияния на участие в выборах ни в одной из спецификаций моделей (Модель 1: $p = 0{,}334$; Модель 3: $p = 0{,}398$), что показано на рисунке 4. Коэффициент при индексе стабильно близок к нулю и отрицателен, но его величина ($\beta \approx -0{,}005$) означает, что даже увеличение воцерковленности на одно стандартное отклонение

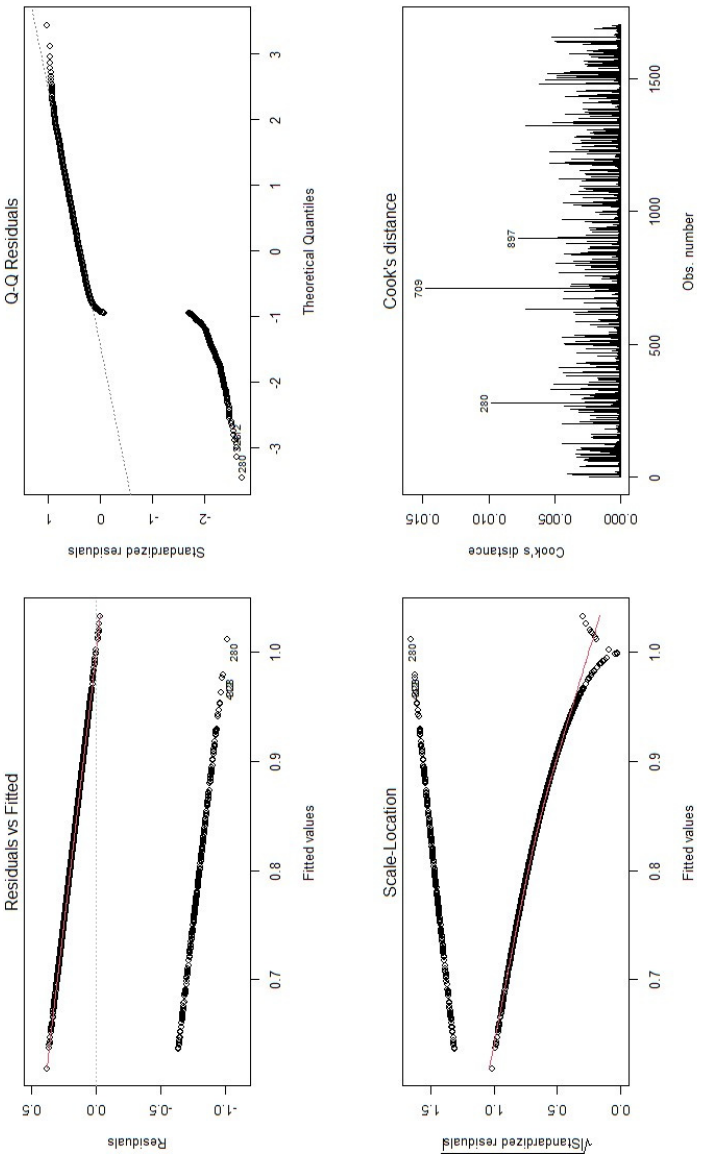

Рис. 3. Диагностические графики полной регрессионной модели (Модель 3)

изменяет вероятность участия менее чем на 0,5%, что является пренебрежимо малым эффектом. Гипотеза о значимом влиянии воцерковленности на электоральную активность не подтверждается. Этот результат позволяет предположить, что в России в исследуемый период институциональная религиозность и электоральное поведение являются относительно автономными сферами. Религиозная идентичность, выраженная через практики и самоидентификацию, не транслируется напрямую в выполнение гражданской обязанности по участию в голосовании, что может свидетельствовать о сложности и опосредованности связи между религиозным и политическим полем.

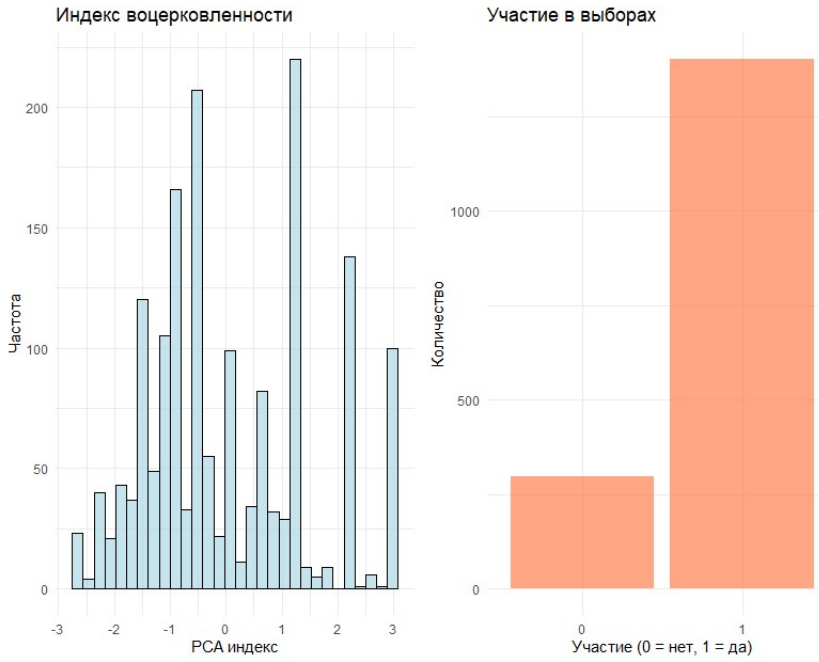

Рис. 4. Распределение индекса воцерковленности и бинарной переменной участия в выборах

Влияние контрольных переменных

Анализ выявил значимое влияние социально-демографических факторов:

1. Возраст оказался наиболее мощным предиктором ($\beta = 0{,}072$, $p < 0{,}001$). Увеличение возраста на одно стандартное отклонение (около 17 лет) связано с ростом вероятности участия в выборах на 7,2%. Это соответствует теории жизненного цикла политического участия, согласно которой с возрастом растут социальная укорененность, чувство гражданской ответственности и привычка к участию в институциональных политических процессах.

2. Образование также демонстрирует устойчивое положительное влияние ($\beta = 0{,}041$, $p < 0{,}001$). Это подтверждает теорию человеческого капитала: более образованные граждане обладают большими когнитивными ресурсами, информацией и доверием к институтам, что облегчает их политическую мобилизацию.

3. Доход теряет статистическую значимость в полной модели (Модель 3), когда контролируется возраст. Первоначальный отрицательный знак коэффициента в Модели 2 ($\beta = -0{,}027$) и последующее его «затухание» указывает на опосредующую роль возраста. Отрицательная корреляция между возрастом и доходом в выборке (-0,278) позволяет предположить, что более молодые и, возможно, более критические к власти когорты могут иметь относительно более высокие доходы, но менее склонны к участию в выборах.

4. Пол не оказывает значимого влияния ($\beta = -0{,}014$, $p = 0{,}462$), что указывает на отсутствие гендерного разрыва в электоральном участии в современной России.

Объясняющая способность модели

Коэффициент детерминации R^2 полной модели составляет 0,041, то есть включенные переменные объясняют около 4,1% дисперсии участия в выборах. Это значение, типичное для моде-

лей электорального поведения на индивидуальном уровне, указывает на то, что значительная часть вариативности обусловлена ненаблюдаемыми факторами: политическими установками, доверием к конкретным институтам, региональным контекстом, эффективностью мобилизационных кампаний и т.д.

Заключение

Проведенное исследование не выявило статистически значимой связи между уровнем воцерковленности и участием российских граждан в национальных выборах по данным WVS 2017–2022 гг. Это позволяет сделать вывод об институциональной автономии электорального поведения от религиозной идентичности, выраженной через практики и самооценку, в исследуемый период. Полученный результат вносит важный нюанс в дискуссию о влиянии религии на политику в постсекулярную эпоху. Он свидетельствует о том, что даже в условиях заметной публичной роли религиозных институтов, их прямое влияние на базовую форму политического участия – голосование – может быть минимальным.

Основными детерминантами электоральной активности в России оказались возраст и уровень образования, что согласуется с общемировыми трендами. Эффект дохода опосредован возрастной структурой, а гендерные различия отсутствуют.

Ограничения исследования связаны с кросс-секционным дизайном, не позволяющим устанавливать причинно-следственные связи, а также относительно низкой долей объясненной дисперсии, что указывает на важность учета дополнительных факторов (политические установки, региональный контекст, медийное потребление) в будущих исследованиях. Перспективным направлением может быть сравнение эффекта воцерковленности в России с другими странами православной традиции или с государствами, где роль религии в публичной сфере иная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акулич М.М., Капалин А.М.* Религия как социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2008, № 32. С. 8-15. EDN: MVDNHN.

2. *Бергер П.* Священная завеса: элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с. ISBN 978-5-4448-0951-8.

3. *Богачёв М.И.* Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. 2016, №1(13). С. 8-76. EDN: WITMWL.

4. *Богачёв М.И.* Партийные предпочтения религиозных групп, или почему российские католики голосовали за «Яблоко» и ЛДПР в 2011 г. // Коммуникология. 2016, т. 4, № 5. С. 130–139. EDN: WXGMFL.

5. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2.

6. *Кулькова А.Ю.* Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 48 с.

7. *Синелина Ю.Ю.* О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013, № 10(354). С. 104-115. EDN: RDRNXB.

8. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.

9. *Ситников А.В.* Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. 248 с.

10. *Левашова А.И., Шорохова В.А.* К вопросу исследования социально-психологических аспектов религиозности // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 11–12 мая 2023 года. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. С. 476-479. EDN: ENAZUU.

11. *Taylor C.* A Secular Age. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 887 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15250-5_66.

12. *Ухватова М.В.* Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского университета. Политология. 2017, № 4. С. 26-48. EDN UTALZF.

13. *Habermas J.* Notes on a Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly. 2008, vol. 25, № 4. P. 17–29. DOI: 10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x.

14. *Lamprianou I.* Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. Democracy in Transition / ed. by K. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 21–42. DOI: 10.1007/978-3-642-30068-4_2.

15. *Marchand A.D., Frisby M.B., Kraemer M.R., Mathews C.J., Diemer M.A., Voight A.M.* Sociopolitical Participation among Marginalized Youth: Do Political Identification and Ideology Matter? // Journal of Youth Development. 2021, vol. 16, № 5. P. 41-63. DOI: 10.5195/jyd.2021.1089.

16. World Values Survey Wave 7 (2017-2022) // World Values Survey Association [сайт]. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (дата обращения: 10.11.2025).

Сведения об авторе

Григорьев Андрей Владимирович

Аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

AuthorID: 1308158

SPIN-код: 5022-5130

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025 г.

Статья принята к публикации: 23.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7

DEVELOPMENT AND VALIDATION OF THE INDEX OF CHURCH MEMBERSHIP AS A PREDICTOR OF ELECTION PARTICIPATION IN RUSSIA

Grigorev Andrey V.
HSE University, Moscow, Russia
avgrigorev45@mail.ru
ORCID: 0009-0000-3271-2422

For citation: Grigorev A.V. Development and Validation of the Index of Church Membership as a Predictor of Election Participation in Russia. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 292-313. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7.

Abstract. The article presents an empirical analysis of the influence of religiosity, measured through a churchliness index, on participation in national elections in Russia. The study is based on data from the 7th wave of the World Values Survey (2017–2022, N = 1701). Methodologically, the work relies on a post-secular theoretical framework that considers the return of religion to the public sphere and considers the specifics of state-church relations in modern Russia. A churchliness index was constructed as the key independent variable using principal component analysis (PCA) based on the frequency of attending religious services, prayer practice, and religious self-identification. Multiple linear regression with control for socio-demographic factors (income, education, age, gender), previously standardized for coefficient comparability, was applied to test the hypothesis. The results showed no statistically significant influence of churchliness on electoral activity ($p > 0.33$). The most significant predictors of participation were age ($\beta = 0.072$, $p < 0.001$) and education level ($\beta = 0.041$, $p < 0.001$), while income and gender showed no stable effect in the full model. The findings indicate the institutional autonomy of electoral behavior from religious identity in the studied period, adding an important nuance to the discussion of the political role of religion in a post-secular society.

Keywords: churchliness, electoral behavior, political participation, religiosity, World Values Survey, Russia, post-secularity, regression analysis.

References

1. Akulich, M.M., Kapalin, A.M. Religiya kak sotsial'nyy institut [Religion as a social institution] (in Russian), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no.32, p. 8–15.
2. Berger P.L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (transl., in Russian). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 208 p. ISBN 978-5-4448-0951-8.
3. Bogachev M.I. The Church Attendance and Political Preferences of Orthodox Believers: Quantitative Analysis (in Russian), *Religiovedcheskiye issledovaniya*, 2016, no. 1(13), p. 8–76.
4. Bogachev M.I. Party Preferences of Religious Groups, or Why The Russian Catholics Voted For "Yabloko" and LDPR in 2011 (in Russian), *Kommunikologiya*, 2016, vol. 4, no. 5, p. 130–139.
5. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* (transl., in Russian). Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2011. 464 p. ISBN 978-5-98379-144-2.
6. Kulkova, A. Yu. *Religioznost' i politicheskoe uchastie: rol' politiki v rossiyskikh religioznykh obshchinakh* [Religiosity and political participation: The role of politics in Russian religious communities] (in Russian). Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. 48 p.
7. Sinelina Yu.Yu. Dynamics of Russians' Religiousness and Issues of Its Research Methodology. Religious Thinking and Behavior of Russian Orthodox' and Muslims (in Russian), *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no. 10(354), p. 104–115.
8. Luhmann, N. *Society as a Social System* (transl., in Russian). Moscow: Logos, 2004. 232 p.
9. Sitnikov A.V. *Pravoslaviye, instituty vlasti i grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Orthodoxy, institutions of power and civil society in Russia]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2012. 248 p.
10. Levashova A.I., Shorokhova V.A. "K voprosu issledovaniya sotsial'no-psikhologicheskikh aspektov religioznosti [On the issue of studying socio-psychological aspects of religiosity]" (in Russian), in: *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'yeva* [Social Psychology: Issues of Theory and Practice: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference in Memory of

M.Yu. Kondratyev, Moscow, May 11–12, 2023]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet, 2023, p. 476-479.
11. Taylor C. *A Secular Age*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 887 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15250-5_66.
12. Ukhvatova M.V. Religiya i elektoral'noye povedeniye v Rossii: regional'nyy aspekt [Religion and electoral behavior in Russia: A regional aspect] (in Russian), *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2017, no. 4, p. 26–48.
13. Habermas J. (2008). Notes on a Post-Secular Society, *New Perspectives Quarterly*, 2008, vol. 25, no. 4, p. 17–29. DOI: 10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x.
14. Lamprianou I. "Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment", in: *Democracy in Transition* , ed. by K. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012, p. 21-42. DOI: 10.1007/978-3-642-30068-4_2.
15. Marchand A.D., Frisby M.B., Kraemer M.R., Mathews C.J., Diemer M.A., Voight A.M. Sociopolitical participation among marginalized youth: Do political identification and ideology matter? *Journal of Youth Development,* 2021, vol. 16, no. 5, p. 41–63. DOI: 10.5195/jyd.2021.1089.
16. World Values Survey Wave 7 (2017-2022), *World Values Survey Association* [site]. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (date of access: 10.11.2025)

Information about the author

Andrey V. Grigorev
Postgraduate student, HSE University
AuthorID: 1308158
SPIN-код: 5022-5130

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О журнале

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» (Социология: 4М) – специализированное издание, посвященное проблемам методологии и методов социологических исследований, вопросам сбора, измерения и анализа социологических данных, построению математических моделей социальных процессов.

Редакция журнала отдает предпочтение статьям, которые вносят вклад в развитие социологической методологии, проясняя существующие в этой области проблемы и предлагая новые решения. Одновременно в журнале публикуются аналитические обзоры по социологическим методам, статьи, в которых делается акцент на опыте применения методов сбора и анализа данных для решения актуальных социологических задач.

Основные рубрики журнала:

- общие вопросы методологии и методики исследований;
- методологические проблемы социологической теории;
- статистические методы и анализ данных;
- теория и методы измерения, теория и история методов;
- процедуры сбора данных;
- качество социологических данных, онлайн-опросы;
- качественные методы в социологии;
- методический эксперимент.

Критерии соответствия рукописей тематике журнала не являются жесткими, вопрос о целесообразности публикации статьи решается в каждом случае индивидуально.

Периодичность выхода и доступность номеров

Журнал выходит четыре раза в год. Полнотекстовые версии статей размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала после выхода номера.

Порядок рассмотрения и рецензирования

После получения рукописи статьи редакция принимает решение о соответствии её содержания профилю журнала и о целесообразности передачи рукописи рецензентам. Причины отрицательного решения могут включать в себя в том числе отсутствие результатов проверки математических моделей на оригинальных эмпирических данных, недостаточное или вызывающее сомнение в их достоверности описание источников эмпирических данных, несоответствие современному состоянию исследований по проблеме, а также отсутствие научной новизны. В случае положительного решения статья передается на рецензирование. Решающим для принятия или отклонения рукописи становятся отзывы независимых рецензентов, назначаемых редакцией. Все статьи, направляемые в адрес редакции, проходят обязательную процедуру рецензирования одним экспертом. В случае необходимости редакция назначает второго рецензента.

Процедура рецензирования анонимна и для авторов, и для рецензентов. Рецензент получает рукопись статьи без указания имени и аффилиации авторов. Редакция не сообщает авторам статей фамилии рецензентов и не обсуждает их квалификацию. Рецензенты отбираются из числа специалистов в данной тематической области. Редакция сообщает о результатах рецензирования автору статьи посредством электронной почты в течение трех месяцев после ее получения; в случае отсутствия отзывов к этому моменту редакция сообщает о новых сроках рассмотрения.

Редакция журнала предоставляет авторам право ответить на замечания рецензента по существу и прояснить собственную позицию.

Журнал публикует оригинальные исследовательские работы, которые не публиковались прежде (за исключением электронных препринтов и тезисов). Передавая в редакцию рукопись, автор принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком бы то ни было ином издании без согласования с редакцией журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Оформление статьи

Редакция журнала принимает статьи любого объёма. Для отправки рукописи необходимо перейти на сайт Электронной редакции https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M.

Текст, включая примечания и библиографический список, должен соответствовать стандартам.

- Шрифт – Times New Roman
- Размер шрифта – 12
- Межстрочный интервал – 1,5
- Выравнивание – по ширине
- Поля страницы: 2 см со всех сторон

Рисунки, схемы и таблицы должны быть такого же формата, что и текст, и снабжаться сквозной нумерацией.

Формулы и обозначения должны быть набраны в редакторе формул *Microsoft Equation.*

Комплект статьи включает, кроме основного текста, аннотацию, 8−10 ключевых слов с пометкой «Ключевые слова», справку об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, места работы, должности, ученой степени и звания, адреса электронной почты.

Сопроводительное письмо к рукописи должно содержать описание научной новизны и краткое обоснование, почему статья может представлять интерес для читателей «Социологии: 4М».

Также в этом письме автор должен подтвердить, что представленная статья носит характер оригинального исследования, которое прежде не публиковалось нигде (кроме препринтов и тезисов конференций) и не находится на рассмотрении ни в каком другом издании.

Требования академической этики

Редакционная политика журнала предполагает соблюдение всеми сторонами, участвующим в процессе подготовки статей (авторами, рецензентами и редакцией), требований публикационной этики, обеспе-

чивающих беспристрастную и конфиденциальную оценку рукописей, отсутствие плагиата или незаконного присвоения результатов. Редакция выражает готовность публиковать сообщения о найденных ошибках и о фактах нарушения авторами рукописей публикационной этики.

Сведения о статье на английском языке

Статья может быть принята к публикации только при наличии следующей информации на английском языке: автор, заглавие, данные об аффилиациях автора (наименования организаций, электронный адрес автора, ответственного за корреспонденцию), аннотация, ключевые слова. В качестве английских наименований организаций рекомендуется использовать названия, индексируемые в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*).

Аннотация на английском языке может быть расширенной, т.е. более полной по сравнению с аннотацией на русском языке. Аннотация должна укладываться в объем от 100 до 250 слов.

Список использованных источников

Все источники, упомянутые в тексте, должны сопровождаться библиографическими ссылками. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. За точность (правильность) цитат в статье, а также цифр и иной информации, ответственность несет автор.

Ссылки на источники оформляются в виде пристатейного библиографического списка и нумеруются в порядке следования с указанием по тексту в квадратных скобках порядкового номера ссылки цифрой: [1], [7]. Одновременная ссылка на несколько номеров дается в одних скобках: [3; 7; 11; 12; 13], [3, с. 5; 7, с. 8–14]. Ссылка на неопубликованные работы не допускается. Библиографические описания изданий оформляются в соот-ветствии с государственным стандартом и примерами, приведенными ниже.

При оформлении библиографических описаний обязательно указание DOI и EDN (при их наличии). Для монографий требуется указание ISBN.

Примеры библиографических описаний:

1. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 456 с. ISBN 978-5-7598-2530-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2. EDN: QOJUNL.

2. *Климова А. М., Артамонов Ф. А., Ммель К. Ш.* Измерение политического знания: разработка и апробация шкалы в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2021, № 52. С. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3. EDN: ARWFHV.

3. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. 303 с. ISBN 5-239-01378-0.

4. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. Vol. 65, № 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288. EDN: GSHGFR.

5. *Glänzel W., Schubert A.* Analysing scientific networks through co-authorship // Handbook of quantitative science and technology research. Springer: Dordrecht, 2004. P. 257–276. ISBN 978-1-4020-2702-4. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

Использованные источники в романском алфавите (кириллице)

В случае принятия рукописи к публикации авторы по запросу редакции обязаны предоставить транслитерированный в латинице полный список литературы к своей статье.

Основные требования:

- названия цитируемых русскоязычных публикаций следует давать в виде перевода на английский с пометкой в скобках, что речь идет о работе на русском языке (in Russian);
- для переводных работ указывается исходное название источника на языке публикации, выходные данные – в транслитерированном виде;
- названия источников (журналов), а также фамилии авторов желательно давать в том виде, в каком они индексируются в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*);

- название источника может сопровождаться его переводом на английский язык, например: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- при составлении списка источников недопустимо использовать российский ГОСТ, в частности запрещено в качестве разделительных знаков использовать «//» и «–»;
- название источника выделяется курсивом;
- указывается DOI источника (при наличии), но не указывается ISBN и EDN.

Примеры библиографических описаний на английском языке:

1. Durkheim É. *L'éducation morale* (transl., in Russian). Moscow: HSE University, 2021. 456 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
2. Klimova A., Artamonov G., Chmel K. Measuring political knowledge: development and testing the scale in Russia (in Russian), *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2021, no. 52, p. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3.
3. Sorokin P. *A long journey* (transl., in Russian). Moscow: Terra, 1992. 303 p.
4. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values, *American sociological review,* 2000, vol. 65, no. 1, p. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
5. Glänzel W., Schubert A. “Analysing scientific networks through co-authorship”, in: *Handbook of quantitative science and technology Research*, ed. by H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Springer, Dordrecht, 2004, p. 257–276. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

INFORMATION FOR AUTHORS

About the journal

"Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling" (Sociology: 4M) is a peer-reviewed scholarly journal presenting pioneering work on problems of methodology and methods of sociological research, on the collection, measurement and analysis of social science data, on building mathematical models of social processes.

Sociology: 4M publishes articles that contribute to the development of sociological methodology, clarify the existing problems in this area and offer new solutions. In addition, it publishes analytical reviews of sociological methods.

Main topics:

- general issues of methodology and research methods:
- statistical methods and data analysis;
- theory and methods of measurement, theory and history of methods;
- data collection procedures;
- the quality of social science data, online surveys;
- qualitative methods in sociology;
- social science experiments.

The research topics are not limited by this list; the decision on publication is made in each case individually.

Publication frequency and access

The journal is published four a year. Full-text versions of articles are available for open access on the journal's website.

The review procedure

All papers submitted to Sociology: 4M are screened by the editors for general suitability. The reasons for the negative decision may include the absence of mathematical models verification based on original empirical data, insufficient description of the empirical data sources, inconsistency with current state of research on the problem, and the lack of scientific novelty. If the decision is positive the article is sent to formal review. The results of this review are crucial to the acceptance or rejection of the manuscripts. All papers meeting basic editorial criteria are reviewed at least by one expert. If necessary, editors appoint a second reviewer for the paper.

The review procedure of is anonymous for both authors and reviewers. The experts receive manuscripts without any indication of the name and affiliation of the authors. Editors do not reveal the reviewers' names to authors and not discuss their qualification. Reviewers are selected from experts in the subject area. The editorial team will contact the authors by email with the results of peer-review within three months after submission; if the reviews have not been received by this date, a new target date is announced.

The editorial team provides authors the right to respond to comments of the reviewers and to clarify their own position.

The journal publishes only original research papers which have not been published before (except for electronic preprints and theses). By submitting a manuscript the author agrees not to publish it in whole or in part in any form without the editors' permission.

There are no publication fees in Sociology: 4M.

Article design

The editorial board accepts articles of any length. To send a manuscript, please go to the Electronic Editorial Board website https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M .

The text, including notes and bibliography, must comply with the standards.

- Font – Times New Roman;
- Font size – 12;

- Line spacing – 1.5;
- Justified text alignment;
- Page margins: 2 cm on all sides.

Formulas and symbols should be typed in *Microsoft Equation*.

The author should also provide an abstract, 8-10 keywords, author's name, affiliation and position, contact information.

The cover letter accompanying the manuscript should contain a description of scientific novelty and a brief justification of why the article may be of interest to «Sociology: 4M» readers.

In this letter the author must confirm that the article is based on an original study, has not been published anywhere before (except as a preprint or in conference abstracts) and is not under consideration in any other journal.

Publication ethics statement

The editorial policy requires compliance with the requirements of publication ethics by all parties involved in the preparation of the article (authors, reviewers and editors), that provides the confidential review of manuscripts, absence of plagiarism or misappropriation of the results. The editorial board expresses its readiness to publish error reports and information about violations of publication ethics by authors.

Information about the article in English

Authors should provide the following information in English: authors'names, titles, authors' affiliation (names of organizations, e-mail of the author responsible for correspondence), abstract and keywords. We recommend using the English organizations' names from such citation indexes as Web of Science and Scopus.

We also recommend supplying an extended English abstract (up to 250 words).

List of references

Authors should provide references to all sources mentioned in the text. The author must indicate sources of all citations, numbers, and other information. Authors are responsible for the accuracy of quotes as well as numbers and other information.

References to unpublished works are not permitted. Bibliographic descriptions of publications should be made in accordance with Russian state technical standards (GOST).

Transliteration of references

If the manuscript is accepted the authors must provide transliterated references within two weeks upon acceptance for publication. Basic requirements are as follows:

- publication titles should be given in English with a note that it is a work in Russian;
- for translated works (originally published in one of Romance languages) the title should be given in original language, the source – in transliterated form;
- we recommend to provide the author names and source titles (journals) in the form they are indexed in such citation databases as Web of Science and Scopus.
- the source title may be accompanied by a translation into English, for example: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- source titles should be given in italics.

Социология: методология, методы, математическое моделирование

Сетевое научное издание

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Эл № ФС77-85872 от 4 сентября 2023 г.

ISSN 2949-463X

Учредители

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: https://www.fnisc.ru. Телефон: 8 499 125-00-79

Общественная организация «Российское общество социологов»
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: https://www.ssa-rss.ru. Телефон: 8 499 719-09-71

Главный редактор – Бабич Н. С.

Журнал «Социология: методология, методы, математическое моделирование» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Электронная почта редакции: sociology.4m@gmail.com
Телефон редакции: +7 (993) 957-91-75
Официальный сайт журнала: https://www.soc4m.ru

2026. Т. 35. № 3 (64). Дата выхода в свет 12.10.2026